ISSN 1684-1581 (online)
ISSN 1562-2495 (print)

Социологический журнал

2026
Том 32
2

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2026 Том 32 № 2

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке
Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Козырева Полина Михайловна
главный редактор,
доктор социологических наук
Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Козлова Лариса Алексеевна
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент
Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор, Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences
Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University, USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State University; Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS), University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostelecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation "Public Opinion" (FOM), Russian Federation

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Инициируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с.37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. *Николаев В.Г.* «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17.
   Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chicago School of Sociology: Collection of Translations*. Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISISS publ., 2015. P. 5–17. (In Russ.)
2. *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
   Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
   Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. Moscow: Publ. House of HSE, 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject.* L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What do Platforms do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.
Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.
Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2026. ТОМ 32. № 2
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.2
EDN: YGBPYO

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В.Б. Звоновский, А.В. Ходыкин, А.В. Гольдебаева

9–31 Анализ категорических отказов от продолжения интервью в телефонных опросах на политическую тематику

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

С.Г. Пашков, А.Ю. Чепуренко

32–44 Пульс малого бизнеса: цепные индексы как источник экспертных оценок (на основе данных «Лонгитюда малого бизнеса» ФОМ)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Горбенко

45–58 Моральные основания в детском медиаконтенте: на примере светских и религиозных медиаисточников

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Ю.Л. Качанов

59–77 «Научная элита» как проблема и понятие

А.Л. Темницкий

78–97 Индекс Хирша в научной деятельности российских ученых: от организационной инновации к академической традиции

Е.И. Маринина

98–120 Международная мобильность исследователей социальных и гуманитарных наук: стратегии адаптации и последствия для профессиональной деятельности

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Е. Зборовский

121–138 Социальная структура университета
как проблема социологического исследования

М.А. Козлова, Е.Р. Ярская-Смирнова

139–162 Дружелюбная образовательная среда
в контексте таргетированного универсализма:
теоретическая модель и практическая релевантность

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К юбилею Б.З. Докторова

Б.З. Докторов, Л.А. Козлова

163–178 Опыт автобиографических и автоэтнографических исследований:
интервью с Б.З. Докторовым

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю.В. Попков

179–186 Этнонациональное и цивилизационное
в евразийском социокультурном пространстве

Е.Е. Тарандо, М.В. Рубцова, С.В. Рассказов, Г.А. Меньшикова

187–197 Секция кафедры социального управления и планирования СПбГУ
на X Санкт-Петербургском международном форуме труда
(8–10 апреля 2026 г.)

CONTENTS

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL =
SOCIOLOGICAL JOURNAL
2026. Vol. 32. No. 2
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.2

THEORY AND METHODOLOGY

Zvonovsky, V.B., Khodykin, A.V., Goldebayeva, A.V.

9–31 Analysis of Hard Refusals to Continue Interviews in Telephone Surveys on Political Topics

ECONOMIC SOCIOLOGY

Pashkov, S.G., Chepurenko, A.Yu.

32–44 The Pulse of Small Business: Chain Indices as a Source of Analytics and Management Decisions (Based on Data From the "Longitude of Small Business" by FOM)

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Gorbenko, A.V.

45–58 Moral Foundations in Children's Media Content: A Comparison of Secular and Religious Media Sources

SOCIOLOGY OF SCIENCE

Katchanov, Y.L.

59–77 The "Scientific Elite" as a Problem and Concept

Temnitskiy, A.L.

78–97 The Hirsch Index in the Scientific Activity of Russian Scientists: from Organizational Innovation to Academic Tradition

Marinina, E.I.

98–120 International Mobility of Researchers in Social Sciences and Humanities: Adaptation Strategies and Consequences for Professional Development

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Zborovsky, G.E.

121–138 The Social Structure of the University as a Problem of Sociological Research

Kozlova, M.A., Iarskaya-Smirnova, E.R.

139–162 A Friendly Educational Environment in the Context of Targeted Universalism: A Theoretical Model and Practical Relevance

BIOGRAPHY RESEARCH

On the anniversary of Boris Z. Doktorov

Doktorov, B.Z., Kozlova, L.A.

163–178 Experience in autobiographical and autoethnographic research: An interview with B. Doktorov

ACADEMIC LIFE

Popkov, Yu.V.

179–186 The Ethnonational and the Civilizational in the Eurasian Socio-Cultural Space

Tarando, E.E., Rubtsova, M.V., Rasskazov, S.V., Menshikova, G.A.

187–197 Section of the Department of Social Management and Planning of Saint Petersburg State University at the 10th St Petersburg International Labor Forum (April 8–10, 2026)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.1
EDN: BXLNLE

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ[2], А.В. ХОДЫКИН[1], А.В. ГОЛЬДЕБАЕВА[1]

[1] Самарский государственный экономический университет.
443090, Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
[2] Фонд социальных исследований.
443041, Самара, ул. Красноармейская, д. 70.

АНАЛИЗ КАТЕГОРИЧЕСКИХ ОТКАЗОВ ОТ ПРОДОЛЖЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ В ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСАХ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ

Аннотация. Необходимость анализа прерванных интервью обусловлена двумя причинами: 1) важностью контроля возможных систематических смещений выборок и 2) наиболее наглядным проявлением в таких интервью проблем, характерных для опроса в целом, но чаще всего преодолеваемых совместными усилиями интервьюеров и респондентов. Выбор для исследования жестких отказов обусловлен тем, что такой статус ставится при наиболее категорично высказанном респондентами нежелании продолжать опрос, то есть предполагается, что именно в этих случаях проблемы коммуникации выражены наиболее остро. Исследование выполнено в два этапа: 1) проведенный с 5 по 13 февраля 2025 г. компанией «Хроники» телефонный опрос (CATI) с использованием случайной стратифицированной выборки ($N = 1600$ успешных интервью, 746 прерванных, из которых 160 получили статус «жесткий отказ»); 2) контент-анализ и качественный анализ аудиозаписей всех прерванных интервью, завершившихся категорическим отказом респондента от продолжения диалога (финальный статус «жесткий отказ») на любом вопросе после приветствия ($N = 160$). Таким образом, во всех проанализированных интервью респонденты сначала высказали готовность участвовать в опросе (согласие по результатам приветствия), но в ходе диалога утратили эту готовность по тем или иным причинам. Чаще всего жесткие отказы возникают в начале заполнения анкеты на социально-демографических вопросах, негативно воспринимаемых значимой долей респондентов как сбор их личных данных. Вопреки ожиданиям, вопросы о военных действиях не лидируют по числу отказов. Категорическая неготовность продолжать интервью в телефонных опросах на политическую тематику обусловлена тремя группами возникающих в ходе опросной коммуникации или предшествующих ей сложностей. В порядке распространенности к ним относятся: 1) неготовность или нежелание обсуждать политическую тематику (43%); 2) недоверие к исследователям (29%) и 3) методические особенности составления анкеты и проведения интервью (длина анкеты,

формулировки вопросов, поведение интервьюеров) (в сумме 14%). В 44% всех случаев жестким отказам предшествуют проблемы коммуникации между интервьюером и респондентом на предыдущих вопросах анкеты.

Ключевые слова: телефонный опрос; жесткий отказ; прерванные интервью; статус контакта; коэффициенты ответов; анализ документов; аудиозаписи опросов.

Для цитирования: *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Гольдебаева А.В.* Анализ категорических отказов от продолжения интервью в телефонных опросах на политическую тематику // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 9–31. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.1 EDN: BXLNLE

Введение

Недостижимость респондентов в любых опросах становится предметом методических исследований, поскольку они потенциально могут привести к систематическим смещениям выборок за счет самоотбора респондентов (“selection bias”) [14]: если даже в случайно набранной выборке успешно прошедшие опрос респонденты по измеряемым в этом опросе параметрам статистически значимо отличаются от отказавшихся проходить его, то выборка становится смещенной и теряет репрезентативность [10]. Поэтому случайный отбор — необходимое, но недостаточное условие репрезентативности выборки. Не все согласившиеся на участие в массовом телефонном опросе респонденты, соответствующие требованиям выборки, успешно проходят анкету до конца. Часть из них по тем или иным причинам досрочно прерывают интервью. По данным наших исследований, доля прерванных интервью от суммы прерванных и успешных обычно колеблется в диапазоне 25–40%, что в несколько раз меньше доли полученных в самом начале опроса отказов участвовать в нем, однако тоже может сместить результаты опроса [4]. Если распределение мнений среди отказывающихся отвечать на вопросы значимо отличается от мнений тех, кто готов успешно завершать интервью, в итоговых данных будут систематические смещения из-за самоотбора респондентов [12]. В политических опросах это может приводить к неточному отражению распределения политических взглядов населения страны [11].

Прерывания респондентами интервью случаются по разным причинам: от технических проблем или внезапно появившихся дел до чрезмерной сложности, длины или сенситивности вопросных формулировок либо дискомфорта от опроса в целом. Профессиональные характеристики интервьюеров, такие как тембр голоса и темп речи, умение удержать респондента в диалоге и восстановить нарушенную коммуникацию, степень подготовленности к интервью и развитости речевых компетенций и т. д. также влияют на готовность респондентов проходить опросы [7; 13]. Исследователи не могут повлиять на причины, связанные с внешними обстоятельствами (проблемы со связью респондента, отвлекающие его третьи лица и т. п.), эти причины не зависят от темы опроса и методической работы социологов.

Если же прерывания вызваны дискомфортом от темы опроса, формулировок вопросов, длины анкеты и от других подобных причин, с помощью методической работы можно частично исправить ситуацию. Кроме того, анализ

прерываний интервью, случившихся по внутренним причинам, специфичным для данного опроса, позволяет выявить причины дискомфорта респондентов: если какой-то вопрос или тема чаще заставляет участников опроса прекратить интервью, то значительно большее число, испытав тот же дискомфорт, преодолеют его и все-таки продолжат опрос, но не известно, как это повлияет на качество их ответов. Поэтому анализ причин прерванных интервью необходим для выявления проблемных мест анкеты и коммуникации между интервьюером и респондентом.

Наши предыдущие исследования показывают, что чаще всего прерывания связаны с внешними обстоятельствами [4]. Поэтому, чтобы выделить среди всех прерываний по большей части те, которые случились из-за особенностей анкеты и восприятия ее прохождения обоими участниками опросной коммуникации, то есть сфокусировать исследовательское внимание на внутренних проблемах опросного диалога, в данной работе проанализируем все аудиозаписи прерванных интервью только со статусом «жесткий отказ». Причины прерывания интервью в опросах на тему российско-украинского конфликта проанализированы в наших исследованиях, положенных в основу опубликованной в текущем году монографии о различного рода смещениях, возникающих в политических опросах [4]. Однако в этих исследованиях проанализированы прерванные интервью всех статусов, что позволяет выявить соотношение распространенности прерываний интервью по разным причинам, тогда как цель данной статьи, являющейся продолжением описанных в нашей монографии исследований, — выявить и описать проблемы, которые связаны именно со сложностями, возникающими из-за содержания диалога между интервьюером и респондентом, а также из-за восприятия обоими коммуникантами опросной процедуры. Постараемся выяснить, какие особенности их диалога приводят к категорической утрате респондентами готовности участвовать в политических опросах, произошедшей в ходе интервью (именно таким прерываниям присваивается статус «жесткий отказ»).

В соответствии со стандартами по фиксации результатов звонков в телефонных опросах AAPOR[1], статус «жесткий отказ» указывается в любом месте анкеты для звонков, где респондент четко и категорически отказался участвовать (или продолжать участвовать) в опросе, а его ответ не оставляет надежды, что при повторной попытке контакта он согласится продолжить опрос (скорее, повторная попытка вызовет у него негативную реакцию). Поэтому статус «жесткий отказ» является финальным, то есть на получившие его телефонные номера больше не перезванивают. Любое интервью начинается с приветствия, по итогам которого респондент дает согласие на участие в опросе, после чего интервьюер переходит к вопросам анкеты. Таким образом, если респонденту начали задавать вопросы, то он на этапе приветствия уже согласился на участие в опросе. Если же на последующих вопросах он категорически отказывается от продолжения интервью (только в таком случае ставится статус «жесткий отказ»), то можно сделать вывод: изначально готовый проходить опрос человек по какой-то причине утратил эту готовность в ходе диалога, то есть в процессе интервью случилось что-то такое, из-за чего респондент больше не хочет отвечать на эту анкету не только сейчас,

[1] См. Standard Definitions Report. — URL: https://aapor.org/wp-content/uploads/2023/05/Standards-Definitions-10th-edition.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

но и в ближайшем будущем, что-то его оттолкнуло от опроса. В данной статье проанализированы аудиозаписи всех прерванных интервью со статусом «жесткий отказ», в которых был задан хотя бы один вопрос после приветствия. Таким образом, респонденты сначала высказали готовность участвовать в опросе, но в ходе него утратили эту готовность. В причинах этого постараемся разобраться далее.

Гипотезы исследования

1. Согласно данным методических работ, сенситивность темы опроса способствует неготовности респондентов продолжать его [1; 6]. Наши исследования показали, что наиболее сенситивными являются вопросы о военных действиях [2; 3], поэтому можно предположить, что больше всего прерываний со статусом «жесткий отказ» на один вопрос блока придется на блок «СВО».

2. Прерывание интервью из-за жесткого отказа часто происходит вследствие накопления коммуникативных проблем в диалоге интервьюера и респондента. Это дает основание предположить, что в большинстве случаев жесткому отказу респондента предшествовали проблемы коммуникации (критика респондентом анкеты, затруднения, спор с интервьюером, высказывание претензий, нежелания отвечать и т. п.) в вопросах, заданных до того, как респондент категорически отказался продолжать опрос.

3. Наши предыдущие исследования, основанные на результатах прослушивания интервью, показали, что восприятие опроса связано с его тематикой [4]. Поэтому можно предположить, что наиболее распространенными причинами жестких отказов от продолжения интервью будут те, которые связаны с темой опроса.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено в два этапа.

Первый этап. Метод: телефонный опрос (CATI) на тему отношения россиян к российско-украинскому конфликту, проведенный с 5 по 13 февраля 2025 г. социологической компанией «Хроники»[2]. Выборка случайная ($N = 1600$ успешных и 746 прерванных[3] интервью, из которых 160 имеют статус «жесткий отказ»), стратифицирована по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,45% при уровне значимости 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом

---

[2] Авторы благодарят компанию «Хроники» за любезно предоставленные аудиозаписи для прослушивания.

[3] Методически правильно относить к прерванным интервью только те, в которых респондент успешно прошел блок отборочных вопросов (скринер), но не прошел интервью до конца, поскольку только в таком случае можно утверждать, что респондент подходит для опроса. Однако для нашего исследования важнее понять и описать процесс утраты человеком готовности проходить интервью, что может произойти и на блоке отборочных вопросов. Поэтому мы исследовали прерывания со статусом «жесткий отказ», случившиеся и на вопросах отборочного блока. В 746 прерванных интервью они принадлежат тем респондентам, кто прервал интервью на отборочном блоке, но сюда не включены те, кто не прошел отбор.

на основе диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2024 г. Опрос проводился только по мобильным номерам, поскольку покрытие населения мобильной связью в России на сегодняшний день почти сплошное, что побудило исследовательские компании (ВЦИОМ, Russian Field, ExtreamScan, Фонд социальных исследований и др.) отказаться от использования стационарных номеров в телефонных опросах.

Второй этап. Методы: 1) контент-анализ всех аудиозаписей интервью со статусом контакта «жесткий отказ», в которых получено изначальное согласие респондента на участие в опросе; 2) качественный анализ документов, то есть этих аудиозаписей. Контент-анализ позволяет измерить, насколько часто встречаются жесткие отказы от продолжения интервью в разных блоках анкеты, тогда как по результатам качественного анализа предполагается подробно описать случаи таких отказов и их причины. Выборка аудиозаписей сплошная: прослушаны все 160 прерванных интервью, получившие статус «жесткий отказ» на любом вопросе анкеты после приветствия.

Структура анкеты

В целом структура и характеристики как самой анкеты, так и прерванных интервью сходны с теми, которые были на предыдущем этапе исследования, что облегчает преемственность полученных данных. В исследуемом опросе на 1600 успешных интервью пришлось 746 прерванных, то есть 32% от суммы прерванных и успешных, что не выходит за рамки обычных значений для опросов на данную тематику. В то же время анкета оказалась довольно длинной: продолжительность ответов в среднем составила 16 мин 55 с, что превышает стандартные для таких опросов показатели в 10–15 мин и выходит за пределы рекомендованной для телефонных опросов максимальной длины анкеты в 15 мин [4]. Анкету можно разделить на четыре тематических блока, к которым добавлены два вопроса, не подходящих ни под один из блоков и объединенных в отдельный подблок «Другое» (ДР). В перечень основных тематических блоков входят социально-демографический (СД), блок про экономику, ощущение личного благополучия и участие в волонтерской деятельности (ЭБ), блок про военные действия (СВО) и блок про выборы и политиков (В). В таблице 1 приведены вопросы анкеты в том порядке, в каком они задавались респондентам.

Отказ респондентов от продолжения интервью связан с нежеланием или невозможностью продолжать опрос, причем в случае жестких отказов это нежелание или невозможность приобретает наиболее категоричную форму. Отказаться от прохождения опроса во время его проведения респондента побуждает какая-то веская причина, возникшая по ходу интервью. Часто дискомфорт появляется из-за негативного восприятия конкретных вопросов или тематики. Если бы все вопросы в равной степени вызывали дискомфорт у респондентов, то категорические отказы продолжать интервью распределялись бы по всем вопросам анкеты относительно равномерно или, по крайней мере, пропорционально их длине.

Таблица 1

Вопросы анкеты и число жестких отказов на них (порядок вопросов такой же, как в анкете)

Номер вопроса	Количество жестких отказов	Средняя длина вопроса, *с.*	Текст вопроса
СД1	1	7,2	Сколько Вам полных лет?
СД2	15	15,1	Если Вы гражданин России, то в какой области, крае или республике Вы проживаете постоянно?
СД3	13	7,5	Вы проживаете в городе, поселке городского типа или селе? *(вопрос не задавался жителям Москвы и Санкт-Петербурга)*
СД4	21	26,3	Какой ОСНОВНОЙ род занятий у Вас в настоящее время?
ЭБ1	1	14,5	В последние год-два Вам приходится работать больше или меньше, чем три-четыре года назад, или ничего не изменилось? *(задавался только работающим)*
ЭБ2	10	12,0	За последний год Ваше материальное положение улучшилось, ухудшилось или в целом не изменилось?
ЭБ3	8	15,6	За последний год Вы или члены Вашей семьи сталкивались или нет с отсутствием необходимых для Вас лекарств в аптеках или в медицинских учреждениях?
ЭБ4	11	61,5	Вспомните, за прошедшие три года Вы помогали или нет кому-либо продуктами, деньгами, вещами, делами, любыми услугами на безвозмездной основе? И если помогали, то кому?
ЭБ5	2	15,2	По Вашему мнению, следует или не следует обычным людям оказывать содействие беженцам, пострадавшим от военных действий?
СВО1	3	14,0	По Вашему мнению, следует или не следует обычным людям оказывать содействие армии?
В1	7	20,6	Одни полагают, что мэра города должен назначать глава региона. Другие считают, что мэра города должны выбирать жители этого города. С какой точкой зрения Вы скорее согласны — с первой или со второй? *(задавался только жителям городов)*
В2	3	21,7	Одни полагают, что главу района должен назначать губернатор. Другие считают, что главу района должны выбирать жители этого района. С какой точкой зрения Вы скорее согласны — с первой или со второй? *(задавался только жителям сел и ПГТ)*
В3	4	19,7	Одни полагают, что главу региона (области, края или республики) должен назначать президент страны. Другие считают, что главу региона должны выбирать его жители. С какой точкой зрения Вы скорее согласны — с первой или со второй?

Продолжение таблицы 1

Номер вопроса	Количество жестких отказов	Средняя длина вопроса, *с.*	Текст вопроса
B4	3	19,5	Скажите, удалось ли Вам проголосовать на выборах Президента России в марте 2024 года? Если да, то за кого Вы проголосовали?
B5	6	12,3	Вы бы хотели или нет, чтобы Владимир Путин стал Президентом России на следующих выборах?
ЭБ6	8	24,0	На Ваш взгляд, в случае дефицита бюджета куда следует расходовать государственные средства в первую очередь — на вооруженные силы или на социальную сферу, включая здравоохранение, образование и пенсии?
СВО2	7	61,6	Из каких источников Вы получаете информацию о ходе конфликта между Россией и Украиной?
СВО3	14	64,5	Сейчас я зачитаю список лидеров разных стран. Оцените по шкале от 1 до 5, насколько от каждого из них зависит урегулирование конфликта между Россией и Украиной? 1 — совсем не зависит, а 5 — полностью зависит.
СВО4	1	16,5	Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?
СВО5	3	23,1	Как Вы считаете, среди Ваших близких, знакомых, родственников, коллег по работе большинство поддерживают или не поддерживают военную операцию России на территории Украины?
СВО6	4	21,8	А как Вы думаете, в повседневном окружении Владимира Путина большинство поддерживают или не поддерживают спецоперацию?
СВО7	2	23,4	Если Владимир Путин примет решение вывести российские войска с территории Украины и начнет переговоры о перемирии, НЕ достигнув изначально поставленных целей военной операции, Вы поддержите или не поддержите такое решение?
СВО8	3	25,2	Как Вы полагаете, когда завершится военная операция России на территории Украины — через несколько месяцев, через год, больше, чем через год, или она никогда не завершится?
СВО9	2	36,3	На Ваш взгляд, что должно сделать руководство нашей страны, чтобы закончить спецоперацию?
СВО10	1	17,1	Повлияла ли спецоперация на Вашу повседневную жизнь? Если да, то скорее положительно или скорее отрицательно?
СВО11	1	18,8	На Ваш взгляд, должны или не должны россияне иметь право открыто критиковать военную операцию на Украине?

Окончание таблицы 1

Номер вопроса	Количество жестких отказов	Средняя длина вопроса, *с.*	Текст вопроса
ДР1	1	57,4	Были ли в советское время в Вашей семье те, кто...?
СД5	0	17,3	В завершение несколько вопросов о Вас для статистики. Какой у Вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?
СД6	2	47,2	Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи?
СД7	2	27,8	Укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?
СД8	1	88,4	Сейчас я зачитаю список общественных организаций. Для каждой из них укажите, являетесь ли Вы активным участником, неактивным участником или не являетесь участником данной организации.
СВО12	0	22,1	Вы лично или кто-то из Вашей семьи участвует или участвовал в военных действиях в рамках спецоперации на Украине в последние три года (2022–2025 гг.)? Или таких людей нет?
ДР2	0	22,7	Для улучшения качества наших исследований скажите, по какой причине Вы согласились принять участие в опросе?

Однако данные показывают, что это не так (табл. 1). Количество жестких отказов отвечать на тот или иной вопрос различается. Ранее выявленная нами прямая связь между длиной вопроса и частотой прерываний на нем опроса не прослеживается: на самых длинных вопросах (более 60 с) доля жестких отказов не превышала средних значений, тогда как больше всего их оказалось на вопросе про род занятий (21), не длинном (26 с) и обычно не вызывающем затруднений у респондентов. Значительная часть жестких отказов от продолжения опроса приходится на первые социально-демографические вопросы анкеты (15% от всех жестких отказов). Это показывает, что вопросы про самих респондентов в начале анкеты воспринимаются ими острее, чем в конце, когда контакт состоялся и интервьюер видится не как незнакомый человек, собирающий информацию о респонденте, а как собеседник, с которым уже установлена коммуникативная связь. В целом распределение жестких отказов сильно смещено в начало анкеты: если разделить все вопросы анкеты (их всего 33) на три равные части, то на первую треть приходится 92 жестких отказа, на вторую — 55, а на третью — лишь 13.

В то же время, возможно, все наиболее подозрительные респонденты, не готовые озвучивать даже общую информацию о себе, прекращают опрос в начале анкеты, тогда как остаются на линии те, кто не столь подозрителен. Поэтому финальный социально-демографический блок не вызывает такой острой реакции. В любом случае лучше переносить социально-демографические вопросы в конец интервью. Однако, когда они выполняют в том числе скрининговую функцию, этого сделать не удается.

Больше всего жестких отказов собрал социально-демографический блок (СД): в среднем по блоку их 6,9 на один вопрос (табл. 2). Почти все отказы сосредоточились в той части блока, которая была в начале анкеты (50 отказов против 5 в финальной части). Как отмечено выше, это связано с неготовностью наиболее подозрительно настроенных респондентов давать информацию о себе в самом начале интервью. Блок про экономику, ощущение личного благополучия и участие в волонтерской деятельности (ЭБ) занял второе место по числу отказов на один вопрос (6,7). К жестким отказам от продолжения опроса чаще всего приводили сложность формулировок (как в вопросе ЭБ4, состоящем из 24 слов, двух вопросных форм), неготовность части респондентов обсуждать изменение своего материального положения (ЭБ2) из-за восприятия этой информации как конфиденциальной или вспоминать про личные проблемы (ЭБ3), что портит настроение респондентам, а у некоторых особо радикальных сторонников действующей власти вызывает подозрения в стремлении исследователей подорвать их непоколебимую веру в правильность действующего политического курса.

На третьем месте по числу жестких отказов — блок вопросов про отношение к выборам и политикам (В), в котором на один вопрос пришлось в среднем 4,6 жесткого отказа. Неудачной для телефонного опроса оказалась привычная для личных интервью формулировка «одни полагают..., другие полагают... С какой точкой зрения Вы согласны?», поскольку увеличилась длина вопросов в среднем до 32 слов (В1 — В3). Респондентам сложно удерживать в памяти столь большой объем информации. Блок про военное противостояние (СВО) собрал значительно меньше жестких отказов, чем предполагалось исходя из темы вопросов в нем (в среднем 3,4 случая на один вопрос, при том что средняя длина вопроса блока (28,7 с) не выделяется на фоне средней длины вопроса по анкете в целом (26,7 с). Таким образом, первая гипотеза не подтвердилась.

Таблица 2

Распределение жестких отказов по блокам

Тема блока	Количество вопросов в блоке	Характеристики блоков		
		Среднее число жестких отказов на один вопрос	Средняя длина вопроса, *с.*	Всего жестких отказов
СД (социально-демографический)	8	6,9	29,6	55
ЭБ (экономика и благополучие)	6	6,7	23,8	40
В (отношение к выборам и политикам)	5	4,6	18,8	23
СВО	12	3,4	28,7	41
ДР (другое)	2	0,5	40,1	1
Всего	**33**	**4,8**	**26,7**	**160**

Возможно, наиболее настороженно относящиеся к опросу респонденты прекратили интервью на более ранних вопросах на политические и экономические темы (собравшие больше отказов). Исходя из распределения жестких отказов по анкете, можно сделать вывод: чем раньше задан вопрос, тем выше вероятность столкнуться на нем с категорическим нежеланием продолжать интервью. Поэтому решение исследователей поставить наиболее сенситивный блок в конец основной части анкеты — перед завершающими ее социально-демографическими вопросами — представляется правильным и положительно повлиявшим на снижение доли жестких отказов.

Причины отказов и их накопительный эффект

Приводящей к жесткому отказу утрате респондентами желания или возможности проходить опрос часто предшествуют проблемы коммуникации в ходе интервью, имеющие накопительный эффект. Поэтому выясним, случались ли в интервью, завершившихся жесткими отказами, проблемы коммуникации (критика анкеты, затруднения, спор с интервьюером, высказывание претензий, нежелания отвечать и т. п.) в вопросах, предшествовавших тому, на котором респондент категорически отказался от продолжения опроса. Проследим динамику наличия таких проблем по трем волнам опросов на политическую тематику, характеристика которых представлена в таблице 3. Более подробно исследуемый в данной работе опрос составляет третью волну исследования.

Таблица 3

Характеристики волн опроса

Волна опроса	Выборка	Даты	Количество успешных интервью	Количество прерванных интервью
1-я волна	Случайная, стратифицированная по федеральным округам	Январь 2024 г.	1619	888
2-я волна	Выборка 1: случайная, стратифицированная по федеральным округам	Октябрь 2024 г.	1242	602
2-я волна	Выборка 2: панельная, составлена из выборки величиной 1603 респондента, успешно прошедших политический опрос в июне 2024 г.	Октябрь 2024 г.	362	34
3-я волна	Случайная, стратифицированная по федеральным округам	Февраль 2025 г.	1600	746 (160 из них со статусом «жесткий отказ»)

По первым двум волнам приведены данные по всем прерванным интервью, тогда как по третьей — только по жестким отказам. Почти в половине случаев февральской волны (44%) жесткий отказ последовал после затруднений в общении интервьюера с респондентом на предыдущих вопросах (табл. 4). Таким образом, утрата готовности продолжать опрос часто связана с накопительным эффектом

коммуникационных проблем: когда трудности в диалоге достигают критической массы, респондент теряет терпение и категорически отказывается от продолжения интервью. Однако в большинстве случаев (56%) таких проблем все же не выявлено, то есть вторая гипотеза не подтвердилась: чаще респонденты отказываются продолжать опрос уже после первой значительной поломки коммуникации.

Причем это соотношение долей не меняется ни в зависимости от времени проведения опроса, ни в зависимости от статуса прерванных интервью, но меняется в панельной выборке. В прерванных интервью из политических опросов по случайным всероссийским выборкам проблемы коммуникации предшествуют досрочному прекращению интервью в 40–45% случаев, тогда как в панельной выборке эта доля возрастает до 53%, то есть чтобы побудить повторно участвующих в политических опросах респондентов прервать интервью, чаще должны случиться проблемы в диалоге, предшествующие обрыву. Иными словами, повторно опрошенные респонденты более лояльны к полстерам и реже прерывают интервью после первого значительного сбоя. Это косвенно подтверждают данные «Российского электорального мониторинга» о большей готовности участников политических панельных опросов успешно проходить их и в дальнейшем: среди участников двух волн политического опроса 2021 г. 58% успешно прошли его и в 2023 г., несмотря на начавшиеся военные действия и введенные законодательные ограничения на высказывание антивоенной позиции [15]. Более того, 82% этих повторных участников выразили желание поучаствовать и в следующей волне [16].

Таблица 4

Наличие сбоев коммуникации, предшествовавших прерыванию интервью, %

Наличие сбоев коммуникации, предшествовавших прерыванию интервью из-за жесткого отказа респондента: критика анкеты, затруднения, спор с интервьюером, высказывание претензий, нежелания отвечать и т. п.	**Февраль 2025 г. (жесткие отказы)**	**Октябрь 2024 г. (впервые опрошенные)**	**Октябрь 2024 г. (повторно опрошенные)**	**Январь 2024 г.**
Да	44	40	53	42
Нет	56	60	47	58

Тот факт, что 44% отказов предшествуют нарушения опросной коммуникации на предыдущих вопросах анкеты, позволяет предположить решение проблемы жестких отказов, если при программировании анкеты дать интервьюеру возможность переходить на следующий блок при возникновении трудностей, связанных с содержанием вопросов[4]. Например, если респонденту явно некомфортно отвечать на вопросы про военные действия, интервьюер мог бы пропустить эти вопросы и перейти к следующему блоку. Такой способ может быть реализован на практике, однако и у него есть недостатки. Во-первых, вопросы на сенситивную тему, как пра-

[4] Мы благодарим анонимного рецензента нашей работы за это предложение по снижению числа жестких отказов.

вило, являются главными исследуемыми признаками (в противном случае составитель анкеты сам постарается избежать включения в нее проблемных во всех смыслах вопросов). При отсутствии ответов на ключевые вопросы полезность для исследования такой успешно завершенной анкеты значительно уменьшается. Во-вторых, на интервьюера возлагается дополнительная нагрузка по считыванию маркеров дискомфорта от конкретной темы, при том что респондент не всегда проговаривает, о чем конкретно он не хотел бы говорить (например, интервьюеру придется определять, распространяется ли дискомфорт от обсуждения российско-украинского конфликта на вопросы о выборах и поддержке кандидатов).

При прослушивании интервью стало возможным классифицировать причины жестких отказов, полученных в ходе опроса, и сравнить распространенность этих причин по трем волнам опросов. В случаях, когда жесткий отказ вызван сразу несколькими причинами, была выделена и отмечена главная причина, по которой оказалось невозможным продолжить интервью. Самой частой причиной категорического отказа в феврале 2025 г. оказалась подозрительность респондентов (29%), к которой отнесены случаи, когда по высказыванию респондента, предшествующему жесткому отказу, явно видно его недоверие социологам (он озвучивает сомнения в целях и задачах опроса, конфиденциальности даваемых ответов, способах их использования в дальнейшем и т. д.) (табл. 5). В других волнах подозрительность не выделена в отдельную причину прерывания. Достаточным признаком для отнесения жесткого отказа к состоявшимся из-за подозрительности респондента являются высказанные им в той или иной форме опасения: как будут использованы результаты исследования; какая организация проводит опрос и в каких целях; какие данные собираются о самом респонденте; к каким последствиям могут привести ответы на вопросы анкеты для самого респондента. Примерами подозрительности респондентов являются такие реакции: *«Вы точно из России звоните? Какие-то сомнительные вопросы у Вас...»*; *«Зачем Вам знать, где я живу?»*; *«А следующий вопрос какой будет? Номер паспорта Вам сказать и про счет в банке?!»*; *«Вот Вы вопросы задаете, да? А с какой целью такие вопросы?»*; *«Вы из Украины звоните, что ли?»*; *«А кому потом мои ответы пойдут?»*.

Второе и третье места по распространенности делят неактуальность темы опроса для респондента (22%) и его нежелание ее обсуждать (21%). Отличие этих причин в том, что в первом случае жесткий отказ происходит из-за неинформированности респондента в тематике опроса: он не знает, как отвечать, поэтому теряет интерес к прохождению анкеты. Ответы респондентов, для которых тема неактуальна, сопровождаются паузами, раздумьями, междометиями и другими невербальными проявлениями затруднений. К этой же причине отнесены случаи, когда интервьюер сам прекращает опрос после того, как респондент на четыре вопроса подряд затруднился или отказался отвечать. Продолжение диалога со столь неинформированными или не желающими отвечать респондентами исследователи посчитали нецелесообразным. Примеры ответов неинформированных респондентов: *«Я новости не смотрю, не знаю, что там происходит»*; *«Ну, откуда я знаю, когда эта спецоперация завершится? Как решат, тогда и завершится, от нас это точно не зависит»*; *«Я от политики в стороне стараюсь держаться, поэтому не знаю»*; *«Откуда я знаю про окружение Путина?»*; *«А у Вас, что, все вопросы про политику будут? Я же говорил: мне это не интересно»*. К нежеланию обсуждать тему

отнесены случаи, когда респондент испытывает дискомфорт от разговора о ней: он не то чтобы не знает, как отвечать, а, скорее, не хочет об этом говорить из-за опасений, тревоги или несоответствия обсуждаемой темы его представлению о возможных предметах открытого разговора с незнакомым человеком. Невербально дискомфорт часто проявляется в следующем: изменение тембра голоса, дрожь в нем, ускорение речи, а также в других проявлениях неготовности говорить. Случаи, когда респондент молча сбрасывал звонок, однако этому предшествовали вербально или невербально проявленные признаки дискомфорта при ответах на вопросы анкеты, тоже кодировались нами как прервавшиеся из-за нежелания респондента обсуждать тему опроса. Статус «жесткий отказ» в таких случаях ставился только тогда, когда было очевидно: респондент больше не готов отвечать на вопросы анкеты и перезванивать ему бесполезно. Если неактуальность темы значительно чаще получает статус «жесткий отказ», то нежелание ее обсуждать не выделяется на фоне других причин прерываний по числу категорических отказов. Примеры нежелания обсуждать тему: *«Я не хочу про СВО говорить...»*; *«Если у Вас весь опрос про политику, то давайте закончим, не хочу я...»*; *«Я не буду...* [отвечать]. *Мне проблемы не нужны!»*; *«Давайте пропустим такие вопросы»*.

Таблица 5

Причины прерванных интервью
(доли за октябрь и январь 2024 г. пересчитаны от суммы представленных в таблице причин)

Причина отказа	Февраль 2025 г. (жесткие отказы)	Октябрь 2024 г. (впервые опрошены)	Октябрь 2024 г. (повторно опрошены)	Январь 2024 г.
Подозрительность респондента	29	–	–	–
Неактуальность темы	22	16	24	22
Нежелание обсуждать тему	21	39	47	30
Длина анкеты	5	12	10	7
Занятость респондента	5	22	19	23
Формулировки вопросов	5	9	–	9
Поведение интервьюера	4	1	–	5
Вмешательство в опрос третьих лиц	1	-	-	4
Неадекватное поведение респондента (пьяный, хамит и т. п.)	1	–	–	–
Неправильная кодировка недостижимости	8	–	–	–

Остальные причины жестких отказов распространены относительно слабо: ни одна из них не ответственна за более 5% прерываний. Жесткие отказы из-за длины анкеты (5%) сопровождались критикой респондентами слишком длинной анкеты, ссылками на усталость, вопросами, долго ли еще продлится опрос, и другими проявлениями недовольства. Неготовность продолжать опрос из-за большой длины анкеты проявлялась в таких ответах: *«А там много еще вопросов?»*; *«Мы уже*

с Вами беседуем довольно давно»; *«Вы говорили 10–15 минут, а мы долго уже говорим»*; *«Мне уже много лет … Я устала от Ваших вопросов. До свидания!»*. Похожей причиной можно считать занятость респондента (5%), однако ее отличие в том, что респондент ссылается на отсутствие времени на прохождение опроса: *«Мне уже некогда с Вами говорить — я на работе»*; *«У Вас слишком длинный опрос, я не могу столько времени тратить»*. Хотя в приветствии и говорилось, что опрос займет около 15 мин, не все респонденты могут планировать свое время, и некоторые ощущают длительность анкеты большей, чем она есть на самом деле. Избыточная длина анкеты (16 мин 55 с) вызвала усталость и снижение мотивации к ответам у части респондентов. Длина анкеты приводит к жестким отказам примерно с той же частотой, что и к прерываниям с другими статусами, тогда как занятость респондента в 2–3 раза реже становится причиной категорического отказа от прохождения интервью.

Жесткие отказы из-за формулировок вопросов (5%) сопровождаются критикой этих вопросов, вариантов ответа или используемых слов: если формулировки раздражают респондентов, то готовность продолжать опрос предсказуемо снижается. Частота критики формулировок значительно различается между волнами опросов и явно зависит от специфики конкретной анкеты. Примеры негативного восприятия формулировок вопроса: *«Вот, девушка, Вы неправильные вопросы задаете. Мы живем в захолустных деревнях, где нет совершенно работы. Зачем Вам этот опрос? Для чего? Люди ездят черт знает куда на работу!»*; *«Нет, нет, нет. Я сразу буду отвечать. Не задавайте мне длинных вопросов. Я работаю директором небольшого ООО. …Я Вам сказала* [что работаю в] *ООО. Что, я Вас буду слушать?!»*. Случаи, когда интервью прервались из-за утраты динамичного характера коммуникации вследствие непонимания респондентом формулировок вопросов или вариантов ответа, тоже отнесены нами к прервавшимся из-за формулировок. Еще 4% категорических отказов вызваны поведением интервьюера (нарушение инструкции, запинки при зачитывании вопросов, а в отдельных случаях и проявление раздражительности или отсутствие вежливости), продолжать диалог в таких ситуациях респонденты не готовы. К жестким отказам такие ситуации приводят чаще, чем к более мягким прерываниям, то есть негативная реакция интервьюера отбивает желание проходить опросы. Как отмечают А.А. Ипатова и Д.М. Рогозин, «ошибки интервьюеры совершают из-за отсутствия рефлексивной позиции, из-за непонимания механики коммуникативного процесса. Большинство из них при этом обладают столь необходимыми для интервьюера техниками, которым научить нельзя: доброта, вежливость, уважение, человечность, отсутствие оценивания, но, к сожалению, они не имеют навыка применения их в коммуникации» [5, с. 33].

Таким образом, причины, связанные с опросной методикой или проведением полевых работ (длина анкеты, формулировки вопросов и поведение интервьюеров), привели в сумме к 14% прерываний из-за жестких отказов респондентов. И наконец, по 1% набрали такие причины, как вмешательство третьих лиц, мешающих опросу, и неадекватное поведение респондентов (хамские ответы, состояние опьянения, нецензурные выражения, агрессия и т. п.).

В отдельную причину жестких отказов выделены ошибки кодирования статуса недостижимости (8%). Как отмечено выше, статус «жесткий отказ» ставится интервьюером по итогам неудавшегося диалога с респондентом, иногда интер-

вьюеры ошибаются в оценке статуса результата контакта. Например, к жесткому отказу могут отнести прерывания из-за технических неполадок или вовсе такие, в которых причину установить не удается. Особую значимость такая проблема приобретает, когда прерыванию в случае жесткого отказа присваивается финальный статус (то есть без последующего перезвона), в то время как ему следовало бы присвоить нефинальный статус (респонденту перезвонят). Такая подмена возможна, например, в случае технических неполадок или прерывания по неопределенной причине либо при мягком отказе, когда респондент может быть готов ответить в другое время. Однако выявленная доля ошибок кодирования в 8% довольно умеренная и слабо влияет на соотношение причин досрочного прекращения опроса.

Количество жестких отказов устойчиво снижается от первых к последним вопросам анкеты, то есть проблемы коммуникации, приводящие к утрате готовности проходить опрос, случаются, как правило, в начале разговора, когда респонденту становится понятно, какие вопросы и как будут заданы. Поэтому важно наиболее сложные и сенситивные вопросы ставить в конец основной части анкеты — перед завершающим социально-демографическим блоком. Довольно распространенным оказался накопительный эффект коммуникационных проблем: 44% жестких отказов предшествовали негативные реакции респондентов при ответе на предыдущие вопросы. Несмотря на то что жесткие отказы от продолжения интервью на вопросах политически наиболее сенситивного блока про военные действия в среднем распространены реже, чем в других блоках, чаще всего жесткие отказы связаны с политической темой опроса (в сумме 43%: неактуальность темы опроса + нежелание ее обсуждать). Таким образом, неготовность обсуждать политическую тематику приобрела общий характер и не локализуется в отдельных наиболее острых темах вроде разговора о военных действиях. Полученные данные показывают, что третья гипотеза подтверждена. Второй по популярности причиной стало подозрительное отношение респондентов к исследователям (29%), а замыкают лидирующую тройку причины, связанные с опросной методикой или проведением полевых работ (14%: длина анкеты + формулировки вопросов + поведение интервьюеров).

Примеры прерываний интервью из-за жестких отказов

Исходя из предложенной по итогам анализа прослушанных интервью классификации (см. табл. 5), самой частой причиной категорического нежелания респондентов продолжать диалог является их подозрительное отношение к опросу, то есть сомнения в мотивах проводящей опрос организации. Вопросы социально-демографического блока о респонденте, особенно о его местожительстве, вызывают подозрения в сборе личной информации, а сенситивность политической тематики усиливает подозрения в работе интервьюера на неприятные респондентам инстанции, к которым они могут относить разные организации в соответствии со своими политическими взглядами и опасениями. Один из респондентов, который уже ранее прервал интервью на вопросе о регионе проживания, при повторном звонке высказал опасения, что раскрытие местожительства может привести к проблемам для него, и перед категорическим отказом предположил, что опрос может быть организован военкоматом.

И.: Здравствуйте. Я вижу, что Вы уже проходили анкету. Меня зовут Екатерина. Подскажите, пожалуйста, Вы готовы в настоящий момент продолжить отвечать на вопросы анкеты?

Р.: Здравствуйте. Не-не-не. Спасибо. Нет.

И.: Могу перезвонить Вам в более удобное для Вас время.

Р.: Нет, не надо.

И.: Вы вообще не хотите проходить опрос?

Р.: Ну, просто вот если бы Вам позвонили и спросили про Ваше местожительство, в какой области Вы проживаете, Вам бы не показалось это как-то стремным?

И.: Мы опрашиваем огромное количество людей совершенно разных возрастов и из совершенно разных областей.

Р.: Но этот опрос может быть сделан кем угодно и неизвестно для чего. Сейчас такое время. Я не знаю, кому верить. И вот Вы мне звоните с этим опросом, как и многие другие. Если не банки, то кто-нибудь другой. Вот так же, как этот опрос. Может быть, с военкомата — мне откуда знать? Милую девушку поставили, тут мужиков заманиваете.

И.: Поняла Вас. Всего доброго. До свидания.

Р.: До свидания.

В других интервью респонденты также подозревали связь опроса с телефонными мошенниками, рекламой (сбор информации о возрасте для таргетированной рекламы), с политическими или государственными организациями (как российскими, так и, что выявлено чаще, украинскими) или в целом высказывали мнение, что звонить им может кто угодно с неблаговидными и опасными для них целями. Участившиеся в последние годы случаи телефонного мошенничества, опыт мобилизационной кампании и выявленная нами в прошлых методических исследованиях политическая нетерпимость значительной части респондентов повышают уровень их подозрительности, что заставляет многих отказываться от участия в политических опросах [2].

Неактуальность темы опроса для респондентов проявляется в демонстрации ими отсутствия интереса к обсуждению политики или знаний в этой сфере. Довольно типичным примером служит ситуация, когда аполитичная респондентка пожилого возраста, с трудом отвечавшая на вопросы анкеты и явно демонстрировавшая свою незаинтересованность в ответах, прямо говорит о своей некомпетентности в политических вопросах, а столкнувшись с довольно сложным вопросом про политическую позицию своего окружения, утрачивает остатки мотивации к прохождению опроса и с раздражением завершает неинтересный для нее разговор.

И.: Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины? Затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?

Р.: Нет, не знаю.

И.: Что не знаете?

Р.: Я не хочу отвечать, потому что политика не наше дело.

И.: Как Вы считаете, среди Ваших близких, знакомых, родственников, коллег большинство поддерживают или не поддерживают военную операцию России на территории Украины? Большинство поддерживают, кто-то поддерживает, кто-то не поддерживает (50 на 50), большинство не поддерживают военную операцию?

Р.: Ну, я не знаю ничего про коллег, потому что я сижу дома, никаких коллег у меня нету. Все, хватит!

Респонденты, не информированные о политике и не считающие эту тему важной для себя, предсказуемо не находят достаточно мотивации для прохождения опросов с ее обсуждением.

Столь же популярны категорические отказы из-за нежелания респондентов обсуждать тему опроса. Такие участники считают неуместным отвечать на вопросы о политических событиях по разным причинам: от ощущения несоответствия таких разговоров социальным нормам (*«не принято»*) до восприятия политических вопросов как нарушения конфиденциальности собственных убеждений и предпочтений. Один из респондентов, неохотно отвечавший на предыдущие вопросы, крайне негативно воспринял вопрос о голосовании на прошедших президентских выборах, посчитав его нарушением тайны голосования, и не захотел продолжать интервью после следующего вопроса про будущие выборы.

И.: Скажите, удалось ли Вам проголосовать на выборах Президента России в марте 2024 года? Если да, то за кого проголосовали?

Р.: Это конфиденциальная информация по закону! (с раздражением) *Какой-то странный у Вас социологический опрос, не находите?*

И.: Нет. Давайте следующий вопрос. Вы бы хотели, чтобы Владимир Путин стал Президентом России в 2036 году?

Р.: Слушайте, у нас есть законодательство, которое предписывает мне сохранять тайну голосования и тайну своего хотения. До свидания!

Придание россиянами статуса конфиденциальной информации высказываниям о своих политических взглядах в условиях высокой конфликтогенности политических тем формирует социальную норму отказа от обсуждения политических событий и вытесняет их из публичной сферы, что, согласно Ю. Хабермасу, затрудняет формирование общественного мнения по таким вытесняемым проблемам [8]. Это создало почву для медийной линии критики массовых опросов, транслирующей сомнения в возможности достоверного измерения общественного мнения в условиях давления на него сильного преобладания в информационном поле политической позиции российских властей при недостаточной представленности альтернативных взглядов [17; 18].

Среди менее популярных причин жестких отказов следует остановиться на критике респондентами формулировок вопросов. Наибольшую критику вызывают длинные табличные вопросы. В следующем вопросе важно было выявить всех, кому респондент помогал в последние годы. Для этого варианты зачитаны по одному с запросом ответа на каждый из них. Однако некоторые респонденты устают от долгого обсуждения одного вопроса, не хотят тратить усилия, чтобы вспомнить всех получателей помощи, и не привыкли столь длительно обсуждать кажущиеся им очевидными вещи. В приведенном примере респондент всеми силами пытается свести сложный вопрос о реципиентах его благотворительной

деятельности к простому ответу о факте оказания им помощи и с жесткой критикой анкеты отказывается от продолжения опроса, когда интервьюер настаивает на прослушивании всех вариантов.

И.: Вспомните: за прошедшие три года Вы помогали или нет кому-либо продуктами, деньгами, вещами, делами, любыми услугами на безвозмездной основе?

Р.: Помогали.

И.: Друзьям, знакомым помогали?

Р.: Много кому.

И.: А друзьям, знакомым?

Р.: Еще раз говорю: много кому.

И.: Соседям, коллегам?

Р.: И соседям, и коллегам, и друзьям, и товарищам.

И.: Армии?

Р: И армии тоже.

И.: Незнакомым людям, например бездомным?

Р.: Ой, слушайте, хватит уже глупостей! Вопросы какие-то глупые задаете. Давайте дальше, там что Вам нужно?

И: Но я по инструкции должна зачитать все. Организациям, детским домам, хосписам, церквям. Помогали? Нет?

Р.: Это какой-то дурак Вам эти вопросы создавал! [с раздражением] *Вы меня достали уже!*

В приведенном примере интервьюер могла восстановить нарушенную коммуникацию, если бы дала пояснение от себя вроде: *«Я понимаю, что Вы помогали много кому, но ответьте, пожалуйста, помогали ли Вы этим конкретным людям. Просто нам очень важно знать, кому конкретно помогают россияне»*, — и после этого зачитала следующий вариант. В нашем же случае у респондента возникло стойкое ощущение участия в формальном мероприятии, поскольку он не получал логичных ответов на свои замечания к вариантам. Это вызвало раздражение и утрату мотивации к участию в опросе. Поэтому важен свободный порядок проведения интервью, чтобы у интервьюеров была возможность отступать от текста анкеты для «ремонта» нарушенной коммуникации [9].

Выводы и обсуждение результатов

Среди методических исследований коллег особо интересны результаты прослушивания отказов в прерванных интервью социологами компании Russian Field[5]. По полученным ими данным, основными причинами и мотивами отказов от продолжения опросов стали: недостаток у респондентов навыков и компетенций (не разбираются в политике, не интересуются темой); нежелание обсуждать российско-украинский конфликт из-за сенситивности этой тематики; недоверие к исследователям; избыточная сложность некоторых шкал (в частности, трудность оценок по десятибалльной шкале или понимания разницы между вариантами с «определенно» и «скорее»); эмоциональное восприятие конфликта; недове-

[5] Отказы // Сайт компании Russian Field. — URL: https://russianfield.com/otkazi (дата обращения: 13.07.2025).

рие к опросам и подозрения в сборе исследователями личной информации[6]. Выявленные нами причины жестких отказов в значительной степени сходны с результатами исследования Russian Field, что подтверждает устойчивость причин утраты россиянами готовности проходить политические опросы, в частности посвященные российско-украинскому конфликту.

По данным нашего исследования, больше всего жестких отказов пришлось на поставленные в начало анкеты вопросы социально-демографического блока про возраст, местожительство и род занятий респондентов. Таким образом, первая гипотеза о том, что больше всего жестких отказов соберет самый сенситивный блок «СВО», состоящий из вопросов о военном противостоянии, не подтвердилась. На фоне роста числа случаев телефонного мошенничества и распространения в информационном пространстве опасений столкнуться с проблемами после телефонных разговоров с незнакомцами респонденты остро реагируют на запрос даже самой общей информации о себе, что создает дополнительные сложности при проведении массовых репрезентативных телефонных опросов. Исследователи Russian Field выявили эту проблему еще на материалах опросов 2022 г. По нашим данным, к февралю 2025 г. опасения по поводу конфиденциальности личной информации превзошли даже нежелание обсуждать военное противостояние. Напрашивающимся хрестоматийным решением кажется перенос социально-демографических вопросов в конец анкеты, где они воспринимаются куда более благоприятно, однако вопросы, выполняющие отборочную функцию (скринер), переместить никуда нельзя, поэтому для достижения положительного их восприятия респондентами необходимо прийти к какому-то решению.

Выявлено влияние накопительного эффекта проблем коммуникации между интервьюером и респондентом, однако оно оказалось слабее, чем мы предполагали. Несмотря на то что почти в половине случаев (44%) жесткому отказу действительно предшествовали проблемы коммуникации на предыдущих вопросах, в большинстве интервью (56%) их не случалось. Таким образом, вторая гипотеза о преобладании интервью с предшествующими коммуникационными проблемами не подтвердилась: таких случаев много, но не большинство. Иными словами, накопительный эффект трудностей негативно складывающегося диалога часто становится триггером жестких отказов, однако еще чаще к ним приводят конкретные сбои коммуникации, произошедшие в отдельных предшествующих прерыванию вопросах. Возможно, это связано с большой долей отказов, которые пришлись на начальные вопросы анкеты, когда диалоговые проблемы еще не успели накопиться.

Почти половина жестких отказов (43%) вызваны неактуальностью темы для респондента или его нежеланием обсуждать политические вопросы, что близко к недостатку навыков и компетенций и нежеланию обсуждать конфликт с Украиной из классификации причин и мотивов отказов по данным Russian Field. Еще 29% прервали интервью из-за недоверия к исследователям и 14% жестких отказов вызваны негативным восприятием респондентами методических особенностей опроса (длина анкеты, формулировок вопросов, поведение интервьюеров).

---

[6] Россия и Украина: новая искренность // Сайт компании Russian Field. — URL: https://russianfield.com/novayaiskrennost (дата обращения: 13.07.2025).

Эти причины также отмечены в исследованиях Russian Field[7]. Таким образом, наиболее распространенные причины жестких отказов оказались связанными с тематикой исследования. Третья гипотеза подтвердилась.

Категорические отказы респондентов от продолжения телефонных опросов на политическую тематику обусловлены тремя группами возникающих в ходе опросной коммуникации или предшествующих ей сложностей. В порядке распространенности к ним относятся: 1) неготовность или нежелание обсуждать политическую тематику; 2) недоверие к исследователям; 3) методические особенности составления анкеты и проведения интервью. При этом вероятность жесткого отказа существенно возрастает на первых отборочных вопросах социально-демографического блока. Длина, сложность и однообразность вопросов тоже вызывают негативную реакцию, но реже, чем подозрения респондентов в сборе их личных данных.

Результаты наших исследований свидетельствуют, что принципиально снизить число жестких отказов как от начала, так и от продолжения опросов на политическую тематику вряд ли получится, поскольку основная их часть связана с внешними по отношению к опросам факторами, которые неподвластны методической корректировке (политическая обстановка, опасения конфликтов и мошенников, недоверие звонкам с незнакомых номеров и другие причины отказа от прохождения опросов нельзя исправить корректировкой инструментариев и опросной процедуры). При этом исследователи могут достичь некоторых улучшений следующими способами:

– снижать количество сложных и сенситивных вопросов в анкетах: максимально сокращать и упрощать формулировки, исключать или хотя бы минимизировать число табличных вопросов, уменьшать количество вопросов на сенситивные политические темы в одной анкете, «разбавляя» их менее щепетильными вопросами, использовать проективные формулировки для исследования сенситивных тем,

– сокращать длину анкет: чем короче анкета, тем больше респондентов готовы ее успешно пройти,

– улучшать условия работы интервьюеров (комфорт на рабочем месте, достойный уровень оплаты труда, возможности для повышения квалификации, отсутствие перегрузок, достаточное время на подготовку к опросу, аналогичные требования на разных проектах, профилактика выгорания и т. п.).

Для более детального описания причин негативного восприятия респондентами тех или иных вопросных формулировок на следующих этапах исследования полезно было бы сравнить причины жестких отказов при ответах на каждый конкретный вопрос (по крайней мере, на часто задаваемые вопросы). Для этого необходимо собрать гораздо большую базу жестких отказов из нескольких волн опроса, проведенных по одной анкете или по очень похожим анкетам (в которых много повторяющихся вопросов).

---

[7] Россия и Украина: новая искренность // Сайт компании Russian Field. — URL: https://russianfield.com/novayaiskrennost; Отказы // Сайт компании Russian Field. — URL: https://russianfield.com/otkazi (дата обращения: 13.08.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Звоновский Владимир Борисович — доктор социологических наук, социолог, Фонд социальных исследований. **Телефон:** +7 (846) 229-67-33. **Электронная почта:** zvb@socio-fond.com SPIN-код: 5589-3297

Ходыкин Александр Владимирович — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет. **Телефон:** +7 (961) 380-43-26. **Электронная почта:** a.khodykin@socio-fond.com SPIN-код: 3376-6682

Гольдебаева Алиса Владимировна — студентка кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет. **Телефон:** +7 (927) 736-10-66. **Электронная почта:** alisagoldebaeva@gmail.com

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 9–31. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.1

Research Article

VLADIMIR B. ZVONOVSKY[2], ALEXANDER V. KHODYKIN[1], ALISA V. GOLDEBAYEVA[1]

[1] Samara State University of Economics.
141, Sovetskoi Armii Str., 443090, Samara, Russian Federation.
[2] Social Research Institute.
70, Krasnoarmeiskaya Str., 443041, Samara, Russian Federation.

Analysis of Hard Refusals to Continue Interviews in Telephone Surveys on Political Topics

Abstract. The need for analyzing interrupted interviews is driven by two reasons: (1) the importance of monitoring possible systematic biases in samples, and (2) the fact that such interviews most clearly reveal problems inherent to the survey process in general, problems that are usually overcome through the joint efforts of interviewers and respondents. The focus on "hard refusals" is justified by the fact that this status is assigned when a respondent most categorically expresses unwillingness to continue, meaning that communicative problems are assumed to be the most acute in these cases. The study was conducted in two stages: (1) a telephone survey (CATI) conducted by "Chronicles" from the 5th to the 13th of February 2025 using a random stratified sample (N = 1600 successful interviews, 746 interrupted interviews, of which 160 received the "hard refusal" status); (2) content analysis and qualitative analysis of audio recordings of all of the interrupted interviews (N = 160) that ended with a categorical refusal to continue the dialogue (final status "hard refusal") on any question after the introduction. In all analyzed interviews respondents initially agreed to participate (consent obtained during the introduction), but lost this willingness during the interview for various reasons. Most often hard refusals arise at the beginning of the questionnaire, especially on socio-demographic questions, which a significant portion of respondents perceive negatively as a request for their personal data. Contrary to expectations, questions about military action do not lead in the number of refusals. The categorical unwillingness to continue interviews in telephone surveys on political topics is a product of three groups of difficulties that arise during the survey communication or preceding it. In order of prevalence, these are: (1) unwillingness or reluctance to discuss political issues (43%), (2) distrust towards the researchers (29%), and (3) methodological features of the questionnaire and the interview process (length of the questionnaire, question wording, interviewer behavior) — together accounting for 14%. In 44% of all cases hard refusals were preceded by communication issues between the interviewer and respondent on previous questions in the questionnaire.

Keywords: telephone survey; hard refusal; interrupted interviews; contact status; response rate; document analysis; survey audio recordings.

For citation: Zvonovsky, V.B., Khodykin, A.V., Goldebayeva, A.V. Analysis of Hard Refusals to Continue Interviews in Telephone Surveys on Political Topics. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 9-31. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.1

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir B. Zvonovsky — Doctor of Sociological Sciencs, Sociologist, Social Research Institute. **Phone:** +7 (846) 229-67-33. **Email:** zvb@socio-fond.com ORCID: 0000-0002-8805-9028

Alexander V. Khodykin — Candidate of Sociological Sciences, Lecturer at the Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics. **Phone:** +7 (961) 380-43-26. **Email:** a.khodykin@socio-fond.com ORCID: 0000-0003-0230-5775

Alisa V. Goldebayeva — Student, Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics. **Phone:** +7 (927) 736-10-66. **Email:** alisagoldebaeva@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Вьюговская Е.В., Рогозин Д.М., Сапонов Д.И.* Каскадный анализ прерванных интервью в автоматизированном телефонном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.01 EDN: SIGFOX

   V'yugovskaya E.V., Rogozin D.M., Saponov D.I. Cascade analysis for breakoffs in a computer-assisted telephone interview. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny.* 2014. No. 3. P. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.01

2. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Блинова Е.В., Пятницкая Н.А.* Проявления сенситивности темы российско-украинского конфликта в массовых телефонных опросах россиян: анализ аудиозаписей интервью // Вестник общественного мнения. 2024. № 1 (135). С. 19–36.

   Zvonovsky V.B., Khodykin A.V., Blinova E.V., Pyatnitskaya N.A. Manifestations of sensitiveness on the issue of the Russian-Ukrainian conflict in mass telephone surveys of Russians: an analysis of interviews audio records. *Vestnik obshchestvennogo mneniya.* 2024. No. 1 (135). P. 19–36.

3. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Ипполитова Д.О.* Нарушения коммуникации между интервьюерами и респондентами в массовых телефонных опросах на тему российско-украинского конфликта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2025. № 28 (2). С. 154–181. DOI: 10.31119/jssa.2025.28.2.6 EDN: ETXPWL

   Zvonovsky V.B., Khodykin A.V., Ippolitova D.O. Communication failures between interviewers and respondents in mass telephone surveys on the topic of the Russian-Ukrainian conflict. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii.* 2025. No. 28 (2). P. 154–181. DOI: 10.31119/jssa.2025.28.2.6

4. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Раскевич А.В.* В свете опросов. Методические проблемы измерения общественного мнения о российско-украинском конфликте: монография. Самара: Стандарт, 2026. — 204 с. EDN: LUQHCE

   Zvonovsky V.B., Khodykin A.V., Raskevich A.V. *In the Light of Surveys: Methodological Problems of Measuring Public Opinion on the Russian-Ukrainian Conflict.* Samara: Standard publ., 2026. 204 p.

5. *Ипатова А.А., Рогозин Д.М.* Неправильные решения интервьюеров при коммуникативных сбоях в стандартизированном телефонном интервью // Телескоп. 2018. № 4 (130). С. 21–34.

   Ipatova A.A., Rogozin D.M. Interviewers' Incorrect Decisions in the Case of Communication Failures in a Standardized Telephone Interview. *Teleskop.* 2018. No. 4 (130). P. 21–34.

6. *Мягков А.Ю.* Нерандомизированные техники для сенситивных опросов: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 28–38. DOI: 10.31857/S013216250023697-9 EDN: ETIZUI

   Myagkov A.Yu. Nonrandomized Techniques for Sensitive Surveys: Comparative Analyses. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2023. No. 4. P. 28–38. DOI: 10.31857/S013216250023697-9

7. *Рогозин Д.М., Ипатова А.А.* Как быстро, эффективно и безопасно сфабриковать телефонный опрос // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 80–97. EDN: PBDWZX

Rogozin D.M., Ipatova A.A. Fabricating a telephone interview: quickly, effective and safely. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2012. No. 2. P. 80–97.

8. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Под ред. М. Беляева; Пер. В.И. Иванова. М.: Весь мир, 2016. — 344 с.

   Habermas J. *Structural Transformation of the Public Sphere: Research on the Category of Bourgeois Society*. Ed. by M. Belyaev; Transl. from Germ. by V.I. Ivanov. Moscow: Ves' mir publ., 2016. 344 p.

9. *Ходыкин А.В.* Жесткая стандартизация или свободный порядок: два подхода к инструктажу интервьюеров в массовых телефонных опросах // Наука XXI века: актуальные направления развития: сборник научных статей XIV Междун. науч.-практ. конф., Самара, 20.02.2025 / Редколлегия: Е.А. Кандрашина, М.О. Сураева [и др.]; Самарский государственный экономический университет. Вып. 1, ч. 1. Самара: Изд-во СГЭУ, 2025. С. 153–156.

   Khodykin A.V. *Strict standardization or free order: two approaches to briefing interviewers in mass telephone surveys. Science of the 21st century: current directions of development: collection of scientific articles of the XIV Int. scientific-practical. conf., Samara, 20.02.2025.* Ed. by E.A. Kandrashina, M.O. Suraeva [et al.]; Samara State University of Economics. Iss. 1, part 1. Samara: Publishing house of SSUE publ., 2025. P. 153–156.

10. Berg N. Non-Response Bias. *Encyclopedia of social measurement.* Ed. by K. Kempf-Leonard. L.: Academic Press, 2005. Vol. 2. P. 865–873. DOI: 10.1016/B0-12-369398-5/00038-4

11. Clinton J.D., Lapinski J.S., Trussler M.J. Reluctant Republicans, Eager Democrats? Partisan Nonresponse and the Accuracy of 2020 Presidential Pre-election Telephone Polls. *Public Opinion Quarterly*. 2022. Vol. 86. Iss. 2. P. 247–269. DOI: 10.1093/poq/nfac011

12. Dutwin D., Loft J.D., Darling J.E., Holbrook A.L., Johnson T.P., Langley R.E., Lavrakas P.J., Olson K., Peytcheva E., Stec J.A., Triplett T., Zukerberg A. Current Knowledge and Considerations Regarding Survey Refusals: Executive Summary of the AAPOR Task Force Report on Survey Refusals. *Public Opinion Quarterly*. 2015. Vol. 79. Iss. 2. P. 411–419. DOI: 10.1093/poq/nfv025

13. Garbarski D., Dykema J., Schaeffer N.C., Jones C.P., Neman T.S., Edwards D.F. Factors Associated with Interviewers' Evaluations of Respondents' Performance in Telephone Interviews: Behavior, Response Quality Indicators, and Characteristics of Respondents and Interviewers. *Public Opinion Quarterly*. 2023. Vol. 87. Iss. S1. P. 480–506. DOI: 10.1093/poq/nfad028

14. Heckman J.J. Sample Selection Bias as a Specification Error. *Econometrica*. 1979. No. 47. P. 153–161. DOI: 10.2307/1912352

15. Vyrskaia M., Tkachenko A., Martynova N. Want to Be Heard: Survey Participation in Russia before and During the War. *Post-Soviet Affairs*. 2025. P. 1–18. DOI: 10.1080/1060586X.2025.2548622

16. Frye T., Hale H., Reuter O.J., Rosenfeld B. *Sensitivity Bias in Regime Support: Evidence from Panel Surveys in an Autocracy at War.* 2024. Accessed 27.08.2025. URL: https://socialsciences.cornell.edu/sites/default/files/2024-10/sensitivity_bias_in_regime_support.pdf

17. Rosenfeld B., Wallace J. Information Politics and Propaganda in Authoritarian Societies. *Annual Review of Political Science*. 2024. No. 27 (1). P. 263–281. DOI: 10.1146/annurev-polisci-041322-035951

18. Alyukov M., Zavadskaya M. "It's Not That Simple, we Don't Know the Whole Truth": The Effects of Disinformation Discourse in Wartime Russia. 2024. *Talor & Francis.* DOI: 10.2139/ssrn.4681826

Статья поступила в редакцию: 30.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 15.11.2025; принята к публикации: 13.03.2026.

Received: 30.08.2025; revised after review: 15.11.2025; accepted for publication: 13.03.2026.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.2
EDN: ELINUX

С.Г. ПАШКОВ[1], А.Ю. ЧЕПУРЕНКО[2]

[1] НИУ «Высшая школа экономики».
101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11.
[2] НИУ «Высшая школа экономики».
101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20.

ПУЛЬС МАЛОГО БИЗНЕСА: ЦЕПНЫЕ ИНДЕКСЫ КАК ИСТОЧНИК ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ «ЛОНГИТЮДА МАЛОГО БИЗНЕСА» ФОМ)

Аннотация. Статья посвящена обсуждению методических возможностей и особенностей построения цепных индексов на основе лонгитюдных социологических данных. Актуальность исследования связана с дефицитом разноплановых социально-экономических индикаторов для оперативного отслеживания колебаний ожиданий и намерений владельцев малых предприятий в условиях возросшей неопределенности. Показано, что методология цепных индексов представляет собой относительно простой и удобный инструмент измерения серии категориальных переменных, выступающих в роли индикаторов. Для получения робастных оценок в статье используется балансовый метод расчета индексных значений с последующей агрегацией путем усреднения частных индексов на основе «Лонгитюда малого бизнеса» ФОМ, реализуемого на ежеквартальной основе с 2021 г. (всего 17 кварталов). На накопленных данных лонгитюдного обследования основана методология расчета индексным способом изменения оценок и ожиданий владельцев малого бизнеса — «Пульс малого бизнеса» (ПМБ). Приведены примеры расчета ПМБ как агрегированного кумулятивного индекса на основе четырех тематических индексов (предпринимательских намерений, восприятия макроэкономической среды, оценки структурных изменений, самооценки состояния бизнеса). Проведена верификация устойчивости временного ряда с помощью методологии ARIMA. Результаты позволили выделить функциональные и аналитические преимущества четырех тематических индексов в составе ПМБ, а также его аналитический потенциал.

Ключевые слова: малое предпринимательство; цепные индексы; лонгитюд; балансовый метод.

Для цитирования: *Пашков С.Г., Чепуренко А.Ю.* Пульс малого бизнеса: Цепные индексы как источник экспертных оценок (на основе данных «Лонгитюда малого бизнеса» ФОМ) // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 32–44. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.2 EDN: ELINUX

Введение

Внезапные изменения макроэкономической ситуации в последние годы порождают проблемы двоякого характера [1]. С одной стороны, хозяйствующие субъекты все меньше могут опираться на ранее апробированные модели поведения, принимая решения в условиях дефицита информации и высокой неопределенности [25; 34; 42]. С другой стороны, перед органами управления встают вызовы: требуется корректировать политику, когда надежная информация запаздывает [17; 39]. В этих условиях особенно актуальны инструменты, позволяющие оперативно фиксировать изменения настроений и стратегий экономических акторов. Это касается также субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП).

На начало января 2026 г. в стране насчитывается 6,835 млн МСП; по итогам III квартала 2025 г. количество работников у субъектов МСП составило 19,92 млн человек[1]. Устойчивость этого сектора во многом определяется ожиданиями владельцев бизнеса. Поэтому изучение поведения субъектов МСП — важная исследовательская задача.

В статье рассматриваются возможности применения данных проекта ФОМ «Лонгитюд малого бизнеса» (ЛМБ ФОМ), реализуемого с 2021 г., для построения цепных индексов, позволяющих отслеживать динамику поведения малого бизнеса. Цель статьи — показать, каким образом цепные индексы, основанные на самооценках предпринимателей, могут использоваться для мониторинга состояния малого бизнеса.

Анализ литературы

Различные индексы используются в экономических и социальных науках [2] как композитные индикаторы для измерения многомерных процессов — таких как благополучие и социальный прогресс [31; 38]. В отличие от годовых индексов, цепные индексы ориентированы на более высокую частоту наблюдения, что дает возможность фиксировать реакцию на шоки.

В рамках концепции индикаторов конъюнктуры как «расширенных» институтов индексы рассматриваются в качестве когнитивных структур, задающих ориентиры поведения акторов [41; 23; 34]. Индексы выступают не просто измерительными инструментами, но элементами институциональной среды, влияющими на формирование ожиданий [31]. Соответственно, в поведенческой экономике они рассматриваются как институционализированные «сигналы» для принятия решений в условиях ограниченной информации [29; 33]. В теории запланированного поведения (*Theory of planned behavior*, *TPB*) подчеркивается, что намерения формируются под влиянием установок, субъективных норм и воспринимаемого контроля [3]. Индексы могут рассматриваться как внешние сигналы того, как агенты оценивают степень контролируемости своего поведения [28; 13].

---

[1] Численность МСП в России обновила исторический максимум и превысила 6,8 млн предприятий // Министерство экономического развития Российской Федерации [электронный ресурс]. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislennost_msp_v_rossii_obnovila_istoricheskiy_maksimum_i_prevysila_68_mln_predpriyatiy.html (дата обращения: 21.02.2026).

Цепные индексы получили распространение в международной статистике [2; 4; 7; 15]. Международные организации рассчитывают цепные индексы ВВП, цен, промпроизводства [9; 20; 40]. В социальной статистике они используются для оценки изменений таких показателей, как занятость, бедность [22]. В российской статистике метод цепных индексов применяется для мониторинга инфляции[2]. Согласно методике Росстата, цепные индексы отражают, как изменяется явление по сравнению с предыдущим периодом; база сравнения скользящая[3].

Актуальность и методические вызовы

В условиях шоковых изменений, несопоставимых с типичными кризисами [1; 7], предсказуемость поведения агентов снижается [10], а время на реакцию сокращается. Требуются оперативные аналитические инструменты для анализа трендов и предвосхищения изменений на основе данных о восприятии предпринимателями внешних факторов.

Более распространенным является балансовый подход, предполагающий вычисление долей позитивных и отрицательных ответов. Такой подход позволяет использовать категориальные индикаторы, отличается симметричностью интерпретации и возможностями агрегации. Снижается риск искажений, вызываемых нейтральными ответами.

Для анализа поведения и настроений предпринимателей в России используются несколько регулярных индексов, основанных на эмпирических данных. Росстат формирует индексы предпринимательской уверенности и делового климата по данным ведомственных обследований предприятий, отражающих оценки текущего спроса, загрузки мощностей, ограничивающих факторов и ожиданий бизнеса. Банк России, в свою очередь, публикует индикаторы деловой активности и бизнес-ожиданий МСП, основанные на опросах предприятий о спросе, выпуске, инвестициях и кредитовании, которые используются как высокочастотные сигналы изменения поведенческих стратегий фирм. Ключевым является индекс ОПОРЫ RSBI (*Russia Small Business Index*), рассчитываемый на основе регулярных опросов МСП; он фиксирует динамику продаж, инвестиций, занятости, доступности финансирования и интерпретируется по шкале «рост/спад» относительно порога 50 пунктов.

Существующие инструменты различаются по методикам их расчета. Большинство индикаторов основаны на экономических показателях [2; 6; 15]. Кроме того, например, индекс предпринимательской уверенности (ИПУ) Росстата учитывает данные только по средним и крупным предприятиям [14]. При этом известные индексы принимают во внимание только динамику объективных показателей бизнеса. Но в малом бизнесе такой подход может не сработать: поведение предприятий в соответствии с положениями, развитыми в теории запланированного поведения, во многом зависит

---

[2] Методика исследования инфляционных ожиданий и потребительских настроений населения // Центральный банк Российской Федерации. 2025 [электронный ресурс] — URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/59814/FOM_meth.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

[3] Об утверждении официальной статистической методологии расчета показателей «Индекс предпринимательской уверенности», «Индикатор делового климата» и «Индекс деловых барьеров». Приказ Росстата от 14.09.2022 № 632 // Контур.Норматив. 2025 [электронный ресурс] — URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=470559 (дата обращения: 21.02.2026).

от того, как владельцы бизнеса оценивают макросреду [19; 23]. Соответственно, необходимо уделять внимание также данным, отражающим ожидания и намерения агентов, поскольку исходя из них выстраиваются стратегии [8; 44; 45]. Это требует расширения набора индикаторов за счет микроданных обследований предпринимателей.

Методология «Пульс малого бизнеса» позволяет решить данную задачу: в ней учитываются оценки владельцев бизнеса на протяжении времени, связанные не только с бизнесом, но и с общим восприятием жизни.

Методика построения индексов на основе «Лонгитюда малого бизнеса» ФОМ

Базой для расчета индексов является лонгитюдное исследование, участники которого отобраны из Панели малого бизнеса ФОМ. В нее случайным образом рекрутируются малые предприниматели из всероссийских репрезентативных опросов ФОМ — индивидуальные предприниматели и руководители юрлиц микробизнеса и малого бизнеса, действующие во всех федеральных округах. Одни и те же респонденты опрашиваются ежеквартально с июля — августа 2021 г. в ходе телефонных интервью CATI, а также методом онлайн-опроса CAWI.

В методических материалах ФОМ подчеркиваются панельный характер дизайна, проблемы осыпания (выбывания) и приведены соответствующие процедуры ремонта панели: многомерная «матрица Лонгитюда» задает целевую структуру выборки, а объем добора в каждую последующую волну варьируется в зависимости от масштаба выбывания на предыдущем этапе. Подробная спецификация весовых коэффициентов (тип, калибровка, динамика по волнам), а также полные численные показатели объемов выборки и выбывания по каждой волне в открытых описаниях методики требуют обращения к исходным массивам данных и внутренней методической документации проекта[4].

Анкета каждой волны лонгитюда содержит определенные блоки (табл. 1). Кроме того, на ежегодной основе включаются вопросы о мотивации ведения бизнеса и оценке политики государства в отношении малого предпринимательства. Исходя из полученных ответов становится возможным построить индивидуальные профили жизнестойкости предпринимателей и отследить траектории применяемых бизнес-стратегий.

На основании данных формируется ряд цепных субиндексов: субиндекс экономики малого бизнеса (доход, расходы, заимствования), субиндекс оценки среды (спрос, конкуренция, бизнес-среда, ситуация в экономике), субиндекс структурных изменений (новые направления, внедрение технологий) и субиндекс предпринимательских намерений (динамика настроений и ожиданий).

Для получения того или иного субиндекса соответствующие частные индикаторы усредняются. При расчете используется балансовый подход. Сначала для каждого вопроса определяется доля положительных ответов (%P) и доля отрицательных (%N). Затем рассчитывается баланс: Index = (%P − %N) + 100. Значения выше 100 свидетельствуют о преобладании позитивных оценок, ниже 100 — о преобладании негативных. Нейтральные ответы не включаются в баланс.

---

[4] Социология малого бизнеса // SMBiz.ФОМ [электронный ресурс]. 2025. — URL: https://smbiz.fom.ru/longitude (дата обращения: 21.02.2026).

Таблица 1

Основные разделы (блоки) анкеты «Лонгитюд малого бизнеса»

Блок	Тематическая категория	Ключевые вопросы для ПМБ
002	Достаточность дохода	Q_00201: изменения в доходах
003	Бизнес-стратегия	Q_00301: бизнес-стратегии предпринимателя
004	Изменения бизнес-среды	Q_00401: условий ведения бизнеса Q_00404: спроса на продукцию Q_00405: конкуренции Q_00406: экономической ситуации
005	Изменение направления деятельности	Q_00501: новые направления
006	Займы/источники	Q_00601: привлечение заемных средств для бизнеса
008	Передовые технологии (инструменты)	Q_00801: онлайн-продажи Q_00802: продвижение товаров и услуг Q_00803: организация рабочих процессов Q_00804: электронный документооборот
009	Настроения и ожидания	Q_00901: настроение предпринимателя Q_00902: прогнозирование изменений деятельности

Аналогично усреднение субиндексов позволяет получить сводный индекс «Пульс малого бизнеса» (ПМБ). Субиндексы и сводный индекс являются цепными, но, в отличие от статистических цепных индексов, в данном случае цепная природа связана с использованием временно́го ряда балансовых оценок.

Такая методика согласуется с теорией статистики: при построении цепных индексов на основе балансовых показателей часто используется цепное накопление оценок [37; 32]. Методика распространена в международных исследованиях предпринимательства: например, в «Глобальном мониторинге предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor, GEM)[5] сводный NECI строится как простое среднее 13 условий [26].

Иерархия сводного индекса и его компонентов представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Индекс «Пульс малого бизнеса» и его компоненты

Источник: Собственная методика авторов.

[5] Global Entrepreneurship Monitor. Global Entrepreneurship Monitor 2022/2023 Global Report: Adapting to a "New Normal". L.: Global Entrepreneurship Research Association, 2023. — URL: https://asu.elsevierpure.com/en/publications/global-entrepreneurship-monitor-20222023-global-report-adapting-t/ (дата обращения: 21.02.2026).

Индекс «Пульс малого бизнеса»: возможности анализа и прогнозирования

В таблице 2 приведены характеристики индекса ПМБ и 4 субиндексов. Валидность использования индекса ПМБ проверена с помощью метода главных компонент (PCA). Первая компонента объясняет 75,8% дисперсии 4 субиндексов. В силу ограничения выборки (17 кварталов) динамическая устойчивость проверена с помощью критерия Манна — Кендалла, коэффициента автокорреляции 1-го порядка AR(1) и оценки «сигнал/шум» (SNR), а также методов спектрального анализа. Согласно результатам, субиндекс структурных изменений показывает устойчивый восходящий тренд. Спектральная оценка в 3,6 квартала может указывать на краткосрочный горизонт планирования. При этом остальные субиндексы показывают неоднородную динамику: для субиндекса структурных изменений характерна устойчивая восходящая динамика, отражающая кумулятивный характер изменений (в плане оценок автокорреляции AR(1) и теста Манна — Кендалла). Другие субиндексы более волатильны, что усиливает роль ПМБ в фиксации потенциальных изменений в бизнес-моделях предпринимателей, в том числе для прогнозирования [27].

Таблица 2

Анализ качества субиндексов и сводного индекса

Субиндексы и кумулятивный индекс	Среднее значение	SNR	AR(1)	CV	M-K (значение)	Спектральные изменения
Самооценка состояния бизнеса	69.2	0.03	−0.146	9.6	0.773	–
Восприятие макроэкономической среды	84.5	0.03	0.317	12.6	0.537	–
Структурные изменения	80.5	0.54	0.728	6.3	0.000	–
Предпринимательские намерения	101.1	0.00	0.182	12.5	0.343	3,6 кварт.
«Пульс малого бизнеса»	83.8	0.06	0.462	7.6	0.064	–

Примечание. SNR — signal-to-noise ratio (оценка «сигнал/шум»); AR(1) — автокорреляция 1-го порядка; CV — коэффициент вариации; M-K (значение) — тест Манна — Кендалла.

На рисунке 2 приведена динамика сводного индекса ПМБ и его тематических компонент. При сравнении базового и цепного индексов видно, что цепной индекс показывает несколько меньший размах отклонений. Флуктуации субиндексов намерений и самооценки бизнеса совпадают, тогда как связь намерений с субиндексом восприятия макросреды сложнее: они изменяются с лагом, причем изменения восприятия макроэкономической среды, судя по всему, не опережают, а следуют за изменениями предпринимательских намерений. Это позволяет выдвинуть гипотезу о темпоральном характере их взаимосвязи [16; 36], но в неожиданном варианте.

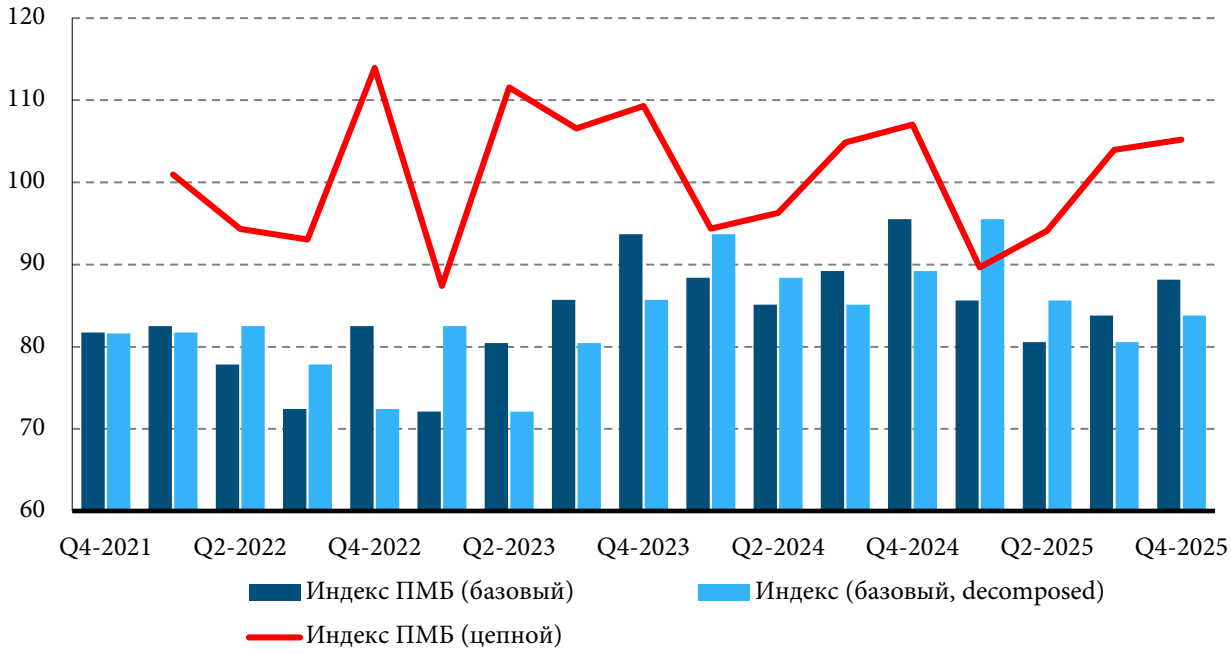

Рис. 2. Динамика ПМБ в базовом и цепном вариантах

Источник: Расчеты авторов по базе данных «Лонгитюда малого бизнеса».

Если ранее в литературе было показано, что в экономиках переходного типа восприятие различных институциональных измерений положительно, но не существенно коррелирует с предпринимательскими намерениями [43], то имеющийся массив наблюдений лонгитюда позволяет предположить, что изменение тренда предпринимательских намерений может происходит раньше, чем изменение тренда макроэкономических условий (например, в силу повышенной восприимчивости (*alertness*) предпринимателей или иных обстоятельств).

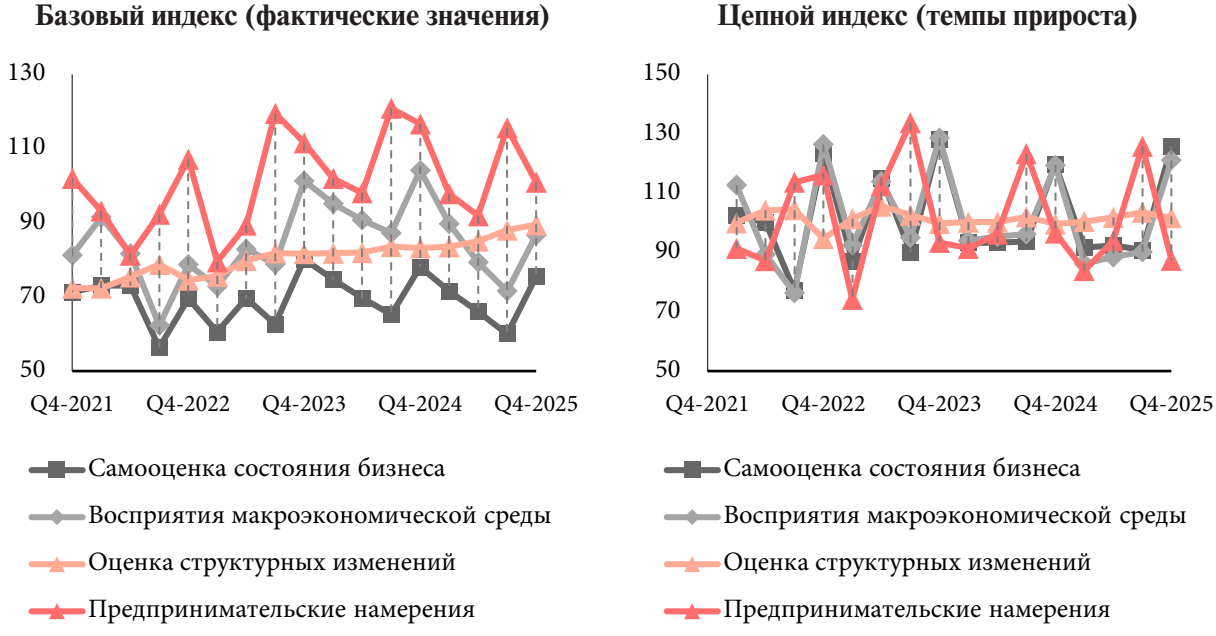

Рис. 3. Динамика субиндексов ПМБ

Источник: Расчеты авторов по базе данных «Лонгитюда малого бизнеса».

Кроме того, ПМБ позволяет выявить определенные соотношения между субиндексами, которые создают рамку для прогноза (косвенно видно на рисунке 3): 1) отмеченный временной лаг между изменением предпринимательских намерений и реагированием респондентов на изменение макроэкономической ситуации в стране; 2) отсутствие видимой связи между гораздо менее выраженной динамикой оценок структурных изменений, с одной стороны, и самооценкой состояния бизнеса и предпринимательскими намерениями — с другой. Представляется, что если на более длинном отрезке наблюдений указанные соотношения сохранятся, то возможно построение некоторых моделей с количественными связями между субиндексами, которые могут быть использованы также в предиктивном режиме.

Заключение и выводы

В статье описаны методологические основания и приведены расчеты кумулятивного индекса «Пульс малого бизнеса». Данный индекс уникальный, его аналогов в зарубежной практике нет. Основное преимущество цепного индекса на лонгитюдных данных перед индексами на кросс-секционных опросах в следующем: панель позволяет отслеживать одни и те же единицы во времени, поэтому индекс отражает реальные индивидуальные траектории, а не смену состава выборки.

Такая особенность данных обеспечивает сопоставимость измерений и позволяет контролировать неизменяемые во времени характеристики. Динамика индекса менее искажена влиянием устойчивых черт (вид деятельности, размер) и лучше подходит для интерпретации причинно-следственных связей. В соответствии с теорией микрооснований предпринимательства [35] ПМБ позволяет продемонстрировать связь между агрегированной динамикой и микромеханизмами деятельности, обеспечивая эмпирическую проверку теорий о влиянии институтов и шоков.

Ограничением методики ПМБ является то, что схема агрегирования основана на равных весах и не опирается на формально верифицированную модель латентной переменной. Это связано с невозможностью расчета чувствительности ПМБ к альтернативным весовым схемам. Такой недостаток присущ ряду известных индексов (см., например: [18]), что не мешает их использованию даже в международных сопоставлениях, хотя именно в них различия в структуре национальных предпринимательских экосистем должны были бы диктовать использование весов для каждого элемента кумулятивного индекса. Для мононациональной системы мониторинга состояния МСП на данный момент имеет гораздо меньшее значение, чем выявление и анализ общего тренда динамики. Тем не менее полученный индекс следует трактовать, скорее, как вспомогательный показатель для экспертных оценок. Развитие более строгой измерительной модели — задача для дальнейших исследований.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пашков Станислав Георгиевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник ЛЭСИ, НИУ «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, вн. 12450. **Электронная почта:** spashkov@hse.ru SPIN-код: 5569-3190

Чепуренко Александр Юльевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической социологии, НИУ «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, вн. 12447. **Электронная почта:** achepurenko@hse.ru SPIN-код: 3376-5440

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 32–44. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.2

Research Article

STANISLAV G. PASHKOV[1], ALEKSANDR YU. CHEPURENKO[2]

[1] HSE University.
11, Myasnytskaya St., 101000, Moscow, Russian Federation.
[2] HSE niversity.
20, Myasnytskaya St., 101000, Moscow, Russian Federation.

The Pulse of Small Business: Chain Indices as a Source of Analytics and Management Decisions (Based on Data From the "Longitude of Small Business" by FOM)

Abstract. This article discusses the methodological possibilities and specific features of constructing chain indices based on longitudinal sociological data. The relevance of the study stems from the shortage of diverse socio-economic indicators for promptly tracking fluctuations in the expectations and intentions of small business owners under heightened uncertainty. The authors show that the chain index methodology is a relatively simple and convenient tool for measuring a series of categorical variables that serve as indicators. In order to obtain robust estimates, the article applies the balance method for calculating index values, followed by aggregation through averaging of partial indices, using data from the FOM Small Business Longitudinal Study, which has been conducted quarterly since 2021. On the accumulated longitudinal data, the paper substantiates an index-based methodology for measuring changes in the assessments and expectations of small business owners — the Small Business Pulse (SBP). The article provides examples of calculating the SBP as an aggregated cumulative index based on four thematic indices (entrepreneurial intentions, perception of the macroeconomic environment, assessment of structural changes, and self-assessment of the state of the business). The stability of the time series is verified using the ARIMA methodology. The results made it possible to identify the functional and analytical advantages of the four thematic indices within the SBP, as well as its analytical potential.

Keywords: small business; chain indices; longitude; balance sheet method.

For citation: Pashkov, S.G., Chepurenko, A.Yu. The Pulse of Small Business: Chain Indices as a Source of Analytics and Management Decisions (Based on Data From the "Longitude of Small Business" by FOM). *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal.* 2026. Vol. 32. No. 2. P. 32–44. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.2

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav G. Pashkov — Candidate of Sociological Sciences, Associate professor of the Department of Sociology, Senior Research Fellow of LSES, HSE University. **Phone**: +7 (495) 772-95-90, extent. 12450. **Email:** spashkov@hse.ru ORCID: 0000-0001-7832-7503 ResearcherID: L-6326-2015

Aleksandr Yu. Chepurenko — Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of Sociology, HSE University. **Phone**: +7 (495) 772-95-90, extent. 12447. **Email:** achepurenko@hse.ru ORCID: 0000-0003-1691-8556 ResearcherID: E-8467-2014

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Алешина О.Г.* Внешние и внутренние шоки в экономике: методология // Экономика и управление инновациями. 2022. № 2. С. 39–60. DOI: 10.26730/2587-5574-2022-2-39-60 EDN: LTMRUU

Alyoshina O.G. External and internal shocks in the economy: methodology. *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami*. 2022. No. 2. P. 39–60. DOI: 10.26730/2587-5574-2022-2-39-60 (In Russ.)

2. *Аллен Р.* Экономические индексы / Пер. с англ. Л.С. Кучаева; Пер. с англ. В.В. Мартынова. М.: Статистика, 1980. — 256 с.

   Allen R. *Economic Indexes*. Transl. from Eng. by L.S. Kuchaev; Foreword by V.V. Martynov. Moscow: Statistics, 1980. — 256 p. (In Russ.)

3. *Богатырева К.А.* Восприятие возможностей как недостающее звено: адаптация теории запланированного поведения к предпринимательскому процессу // Российский журнал менеджмента. 2024. № 1. С. 5–28. DOI: 10.21638/spbu18.2024.101 EDN: ITWEQU

   Bogatyreva K.A. Opportunity perception as a missing link: adaptation of the theory of planned behavior to the entrepreneurial process. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*. 2024. No. 1. P. 5–28. DOI: 10.21638/spbu18.2024.101 (In Russ.)

4. *Дементьева И.Н., Шаклеина М.В.* Применение индексного метода в исследованиях потребительских настроений населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 153–173. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.9 EDN: VVFJNI

   Dementyeva I.N., Shakleina M.V. Application of the index method in studies of the consumer population. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 153–173. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.9 (In Russ.)

5. *Егорова А.И., Чепуренко А.Ю.* Факторы упругости малого предпринимательства в условиях внешних шоков в России (по данным лонгитюдного исследования) // Российский журнал менеджмента. 2022. Т. 20. № 2. С. 172–197. DOI: 10.21638/spbu18.2022.202 EDN: ZJEGCQ

   Egorova A.I., Chepurenko A.Yu. Factors of the resilience of small businesses under external shocks in Russia (based on the longitudinal study data). *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*. 2022. Vol. 20. No. 2. P. 172–197. DOI: 10.21638/spbu18.2022.202 (In Russ.)

6. *Жулева О.И.* К вопросу об использовании индексного метода в процессе анализа социально-экономических процессов // Инновационное развитие российской экономики. IX Международная научно-практическая конференция. Том 2 / Министерство образования и науки Российской; Федерации Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; Российский гуманитарный научный фонд. М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2016. С. 114–117. EDN: WXLBDT

   Zhuleva O.I. To the question of using the index method in the process of analysis of social and economic processes. *Innovative Development of the Russian Economy*. Vol. 2. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics publ., 2016. P. 114–117. (In Russ.)

7. *Клепач А.Н.* Макроэкономические эффекты пандемии и перспективы восстановления экономики // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30 EDN: SFMJLO

   Klepach A.N. Macroeconomic effects of the pandemic and prospects for economic recovery. *Voprosy ekonomiki*. 2021. No. 7. P. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30 (In Russ.)

8. *Пашков С.Г., Чепуренко А.Ю., Егорова А.И.* Влияние личных факторов на изменение стратегических намерений малых предпринимателей в условиях экзогенных шоков: анализ лонгитюдных данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4 (188). С. 175–201. DOI: 10.14515/monitoring.2025.4.2815 EDN: ZODMIB

Pashkov S.G., Chepurenko A.Yu., Egorova A.I. Influence of personal factors on the change of strategic intentions of small entrepreneurs in the conditions of exogenous shocks: analysis of longitudinal data. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny.* 2025. Vol. 188. No. 4. P. 175–201. DOI: 10.14515/monitoring.2025.4.2815 (In Russ.)

9. *Сергеев С.* Методология и организация Программы международных сопоставлений ООН 2011 (глобальное сопоставление ВВП на основе паритетов покупательной способности валют) [электронный ресурс]. 2011. Дата обращения 21.02.2026. URL: http://icp.cisstat.com/files/metology/cis/cis_icp_01.pdf

   Sergeev S. *Methodology and organization of the UN International Comparison Program 2011 (Global comparison of GDP based on purchasing power parities).* 2011. Accessed 21.02.2026. URL: http://icp.cisstat.com/files/metology/cis/cis_icp_01.pdf (In Russ.)

10. *Серков Л.А., Елизаров Д.Б.* Влияние непредвиденных шоков на поведение макроэкономических показателей в рамках гипотезы об адаптивном обучении агентов // Journal of New Economy. 2016. № 2 (64). С. 135–150. EDN: WAXNXD

    Serkov L.A., Yelizarov D.B. The influence of unforeseen shocks on the behavior of macroeconomic indicators in the framework of the hypothesis of adaptive learning of agents. *Journal of New Economy.* 2016. No. 2 (64). P. 135–150. (In Russ.)

11. *Чепуренко А.Ю.* Российский малый бизнес в первой половине 2022 г.: между Сциллой и Харибдой // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 132–138. DOI: 10.31857/S013216250020723-8 EDN: GASJFY

    Chepurenko A.Yu. Russian small business in the first half of 2022: between Scylla and Charybdis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 9. P. 132–138. DOI: 10.31857/S013216250020723-8 (In Russ.)

12. *Чепуренко А.Ю., Галицкий Е.Б., Ослон А.А.* Адаптация российского малого бизнеса к шокам пандемии COVID-19: первые данные лонгитюдного исследования // Общественные науки и современность. 2023. № 2. С. 90–110. DOI: 10.31857/S0869049923020065 EDN: CEMGZW

    Chepurenko A.Yu., Galytskyi E.B., Oslon A.A. Adaptation of Russian small business to the shocks of the COVID-19 pandemic: first data of the longitudinal study. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2023. No. 2. P. 90–110. DOI: 10.31857/S0869049923020065 (In Russ.)

13. *Чернозуб О.Л.* Двухкомпонентная модель факторов поведения: нужны ли имплицитные факторы теории запланированного поведения? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3 (169). С. 28–44. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2125 EDN: DVWYKF

    Chernozub O.L. Two-component model of behavior factors: are implicit factors of the theory of planned behavior necessary? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny.* 2022. Vol. 169. No. 3. P. 28–44. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2125 (In Russ.)

14. *Чикатуева Л.А., Торкулов Ш.М., Мисаков В.С.* Системный анализ прогнозных оценок показателей эффективности деятельности предприятий малого бизнеса // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 1–3. С. 137–141. EDN: OZPMET

    Chikatueva L.A., Totorkulov Sh.M., Mysakov V.S. System analysis of forecast estimates of performance indicators of small business enterprises. *Terra Economicus*. 2012. Vol. 10. No. 1–3. P. 137–141. (In Russ.)

15. Abe N. *Chain Index / Price Index Numbers: Theory and Application*. Singapore: Springer Nature Singapore, 2025. P. 167–194. DOI: 10.1007/978-981-97-6305-4

16. Ahmed T., Klobas J.E., Chandran V.G.R., Akhtar M.W., Sergi B.S. How perceived contextual barriers for entrepreneurship reduce entrepreneurial intentions: a TPB study. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 43–69. DOI:10.1007/s11365-024-01047-4
17. Barbera C., Jones M., Korac S., Saliterer I., Steccolini I. Local government strategies in the face of shocks and crises: the role of anticipatory capacities and financial vulnerability. *International Review of Administrative Sciences*. 2021. Vol. 87. No. 1. P. 154–170. DOI: 10.1177/0020852319842661
18. Bonyadi E., Sarreshtehdari L. The global entrepreneurship index (GEI): a critical review. *Journal of Global Entrepreneurship Research*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 469–488. DOI: 10.1007/s40497-021-00302-0
19. Bretherton P., Chaston I. Resource dependency and SME strategy: an empirical study. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2005. Vol. 12. No. 2. P. 274–289. DOI: 10.1108/14626000510594656
20. Cage R., Greenlees J., Jackman P. Introducing the chained consumer price index. *International Working Group on Price Indices (Ottawa Group): Proceedings of the Seventh Meeting*. Paris: INSEE, 2003. P. 213–246.
21. Coduras A. GEM Results: NES-NECI 2020. *Global Entrepreneurship Monitor 2021*. Accessed 03.05.2026. URL: https://www.gemconsortium.org/images/media/gem-neci-background-notes-1613753990.pdf
22. Foster J.E. Poverty indices. *Poverty, Inequality and Development: Essays in Honor of Erik Thorbecke*. Boston, MA: Springer US, 2006. P. 41–65. DOI: 10.1007/0-387-29748-0_3
23. Freel M.S. Perceived environmental uncertainty and innovation in small firms. *Small Business Economics*. 2005. Vol. 25. No. 1. P. 49–64. DOI: 10.1007/s11187-005-4257-9
24. Gallagher S., Mastrogiorgio A., Petracca E. Economic reasoning and interaction in socially extended market institutions. *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article 1856. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01856
25. Giones F., Brem A., Pollack J.M., Michaelis T.L., Klyver K., Brinckmann J. Revising entrepreneurial action in response to exogenous shocks: considering the COVID-19 pandemic. *Journal of Business Venturing Insights*. 2020. Vol. 14. Article e00186. DOI: 10.1016/j.jbvi.2020.e00186
26. Herrington M., Coduras A. A new and innovative GEM Composite Index based upon the National Expert Survey: a survey of selected African countries. *Contextual Strategic Entrepreneurship: Perspectives on Regional Contexts, Social Elements, and Entrepreneurial Competitiveness*. Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 57–70. DOI: 10.1007/978-3-030-86028-8_4
27. Hyndman R.J., Khandakar Y. Automatic time series forecasting: the forecast package for R. *Journal of Statistical Software*. 2008. Vol. 27. P. 1–22. DOI: 10.18637/jss.v027.i03
28. Kautonen T., Van Gelderen M., Tornikoski E.T. Predicting entrepreneurial behaviour: a test of the theory of planned behavior. *Applied Economics*. 2013. Vol. 45. No. 6. P. 697–707. DOI: 10.1080/00036846.2011.610750
29. Kuchař P. Competition as socially extended cognition: a Hayekian perspective on market knowledge and institutional evolution. *The Review of Austrian Economics*. 2025. P. 1–23. DOI: 10.1007/s11138-025-00695-1
30. Land K.C. Social indicators. *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. No. 1. P. 1–26. DOI: 10.1146/annurev.so.09.080183.000245

31. Land K.C., Ferriss A.L. The sociology of social indicators. *The Handbook of 21st Century Sociology*. 2007. P. 518–526. DOI: 10.4135/9781412939645.n52
32. Lavrakas P.J. *Encyclopedia of survey research methods*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2008. DOI: 10.4135/9781412963947
33. Manski C.F. Measuring expectations. *Econometrica*. 2004. Vol. 72. No. 5. P. 1329–1376. DOI: 10.1111/j.1468-0262.2004.00537.x
34. Miklian J., Hoelscher K. SMEs and exogenous shocks: a conceptual literature review and forward research agenda. *International Small Business Journal*. 2022. Vol. 40. No. 2. P. 178–204. DOI: 10.1177/02662426211050796
35. Minniti M., Bygrave W. The microfoundations of entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 41–52. DOI: 10.1177/104225879902300403
36. Nakara W. A., Laouiti R., Chavez R., Gharbi S. An economic view of entrepreneurial intention. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2020. Vol. 26. No. 8. P. 1807–1826. DOI: 10.1108/IJEBR-12-2019-0693
37. Nerb G. Survey activity of the Ifo institute. *Ifo Survey Data in Business Cycle and Monetary Policy Analysis*. Heidelberg: Physica-Verlag HD, 2005. P. 1–15. DOI: 10.1007/3-7908-1605-1_1
38. Pedersen A.W. Inequality as relative deprivation: a sociological approach to inequality measurement. *Acta Sociologica*. 2004. Vol. 47. No. 1. P. 31–49. DOI: 10.1177/0001699304041550
39. Pereira H.M.F., Saes M.S.M. Government support and institutions' intermediation throughout companies' adaptation to the COVID-19 crisis. *Sustainability*. 2022. Vol. 14. No. 9. Article 5450. DOI: 10.3390/su14095450
40. Sánchez-Chóliz J., Duarte R. Production chains and linkage indicators. *Economic Systems Research*. 2003. Vol. 15. No. 4. P. 481–494. DOI: 10.1080/0953531032000152335
41. Sorensen A. Taking critical junctures seriously: theory and method for causal analysis of rapid institutional change. *Planning Perspectives*. 2023. Vol. 38. No. 5. P. 929–947. DOI: 10.1080/02665433.2022.2137840
42. Thorgren S., Williams T.A. Staying alive during an unfolding crisis: how SMEs ward off impending disaster. *Journal of Business Venturing Insights*. 2020. Vol. 14. Article e00187. DOI: 10.1016/j.jbvi.2020.e00187
43. Urban B. Influence of the institutional environment on entrepreneurial intentions in an emerging economy. *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*. 2013. Vol. 14. No. 3. P. 179–191. DOI: 10.5367/ijei.2013.0122
44. Vij S., Bedi H.S. Are subjective business performance measures justified? *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2016. Vol. 65. No. 5. P. 603–621. DOI: 10.1108/IJPPM-12-2014-0196
45. Zayadin R., Zucchella A., Anand A., Jones P., Ameen N. Entrepreneurs' decisions in perceived environmental uncertainty. *British Journal of Management*. 2023. Vol. 34. No. 2. P. 831–848. DOI: 10.1111/1467-8551.12612

Статья поступила в редакцию: 29.11.2025; поступила после рецензирования и доработки: 03.03.2026; принята к публикации: 13.03.2026.

Received: 29.11.2025; revised after review: 03.03.2026; accepted for publication: 13.03.2026.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.3
EDN: EYWFDF

А.В. ГОРБЕНКО [1]

[1] Независимый исследователь.
198516, Санкт-Петербург, бул. Разведчика, д. 6, корп. 4, кв. 34.

МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ В ДЕТСКОМ МЕДИАКОНТЕНТЕ: НА ПРИМЕРЕ СВЕТСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ МЕДИАИСТОЧНИКОВ

Аннотация. Детский медиаконтент является важнейшим агентом моральной социализации, однако различия в этических нарративах светских и конфессиональных продуктов остаются малоизученными. Особый интерес представляет медиапродукция «строгих церквей» (по Л. Яннакконе), требующих высокой эксклюзивности и подчинения, что предполагает уникальный моральный профиль. Цель исследования — квантифицировать различия в этической риторике между светским, мейнстримным христианским и «строгим» религиозным (Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, LDS) типами детского контента. Сформирован корпус из 13 205 реплик на основе транскриптов мультсериалов “Craig of the Creek” (светский), “Superbook” («мейнстримное христианство») и обучающих материалов LDS. Для анализа использовалась теория моральных оснований (Moral Foundations Theory, MFT) Дж. Хайдта. Надежность ручного кодирования верифицирована с помощью LLM (Large Language Model) Claude Sonnet 4.5, каппа Коэна составила 0,676. Выявлен значимый «этический разлом» между типами контента. В то время как этика *заботы* (Care/Harm) универсальна (~30% реплик во всех группах), частота апелляций к «связывающим» основаниям драматически различается. Корпус LDS демонстрирует экстремально высокие показатели категорий *власть* (41,7%) и *святость* (23,9%), которые практически отсутствуют в светском нарративе. Установлен градиент религиозной строгости: “Craig” → “Superbook” → LDS, коррелирующий с переходом от ценностей автономии к императиву послушания. Результаты подтверждают гипотезу о неоднородности религиозного медиасегмента. Медиапродукция «строгих церквей» функционирует как инструмент доктринальной инкапсуляции, формируя закрытый социальный капитал через жесткие коды иерархии и чистоты, в отличие от более адаптивного мейнстримного контента.

Ключевые слова: моральная социализация; детский медиаконтент; теория моральных оснований (MFT); теория «строгих церквей»; контент-анализ; LDS; цифровое воспитание; социология религии.

Для цитирования: *Горбенко А.В.* Моральные основания в детском медиаконтенте: на примере светских и религиозных медиаисточников // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 45–58. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.3 EDN: EYWFDF

Введение

Моральная социализация ребенка в современном цифровом пространстве является одной из ключевых тем междисциплинарных исследований на стыке психологии развития, медиаобразования и социологии. Детский медиаконтент выступает не просто развлечением, а мощным инструментом трансляции этических норм, формирующим представления о добре и зле через нарративные модели [1].

Особый интерес представляет сравнительный анализ светских и религиозных медиа, так как они оперируют фундаментально различными этическими системами. Согласно теории моральных оснований (Moral Foundations Theory, MFT), предложенной Дж. Хайдтом, человеческая мораль базируется на пяти интуитивных модулях: *Забота/Вред* (Care/Harm) и *Справедливость/Обман* (Fairness/Cheating) составляют «индивидуализирующий» кластер, характерный для светской либеральной этики, в то время как *Лояльность* (Loyalty), *Власть* (Authority) и *Святость* (Sanctity) образуют «связывающий» кластер, доминирующий в традиционных и религиозных сообществах [1; 2].

Существующие исследования применения MFT к анализу медиа демонстрируют, что герои популярных детских фильмов чаще ассоциируются с индивидуализирующими основаниями, тогда как злодеи — со «связывающими» [3]. Однако этот вывод сделан преимущественно исходя из светского материала. Вопрос о том, как репрезентируется мораль в контенте, созданном *внутри* религиозных общин, изучен недостаточно.

В этом контексте принципиально важно различать «мейнстримную» религиозность и более консервативные и строгие деноминации. Согласно теории «строгих церквей» (Strict Church Theory) Л. Яннакконе религиозные организации, требующие высокой степени приверженности и эксклюзивности, создают особый тип закрытого социального капитала, действуя через жесткие поведенческие и этические коды [4; 5]. В модели «церковь — секта» (church — sect) Яннакконе формализовал различие между церквями и сектами не как ad hoc таксономию, а как аналитически выводимые модусы религиозной организации, различающиеся по степени нормативного контроля над поведением членов [10]. Ключевым механизмом является снижение «безбилетничества» (free-riding): строгие требования — стигматизирующие поведенческие ограничения, обязательная десятина, кодексы чести — повышают участие и приверженность, отсеивая недостаточно мотивированных членов [11]. Применительно к мормонам Яннакконе и Майлз показали, что Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, LDS) является парадигматическим примером «строгой церкви»: она требует значительных жертв от членов (отказ от алкоголя, кофе, табака; обязательная десятина; миссионерское служение), но взамен обеспечивает высокий уровень внутригруппового социального капитала [12]. Строгость при этом следует понимать не как бинарную категорию, а как континуум: организации распола-

гаются на шкале от «церкви» (низкие требования, широкая аудитория) к «секте» (высокие требования, узкая, но высокоприверженная группа) [10; 11]. Это позволяет предположить, что медиапродукция LDS будет демонстрировать уникальный моральный профиль, отличающийся даже от общехристианского контента. В современной научной литературе наблюдается существенный пробел: отсутствуют сравнительные корпусные исследования, которые бы квантифицировали различия в моральной риторике между светским, мейнстримным христианским и «строгим» религиозным детским контентом. Большинство работ либо качественные, либо ограничены малым объемом выборки из-за трудоемкости ручного кодирования.

Развитие методов автоматического распознавания речи (Automatic Speech Recognition, ASR) и больших языковых моделей (Large Language Model, LLM) открывает новые возможности для масштабируемого анализа. Исследования показывают, что модель WhisperX обеспечивает точность транскрипции (WER < 10%), достаточную для научного анализа даже спонтанной речи [6; 7], а современные LLM (такие как Claude Sonnet) способны выполнять валидацию контент-анализа с надежностью, сопоставимой с экспертной оценкой, при условии использования детализированных промптов [8; 9].

Целью данной работы является сравнительный анализ моральных оснований в трех типах детского медиаконтента: светском (“Craig of the Creek”), мейнстримном христианском (“Superbook”) и строгом религиозном материале LDS. Вспомогательной задачей выступает апробация конвейера ASR + LLM-классификации (WhisperX → Claude Sonnet) для автоматизированного анализа этических нарративов в англоязычном детском медиаконтенте: оценка точности транскрипции и надежности машинной валидации ручного кодирования по категориям MFT.

Исследовательские вопросы обозначены следующим образом.

В какой степени и по каким моральным измерениям (в рамках MFT) различается этический ландшафт детского медиаконтента светского, общехристианского (неденоминационного евангелического) и LDS-происхождения? Каковы масштаб и структура этих различий?

Мы выдвигаем гипотезу: градиент «строгости» религии будет коррелировать с частотой апелляции к связывающим основаниям (*власть*, *святость*), создавая уникальный этический профиль для каждого типа контента.

Результаты исследования имеют прямое применение в образовательной политике и семейном консультировании. Родителям и педагогам предоставляется инструмент для осознанного выбора медиаконтента в зависимости от желаемого этического профиля ребенка: акцент на автономию (светский контент) или групповую идентичность (религиозный). В контексте государственной политики по защите детей от вредоносного контента (Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию») данные позволяют разработать критерии оценки моральной риторики цифровых продуктов. Кроме того, результаты полезны для религиоведения, они помогают классифицировать конфессиональные медиа по «градиенту строгости» и прогнозировать их влияние на социализацию.

Данные и методы

Материалом для исследования послужили транскрипты аудиодорожек из трех корпусов детского медиаконтента: светского мультсериала “Craig of the Creek” (“Craig”), христианского анимационного сериала “Superbook” и детских обучающих анимационных материалов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (LDS).

Необходимо уточнить статус “Superbook” в контексте «теории строгости». “Superbook” является продуктом CBN (Christian Broadcasting Network) — парацерковной (parachurch) медиаорганизации, основанной Пэтом Робертсоном в 1960 г. [13]. CBN не является церковью или деноминацией: она не предъявляет к аудитории требований строгости в смысле Яннакконе (нет обязательного членства, десятины, поведенческих стандартов, механизмов мониторинга и санкций). “Superbook” ориентирован на максимально широкую аудиторию, включая нехристиан, и транслирует общехристианский нарратив (библейские истории) без деноминационной привязки. Это принципиально отличает его от LDS-контента, который является катехизационным инструментом конкретной институции с четко очерченными границами членства. Критерий строгости по Яннакконе — институциональный, а не идеологический [4; 10]: даже если CBN придерживается консервативных евангелических взглядов, у нее отсутствуют институциональные механизмы строгости (обязательное членство, десятина, дисциплинарные советы, кодексы поведения), которыми обладает LDS [11; 12].

Различие в коммуникативных стратегиях двух источников — “Superbook” и LDS — заслуживает отдельного методологического комментария. “Superbook” представляет собой евангелизационный продукт, ориентированный на максимально широкую внешнюю аудиторию, тогда как корпус LDS выполняет катехизационную функцию, адресованную преимущественно детям членов Церкви. Это различие не является методологическим дефектом, а представляет собой эмпирическое проявление разной степени институциональной строгости. Согласно логике Яннакконе, строгие организации формируют закрытый социальный капитал и направляют коммуникацию преимущественно на внутреннюю аудиторию, тогда как менее строгие — на внешнюю. Тот факт, что LDS производит контент для «своих» детей (катехизация), а CBN — для широкой публики (евангелизация), сам по себе является маркером различной институциональной логики.

Техническая реализация

Первичная обработка аудиоданных производилась с использованием модели автоматического распознавания речи WhisperX. Полученные текстовые данные были автоматически разделены на реплики. Для верификации качества транскрипции проведена ручная проверка случайной выборки, составляющей 10% от общего объема данных. Точность распознавания составила более 99%, что объясняется высоким студийным качеством исходных аудиозаписей и эффективностью предобученной модели WhisperX для английского языка. Итоговый массив данных включает 13 205 реплик. Корпуса сопоставимы по объему, что обеспечивает валидность сравнительного статистического анализа (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика исследуемых корпусов

Корпус	Источник	Тип контента	Объем (*N* реплик)	Доля от общего объема, %
“Craig”	“Craig of the Creek”	Светский (Secular)	5 128	38,8
LDS	Медиаматериалы ЦИХСПД	Строгий религиозный (LDS)	4 536	34,4
“Superbook”	“Superbook”	Религиозный (Mainstream Christian)	3 541	26,8
Всего			**13 205**	**100**

Корпус LDS сформирован из всех публично доступных детских анимационных материалов, размещенных на официальном сайте Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (churchofjesuschrist.org). Материалы представляют собой не единый сериал, а совокупность коротких анимационных серий, объединенных институциональной принадлежностью и целевой аудиторией (дети членов Церкви). Корпус включает следующие коллекции: 1) “Doctrine and Covenants Stories for Young Readers”; 2) “Growing Faith”; 3) “Stories for Kids from the Friend”; 4) “Primary Old Testament Stories”; 5) “Old Testament Stories for Young Readers”; 6) “Primary New Testament Stories”; 7) “New Testament Stories for Young Readers”; 8) “Children’s Book of Mormon Stories”; 9) “Book of Mormon Stories for Young Readers”. Стратегия формирования корпуса предполагает полноту охвата официального институционального контента для детей, а не подбор отдельных сопоставимых продуктов. Аналогичный подход применен к “Superbook” и “Craig of the Creek”, где также анализируются все доступные эпизоды, а не единичные выпуски.

Исследование проведено в соответствии с этическими стандартами APA и российскими нормами научных публикаций. Материалы “Craig of the Creek” и “Superbook” получены из открытых источников YouTube в рамках принципа добросовестного использования (fair use) для научных целей — анализа и критики. Корпус LDS собран из публично доступных материалов официального сайта Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (churchofjesuschrist.org), не содержащих персональных данных.

Для контент-анализа реплик использовалась теория моральных оснований (MFT) Дж. Хайдта. Разметка данных производилась вручную по пяти моральным основаниям:

1. *Забота/Вред* (Care/Harm);
2. *Справедливость/Обман* (Fairness/Cheating);
3. *Лояльность/Предательство* (Loyalty/Betrayal);
4. *Власть/Уважение* (Authority/Respect);
5. *Чистота/Святость* (Purity/Sanctity).

Кодирование осуществлялось по шкале: –1 (Virtue pole, поощрение добродетели); 0 (отсутствие морального содержания); +1 (Vice pole, осуждение порока). Кодировались только эксплицитные маркеры без домысливания скрытых интенций.

Для оценки надежности ручной разметки случайно отобранная выборка реплик (13,22%) была перепроверена с использованием большой языковой модели Claude Sonnet 4,5 (с рассуждениями). Модели подавался полный контекст эпизода и набор из 50 реплик с детализированным промптом, содержащим строгие операциональные определения категорий MFT.

Таблица 2

Метрики надежности кодирования

Метрика	Значение
Всего сравнений	1747
Общая доля совпадений	90,7%
Средний Cohen's Kappa	0,676
Средний PLI Index	0,907

Среднее значение каппы Коэна составило 0,676 при общей доле совпадений 90,7% (табл. 2). Согласно общепринятой интерпретации, значение каппы в диапазоне 0,61–0,80 соответствует «существенному уровню» согласия. Это подтверждает высокую воспроизводимость ручной разметки и ее соответствие стандартам контент-анализа.

Результаты

Несмотря на различия в жанровой специфике (развлекательный сериал vs обучающие истории), корпуса демонстрируют достаточную лексическую плотность для применения методов MFT-анализа. Корпус LDS отличается наименьшим лексическим разнообразием (TTR = 0,126), что указывает на высокую повторяемость ключевых дидактических паттернов, в то время как "Craig" и "Superbook" (TTR ≈ 0,22) характеризуются более вариативной лексикой.

Корпуса различаются по объему и лексическому разнообразию (TTR).

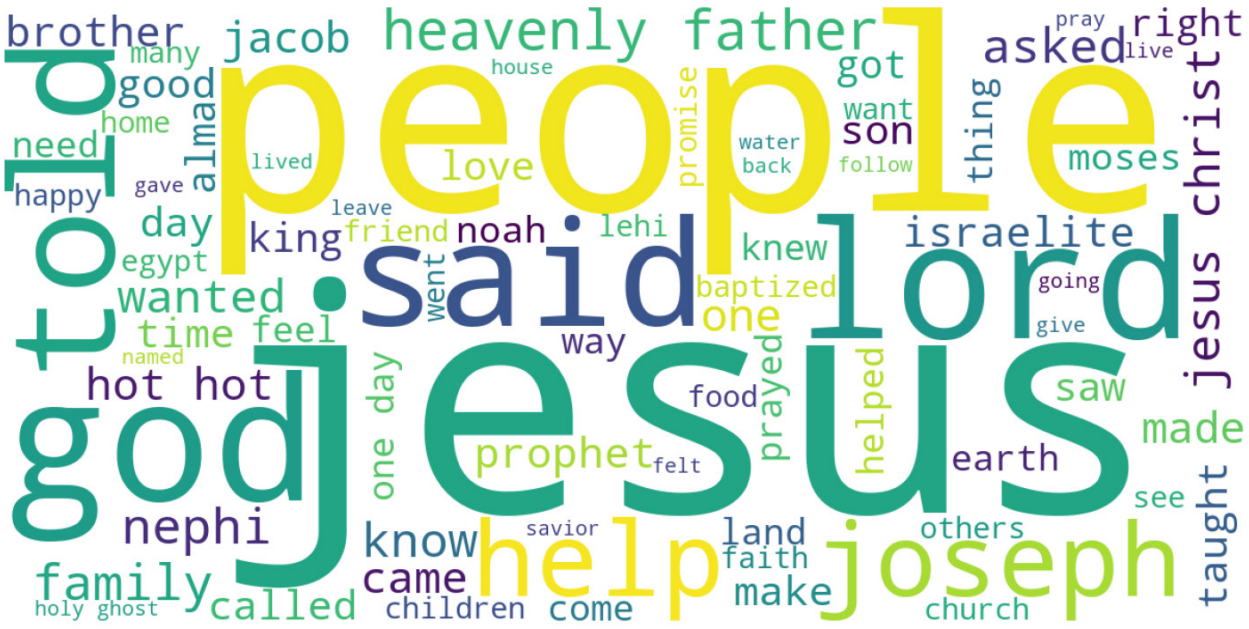

Рис. 1. Облако тегов для LDS

Визуализация лексических ядер корпусов в виде облака тегов демонстрирует отчетливые тематические доминанты. В облаке LDS центральное место занимают сакральные фигуры и коллективные понятия: наиболее крупными элементами являются “Jesus”, “people” и “lord”, окруженные словами, описывающими передачу знания (“told”, “said”) (рис. 1).

Облако “Superbook” имеет схожую теологическую направленность с акцентом на “lord”, “god” и “king”, но также выделяет имена главных героев (“Chris”, “Joy”) и глаголы действия (“come”, “help”) (рис. 2).

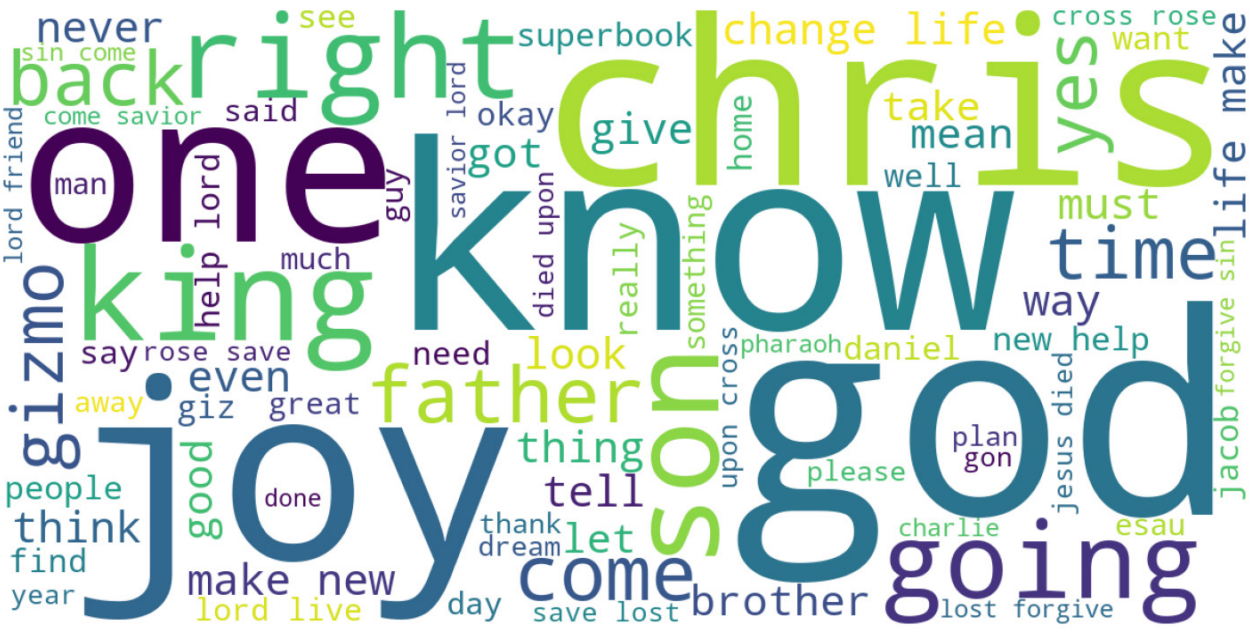

Рис. 2. Облако тегов для “Superbook”

Напротив, облако светского корпуса “Craig” формирует принципиально иную картину: здесь доминируют маркеры неформального общения (“like”, “yeah”, “know”), имя протагониста (“Craig”) и ключевая локация (“creek”), что отражает фокус на повседневном социальном взаимодействии и приключениях (рис. 3).

Рис. 3. Облако тегов для “Craig”

Анализ частотности моральных категорий показывает, как различные медиапродукты акцентируют внимание аудитории (рис. 4).

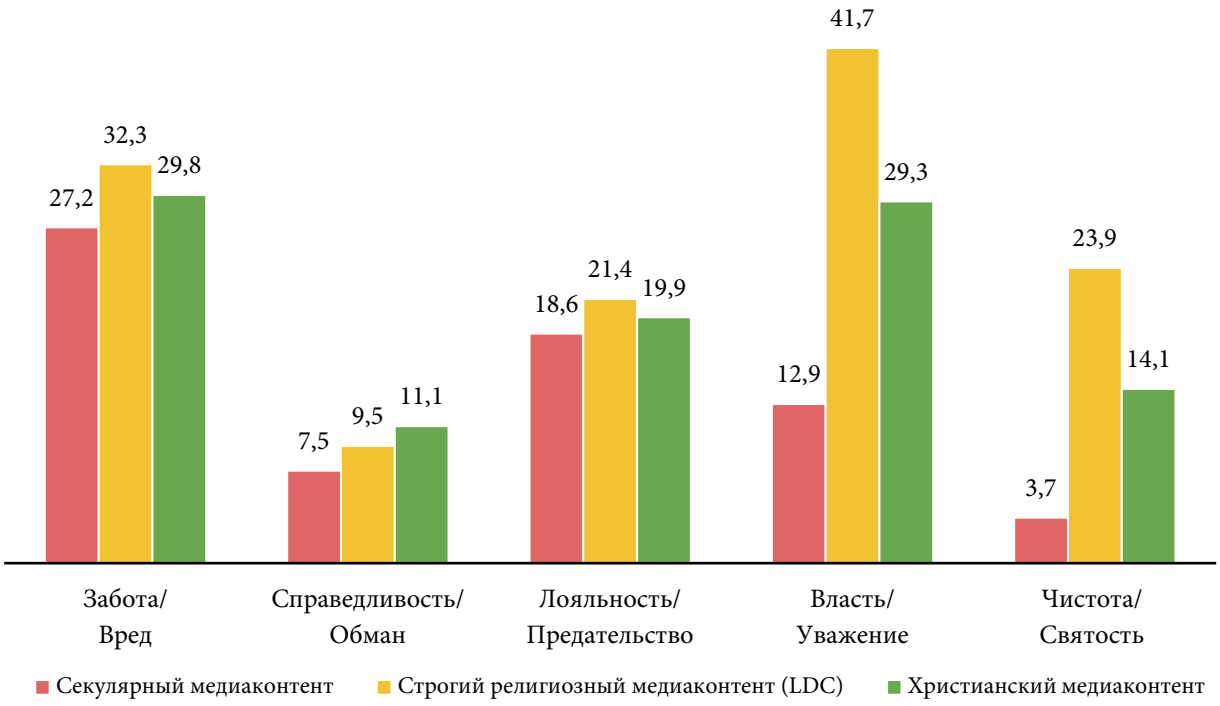

Рис. 4. Анализ частотности моральных категорий

Светский корпус “Craig” демонстрирует профиль, типичный для либеральной этики: умеренный акцент на *Заботу/Вред* (Care/Harm) (27,2%) и *Справедливость* (Fairness) (7,5%) при минимальном присутствии *Чистоты* (Purity) (3,7%). Напротив, корпус LDS показывает драматический сдвиг в сторону «связывающих» оснований: *Власть* (Authority) достигает 41,7%, а *Чистота* (Purity) — 23,9%. Для подтверждения статистической значимости различий в частоте апелляций к моральным основаниям был применен критерий хи-квадрат Пирсона (χ^2) для попарного сравнения корпусов.

Для категории *Власть/Уважение* (Authority/Respect) наблюдается наиболее драматический разрыв. Разница между LDS и “Craig” является высокозначимой ($\chi^2 = 1030{,}3$, $p < 0{,}001$, OR = 0,206). Отношение шансов показывает, что вероятность встретить апелляцию к авторитету в светском корпусе в 5 раз ниже, чем в корпусе LDS. Значимые различия также зафиксированы между “Superbook” и “Craig” ($p < 0{,}001$), а также между двумя религиозными корпусами ($p < 0{,}001$), где LDS демонстрирует существенно более высокий уровень авторитарной риторики (41,7% против 29,3% у “Superbook”).

Категория *Чистота/Святость* (Purity/Sanctity) практически маргинализирована в светском дискурсе “Craig” (3,7%), но является ключевой для LDS (23,9%). Статистический тест подтверждает фундаментальный характер этого различия (OR = 0,124, $p < 0{,}001$). “Superbook” занимает промежуточную позицию (14,1%), также значимо отличаясь от обоих полюсов.

Несмотря на то что различия по категории *Забота/Вред* (Care/Harm) статистически значимы ($p < 0{,}05$ для всех пар), размер эффекта здесь минимален по сравнению со «связывающими» основаниями. Отношение шансов для пары

"Craig" vs "Superbook" составляет 0,88, что близко к единице. Это свидетельствует об универсальности этики *Заботы* как базового элемента детского нарратива независимо от его идеологической направленности.

Категория *Лояльность/Предательство* (Loyalty/Betrayal) — единственная, где различия оказались статистически незначимыми в ряде сравнений. Пары "Craig" vs "Superbook" ($p = 0{,}148$) и LDS vs "Superbook" ($p = 0{,}100$) не показали достоверных отличий. Значимая разница найдена только между "Craig" (18,6%) и LDS (21,4%), однако близость показателей свидетельствует о том, что тема групповой сплоченности является общей доминантой для всех трех медиапродуктов.

Анализ позволяет выстроить четкий «градиент религиозности» от светского к наиболее консервативному дискурсу: "Craig" → "Superbook" → LDS. По категориям *Справедливость* (Fairness), *Власть* (Authority) и *Чистота* (Purity) наблюдается последовательное, статистически значимое ($p < 0{,}05$ для всех шагов) возрастание частоты упоминаний при движении по этому спектру. Помимо частоты встречаемости категорий, критически важным является анализ их валентности: поощряется ли данная моральная ценность (Virtue, код -1) или же акцент делается на осуждении ее нарушения (Vice, код +1) (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение категорий *Поощрение* (Virtue) и *Осуждение* (Vice) внутри моральных категорий

Основание	Корпус	Поощрение (Virtue), % (–1)	Осуждение (Vice), % (+1)	Доминирующий полюс
Authority	LDS	95	5	Virtue (Obedience)
	"Craig"	60	40	Mixed
Care	"Superbook"	85	15	Virtue (Helping)
	"Craig"	80	20	Virtue (Helping)

Анализ полярности выявил качественные различия в трактовке основания *Власть/Уважение* (Authority/Respect). В религиозном корпусе LDS данная категория имеет ярко выраженную позитивную полярность (Virtue): тексты фокусируются на послушании (obedience), следовании заповедям и уважении к пророкам. Нарушение авторитета (Vice) упоминается значительно реже, и только в контексте назидания.

В светском корпусе "Craig" категория *Власть* часто имеет смешанную или даже негативную полярность (Vice), где сюжеты могут строиться вокруг конфликта с несправедливыми правилами или авторитарными фигурами сверстников, что отражает западный культурный нарратив о ценности автономии.

Категория *Забота/Вред* (Care/Harm) во всех трех корпусах преимущественно представлена полюсом Virtue (забота, помощь, утешение), однако в "Superbook" доля Vice (+1, причинение вреда) может быть выше из-за специфики библейских сюжетов, содержащих сцены конфликтов и войн, в отличие от более «мягкого» повествования в LDS.

Таким образом, религиозные корпуса не просто *чаще* говорят о власти, но и *однозначно позитивизируют* подчинение ей, тогда как светский контент предлагает более сложную, критическую оптику.

Обсуждение результатов

Ключевым результатом исследования является подтверждение гипотезы о том, что религиозный детский контент фундаментально отличается от светского не столько тематикой «добра», сколько интенсивностью апелляции к таким «связывающим» основаниям (Binding Foundations), как: *Власть/Уважение* (Authority/Respect), *Лояльность/Предательство* (Loyalty/Betrayal) и *Чистота/Святость* (Purity/Sanctity). Данные демонстрируют четкий идеологический градиент: “Craig” (Secular) → “Superbook” (Mainstream Christian) → LDS (Conservative). Особенно ярко это проявляется в категории *Власть/Уважение* (Authority/Respect). В корпусе LDS частота обращения к авторитету достигает 41,7%, что в 5 раз превышает показатели светского корпуса. Это коррелирует с теологической доктриной мормонизма, которая делает особый акцент на непрерывности откровения и иерархическом послушании пророкам.

Более того, анализ полярности выявил, что в религиозных текстах власть практически всегда коннотирована позитивно (как добродетель послушания), тогда как в светском мультфильме “Craig of the Creek” отношение к власти амбивалентно. Это отражает современные педагогические установки западного общества, где слепое подчинение часто проблематизируется, а автономия ребенка поощряется.

Категория *Чистота/Святость* (Purity/Sanctity) оказалась наиболее дискриминирующим фактором. Ее практическое отсутствие в светском корпусе (3,7%) и доминирование в LDS (23,9%) свидетельствуют о том, что концепция «сакрального» (святости тела, храма, помыслов) является эксклюзивной чертой религиозного воспитания.

Интересно, что в светском корпусе редкие упоминания категории *Чистота* (Purity) часто имеют негативную окраску, они связываются с физической грязью или брезгливостью, тогда как религиозные тексты оперируют метафизическим пониманием чистоты как свободы от греха. Это наблюдение подтверждает выводы Хайдта, что современная либеральная (светская) мораль «слепа» к этике божественного.

Вопреки стереотипу, что религия является главным источником морали, исследование показало, что этика *Забота/Вред* (Care/Harm) представлена во всех трех корпусах примерно на одном уровне (27–32%) с минимальными различиями. Высокий уровень эмпатии и фокус на предотвращении вреда являются универсальным базисом детской культуры, не зависящим от конфессиональной принадлежности.

Однако лексический анализ показывает, что *субъекты* этой заботы различаются: в “Craig” помощь чаще направлена на друзей (горизонтальные связи), а в “Superbook” и LDS источником и объектом заботы часто выступает божественная фигура (вертикальные связи).

Лексический анализ выявил дидактическую ригидность материалов LDS по сравнению с более живым языком “Craig” и “Superbook”. Это поднимает важный вопрос об эффективности медиа: “Superbook” пытается балансировать между догматикой и развлекательным форматом (используя более разнообразный словарь и снижая градус авторитарности по сравнению с LDS), что, вероятно, делает

его более доступным для широкой аудитории («мейнстримное христианство»). Материалы LDS, напротив, жертвуют нарративной привлекательностью ради доктринальной точности и повторения (катехизический метод).

Исследование расширяет теорию моральных оснований (Moral Foundations Theory), демонстрируя ее применимость к детским медиа как инструменту количественного измерения идеологического градиента. Выявленный спектр (“Craig” → “Superbook” → LDS) эмпирически воспроизводит тезис Хайдта о бикультурности морали [2]. Согласно Хайдту, западные секулярные общества строят мораль преимущественно на «индивидуализирующих» основаниях — заботе (Care) и справедливости (Fairness), тогда как традиционные и религиозные сообщества задействуют расширенную «моральную матрицу», включающую также «связывающие» основания: лояльность (Loyalty), власть (Authority) и чистоту (Purity) [1; 2]. Полученные данные демонстрируют, что детский медиаконтент воспроизводит именно эту дихотомию: “Craig” формирует у ребенка узкую моральную матрицу (акцент на заботе и справедливости (Care, Fairness), тогда как LDS-материалы — широкую (с выраженным акцентом на власти, чистоте и лояльности (Authority, Purity, Loyalty). “Superbook” занимает промежуточную позицию, что соответствует его статусу неденоминационного евангелического контента. Таким образом, различные медиапродукты не просто транслируют разные ценности, а формируют у ребенка разные «моральные матрицы» — узкую (индивидуализирующую) или широкую («связывающую»). Это имеет принципиальное значение для моральной социализации и вносит вклад в психологию медиа, показывая, как нарративы формируют неосознаваемые этические предпочтения. Полученные результаты продуктивно вписываются в парадигму рационального выбора в социологии религии (Р. Старк, Р. Финке, Л. Яннакконе), рассматривающую религиозное поведение как рациональный отклик на институциональные стимулы и ограничения [14]. В рамках этой парадигмы медиапродукция строгих организаций может рассматриваться как рационально обоснованная инвестиция в формирование «связывающего» морального капитала: высокая нагрузка по категориям власти (Authority) и чистоты (Purity) в корпусе LDS функционально снижает вероятность «безбилетничества» (free-riding), формируя у следующего поколения интернализованные нормы лояльности и иерархического подчинения.

Вместе с тем необходимо учитывать критику теории «строгих церквей». Марвелл указал, что Яннакконе не представил достаточных эмпирических доказательств причинно-следственной связи между строгостью и силой религиозных организаций: корреляция между высокими требованиями и высокой приверженностью может объясняться эффектом отбора, а не механизмом стигмы и жертвенности [5]. Наши данные не позволяют напрямую разрешить этот спор, однако они демонстрируют, что строгость проявляется не только в институциональных практиках, но и в структуре морального дискурса медиапродукции (измерение, которое ранее не использовалось для верификации теории Яннакконе). Выявленный градиент *Власть/Чистота* (Authority/Purity) (“Craig” → “Superbook” → LDS) может служить дополнительным индикатором институциональной строгости, измеримым через контент-анализ, что открывает возможности для будущей эмпирической проверки гипотезы Яннакконе на более широком конфессиональном материале.

Наконец, результаты исследования показали, что строгие организации активно осваивают цифровое пространство, при этом их медиаконтент не адаптируется к секулярным стандартам, а целенаправленно воспроизводит полную «связывающую» моральную матрицу. Медиапродукция LDS функционирует в секулярном медиаландшафте не как компромисс с модерностью, а как инструмент культурного воспроизводства, обеспечивающий передачу полного набора этических норм строгой церкви следующему поколению.

Заключение

Проведенное исследование, основанное на корпусном анализе 13 205 реплик, позволяет дать развернутый ответ на поставленный исследовательский вопрос: этический ландшафт детского медиаконтента различается как по масштабу, так и по структуре в зависимости от институциональной принадлежности источника, при этом религиозный сегмент не является монолитным.

Существование «этического разлома». Анализ подтвердил теорию моральных оснований (MFT) в контексте детских медиа. Светский контент (“Craig of the Creek”) функционирует преимущественно в рамках этики автономии (основания заботы и справедливости (Care и Fairness), маргинализируя категории святости и власти.

Универсальность эмпатии. Базовый моральный императив — «не навреди» (Care/Harm) — оказался константой для всех типов контента, составив около 30% морально окрашенных реплик как в светских, так и в религиозных корпусах. Это свидетельствует о том, что этика заботы является кросс-культурным ядром социализации ребенка.

LDS как особый тип морального дискурса. Важнейшим результатом работы стало выявление значимой дистанции между мейнстримным христианским контентом (“Superbook”) и материалами LDS. Корпус Церкви Иисуса Христа Святых последних дней демонстрирует экстремальные значения по «связывающим» основаниям и уникально низкое лексическое разнообразие. Это позволяет классифицировать медиапродукцию LDS не просто как «религиозную», но и как специфический инструмент доктринальной инкапсуляции, направленный на формирование жесткой групповой идентичности и иерархического послушания, в отличие от более адаптивного и нарративно гибкого подхода “Superbook”.

Несмотря на высокую надежность кодирования, подтвержденную валидацией с использованием LLM, исследование имеет ряд ограничений:

- мономодальность. Анализировался только вербальный компонент (текст). Визуальный ряд и музыкальное сопровождение, играющие ключевую роль в детской анимации, не учитывались;
- жанровая асимметрия. Корпус LDS включает не только анимацию, но и статичные иллюстрированные истории, что могло повлиять на лексическую плотность (TTR) и структуру диалогов;
- размер выборки. Хотя общий объем корпуса достаточен для статистических выводов, количество эпизодов “Superbook” и “Craig” было ограничено доступностью транскриптов первого сезона.

Полученные результаты открывают поле для сравнительных исследований религиозной социализации:

1. Расширение конфессионального спектра: интерес представляет сравнение христианских корпусов с исламским или иудаистским детским контентом для проверки универсальности выявленного градиента *Власть/Чистота* (Authority/Purity).

2. Анализ рецепции: исследование того, как реальная аудитория (дети из светских и религиозных семей) воспринимает и декодирует эти моральные послания.

3. Мультимодальный анализ: применение компьютерного зрения для анализа визуальных маркеров (например, цветовой гаммы положительных и отрицательных героев) в корреляции с MFT-профилем.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбенко Антон Витальевич — клинический психолог, независимый исследователь. **Телефон**: +7 (981) 984-62-63. **Электронная почта**: drantonch@yandex.ru

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 45–58. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.3

Research Article

***ANTON V. GORBENKO*[1]**

[1] Independent Researcher.
Bl. 6, Block 4, Apt. 34, Razvedchika Boulevard, 198516, Saint Petersburg, Russian Federation.

Moral Foundations in Children's Media Content: A Comparison of Secular and Religious Media Sources

Abstract. Children's media content is a crucial agent of moral socialization, but differences in the ethical narratives of secular and religious products remain understudied. Of particular interest are media products from "strict churches" (according to L. Yannacone), which demand a high degree of exclusivity and obedience, suggesting a unique moral profile. The aim of the study is to quantify the differences in ethical rhetoric between secular, mainstream Christian and "strict" religious (LDS) children's content. A corpus of 13,205 lines was formed based on transcripts of the animated series Craig of the Creek (secular), Superbook (mainstream Christianity), and educational materials from the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (LDS). J. Haidt's moral foundation theory (MFT) was used for analysis. The reliability of manual coding was verified using LLM (Large Language Model) Claude Sonnet 4.5, with a Cohen's kappa of 0,676. A significant "ethical divide" between content types was identified. While the ethics of Care/Harm are universal (~30% of responses in all groups), the frequency of appeals to "binding" foundations varies dramatically. The LDS corpus demonstrates extremely high scores for the categories of Authority (41,7%) and Holiness (23,9%), which are virtually absent in the secular narrative. A gradient of religious strictness was established: Craig → Superbook → LDS, correlating with a shift from values of autonomy to the imperative of obedience. The results confirm the hypothesis on the heterogeneity of the religious media segment. The media production of "strict churches" functions as an instrument of doctrinal encapsulation, forming closed social capital through strict codes of hierarchy and purity, in contrast to more adaptive mainstream content.

Keywords: moral socialization; children's media content; moral foundations theory (MFT); strict churches theory; content analysis; LDS, digital education; sociology of religion.

For citation: Gorbenko, A.V. Moral Foundations in Children's Media Content: A Comparison of Secular and Religious Media Sources. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal.* 2026. Vol. 32. No. 2. P. 45–58. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.3

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton V. Gorbenko — Clinical psychologist, Independent Researcher. **Phone**: +7 (981) 984-62-63. **E-mail**: drantonch@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Haidt J., Joseph C. Intuitive ethics: How innately prepared intuitions generate culturally variable virtues. *Daedalus*. 2004. Vol. 133. No. 4. P. 55–66. DOI: 10.1162/0011526042365555
2. Haidt J. *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. N.Y.: Pantheon Books, 2012. 419 p.
3. Gehman R., Guglielmo S., Schwebel D.C. Moral foundations theory, political identity, and the depiction of morality in children's movies. *PLoS One*. 2021. Vol. 16. No. 3. Article e0248928. DOI: 10.1371/journal.pone.0248928
4. Iannaccone L.R. Why strict churches are strong. *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 99. No. 5. P. 1180–1211. DOI: 10.1086/230409
5. Marwell G. We still don't know if strict churches are strong, much less why: Comment on Iannaccone. *American Journal of Sociology*. 1996. Vol. 101. No. 4. P. 1097–1103. DOI: 10.1086/230792
6. Bain M., Huh J., Han T., Zisserman A. WhisperX: Time-Accurate Speech Transcription of Long-Form Audio. *Proceedings of INTERSPEECH 2023*. 2023. P. 4489–4493. DOI: 10.21437/Interspeech.2023-78
7. Bak H., Jeong C. Effective speech data augmentation method to improve customer service representative speech recognition system performance. *Proceedings of 2024 Asia Pacific Signal and Information Processing Association Annual Summit and Conference (APSIPA ASC)*. Macau: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2024. P. 1–5. DOI: 10.1109/APSIPAASC63619.2025.10848957
8. Naik N. Probabilistic consensus through ensemble validation: A framework for LLM reliability. *arXiv preprint*. 2024. arXiv:2411.06535. Accessed 02.04.2026. URL: https://arxiv.org/abs/2411.06535
9. Bunt H.L., Goddard A., Reader T.W., Gillespie A. Validating the use of large language models for psychological text classification. *Frontiers in Social Psychology*. 2025. Vol. 3. P. 1–16. DOI: 10.3389/frsps.2025.1460277
10. Iannaccone L.R. A formal model of church and sect. *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Supplement. P. S241–S268. DOI: 10.1086/228948
11. Iannaccone L.R. Sacrifice and stigma: Reducing free-riding in cults, communes, and other collectives. *Journal of Political Economy*. 1992. Vol. 100. No. 2. P. 271–291. DOI: 10.1086/261818
12. Iannaccone L.R., Miles C. Dealing with social change: The Mormon Church's response to change in women's roles. *Social Forces*. 1990. Vol. 68. No. 4. P. 1231–1250. DOI: 10.1093/sf/68.4.1231
13. The Christian Broadcasting Network, Inc. *International Directory of Company Histories*. Vol. 106. Detroit: St. James Press, 2010. Accessed 23.02.2026. URL: https://www.encyclopedia.com/books/politics-and-business-magazines/christian-broadcasting-network-inc
14. Stark R., Finke R. *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: University of California Press, 2000. 343 p.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025; поступила после рецензирования и доработки: 02.03.2026; принята к публикации: 13.03.2026.

Received: 26.12.2025; revised after review: 02.03.2026; accepted for publication: 13.03.2026.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.4
EDN: FXRBGJ

Ю.Л. КАЧАНОВ[1]

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11.

«НАУЧНАЯ ЭЛИТА» КАК ПРОБЛЕМА И ПОНЯТИЕ[1]

Аннотация. «Научная элита» как эвристический принцип объяснения и аналитическая схема несет в себе идею значительного превосходства малого количества «выдающихся ученых». В статье вводится понятие пространства науки как многомерного распределения агентов производства научного знания по соотносительным позициям. Это пространство различий выступает как среда, в которой разворачивается научная конкуренция, а также символическое и политическое противоборство за ресурсы и признание. Условием и предпосылкой различий является неравномерное распределение ресурсов, а ставкой и целью борьбы — их перманентное перераспределение. Подобная оптика допускает множество размежеваний (например, исследователи/администраторы, революционеры/консерваторы, фундаментальные/прикладные исследования и т. д.) в зависимости от того, какие виды ресурсов становятся приоритетными, а какие теряют значение. Пространство науки — открытая структура, организованная вокруг противоречий и иерархий, одной из которых является противопоставление научной элиты ординарным ученым. Геометрическими объектами этого пространства являются позиции, и научная элита — одна из них. Ключевым объектом анализа становится не отдельный ученый, а объективные отношения между позициями, определяемые распределением специфических видов ресурсов. В рамках такого подхода научная элита понимается не как статистически определяемая совокупность выдающихся ученых, а как доминирующая позиция, обеспечивающая оптимальный доступ к ресурсам и возможность задавать образцы и нормы научных практик.

Ключевые слова: научная элита; социология науки; социологическая теория; пространство науки; структура; П. Бурдьё.

Для цитирования: *Качанов Ю.Л.* «Научная элита» как проблема и понятие // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 59–77. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.4 EDN: FXRBGJ

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-016).

За последние 60 лет численность ученых и объем публикаций демонстрировали экспоненциальный рост, который, однако, не конвертировался в соразмерный качественный скачок [29]. Доля прорывных исследований падает [68] или остается стабильной [10], а регулярное появление фундаментальных открытий по-прежнему является прерогативой узкой группы лиц на фоне углубляющегося неравенства в распределении ресурсов и возможностей [66]. Парадокс современной науки в том, что ее успехи порождают завышенные ожидания: недовольство вызывает не отсутствие открытий как таковых, а неспособность системы поддерживать темпы их прироста пропорционально затраченным ресурсам.

Стремясь высвободить творческую энергию, стейкхолдеры предсказуемо инвестируют в структурный избыток производства научных знаний, понимаемый как позитивное исключение, средоточие экстраординарных исследователей — в «элиту». Это привело к тому, что с начала 2000-х гг. наукометрический фокус сместился на центры «высочайшего качества» и «топовые» исследования. Категория «превосходства» (*excellence*) стала стержневым концептом политики научных достижений [78; 79], операционализированным через объем накопленного цитирования [33]. Ключевой вопрос здесь: подчинено ли современное производство знаний логике капиталистического накопления и способна ли научная элита выступать гарантом продуктивных практик для остальных ученых?

Мы полагаем, что оппозиция «элита / ординарные ученые» является одним из структурных инвариантов пространства науки. Цель работы: установить концептуальную рамку, в которой социология науки может исследовать элиту.

Введение: «элита» как предпонятие

«Элита» — спорный термин. Его сложно использовать непредвзято и предметно. Исторически «элита» восходит к античным представлениям о том, что лишь немногие избранные воплощают истинную сущность человечества, в то время как остальные должны выполнять за них тяжелую работу. В силу отрицательных коннотаций с нормативными идеями справедливости и равенства понятие элиты зачастую выступает политически нагруженным средством публичной полемики. В популярной культуре термин может соотноситься с «властвующей элитой» в духе Ч.Р. Миллса [36] или с «верхним 1%» распределения богатства *à la* Т. Пикетти [3]. В этой теоретической оптике «элита» знаменует историческую ситуацию чрезмерного сгущения в одной точке дефицитных социальных ресурсов. Подобно тому, как у Платона («Пир», 203 b–e) отцом Эроса оказывается символизирующий изобилие Порос, а матерью — олицетворяющая нужду Пения, так и «элита» предстает избыточностью в одном месте, порожденной недостатком в другом. Эросу, трактуемому как производство, обладание и наслаждение объектами, П. Слотердайк противопоставляет тимос θυμός — зависть, соперничество, признание [77]. Эта оппозиция вводит нас *in medias res*, указывая на связь «элиты» с проблематикой неравенства, социальной несправедливости и мобильности.

Если же отвлечься как от политического узуса, так и от продолжительной и неоднозначной научной истории термина, то окажется, что «на пике своей популярности почти любая могущественная, пользующаяся преимуществами, ква-

лифицированная, привилегированная или превосходящая группа или категория может быть описана как элита... Этот термин применялся к таким различным группам, как политики, епископы, интеллигентные люди, аристократы, юристы и успешные преступники» [73, p. 27]. Это простое наблюдение открывает широкий простор для научного поиска.

Большинство концепций «научной элиты» — мы намеренно заключаем этот термин в кавычки, поскольку его значение еще предстоит выяснить — могут быть истолкованы как выражение идеологического проекта самоуправления сообщества сертифицированных ученых. Мы называем этот проект идеологическим потому, что он является интеллектуальной квинтэссенцией повседневных представлений и практик лишь одной позиции — «элиты» — и при этом маскирует свою ангажированность объективностью социологического исследования. Это лишь видимость науки с частной, ограниченной перспективы. Однако видимость существенна, поскольку она задает тот способ, которым ученые вписывают «элиту» в схему отношений с другими позициями.

«Научная элита» является не столько рефлексивным понятием, сколько проекцией базовой когнитивной структуры ученых и управленцев [81, p. 148]. Эта структура маркируется бинарной оппозицией: «избранное меньшинство, существенно повлиявшее на развитие научных знаний» / «большинство ученых» [86]. На уровне обыденного опыта «научная элита» ассоциируется с узкой группой выдающихся академических лидеров, обладающих значительным авторитетом. Они играют ключевую роль в управлении ресурсами для научных исследований, а также имеют к ним беспрецедентный доступ. Социология науки во многом наследует это ви́дение, акцентируя престиж и влияние, а также выдающийся научный вклад [86].

Вычленение «элиты» из генеральной совокупности исследователей представляет собой акт распознавания социального порядка производства научных знаний, который также существует в восприятии, оценивании и мышлении о науке [15, p. 172]. Этот социальный порядок статистически проявляется как сильно асимметричное (скошенное) распределение условий и результатов научных практик, а также вознаграждений: малое количество «звездных» ученых публикуют большинство значимых статей (эти работы собирают максимальное цитирование и обсуждаются, по крайней мере, не одним поколением исследователей, что является важным — хотя и опосредованным — показателем научного влияния [76]), добиваются разных форм признания [83]. Вероятность цитирования и карьерных успехов непропорционально распределена и сильно стратифицирована [25; 38; 59; 67].

Научная элита плохо поддается изучению с помощью традиционных стратификационных опросов и интервью [60]. В эмпирическом исследовании трудно сконструировать валидную выборку «академических знаменитостей», строго соблюдая критерии. Большинство авторов сходятся во мнении, что стандартизированное и методологически последовательное определение научной элиты сопряжено с серьезными затруднениями, особенно с учетом того, что это определение может варьироваться в зависимости от страны, дисциплины или задач научной политики. Поэтому иногда говорят о «потенциальной» научной элите [58] и ограничиваются одним-двумя основаниями для отбора единиц наблюдения [51, p. 67–99].

Однако элита регулярно становится объектом количественных исследований науки, которые *de facto* описывают распределения тех или иных признаков и не претендуют на системное представление своего предмета [21; 22; 30; 63; 69]. Хотя наукометрия (*scientometrics*) в своем современном виде не отвечает на вопрос, как производится новое научное знание и в какие социальные отношения оно включено [37; 49; 60], она помогает оценить различия между учеными [67; 74]. Эти различия, как правило, объективируются в распределениях индивидуальной продуктивности [8; 27; 41; 50; 52], научных репутаций [19, 70], известности [28], академических наград [45; 55; 86], грантов [9; 11; 12; 82] и т. п. С точки зрения наукометрии совокупность «высокоцитируемых исследователей», несмотря на всю неоднозначность этого термина [26; 27; 34], бесспорно, входит в элиту, влияние которой соизмеримо с интересом к их публикациям [75; 85].

В классической парадигме понятие «научная элита», основываясь на теоретической модели, должно фиксировать группообразующие признаки, которые позволяют решить, принадлежит ли выделенный индивид к этой группе, и тем самым конституировать некий континуум для феномена элиты, в границах которого можно изучать разные степени свободы этого феномена (например, практики и диспозиции, виды ресурсов, карьеры и социальные траектории). Наличие такой модели — хотя она не всегда имеет формальный смысл — отличает теоретическое понятие от простого описания комплекса свойств и сообщает ему объяснительную функцию. Отсюда определение понятия «научная элита» может быть удовлетворительно сконструировано лишь в рамках социологической теории. На практике же «научная элита» обычно выступает эпифеноменальным отражением социальной действительности, что влечет за собой расплывчатость: референтом этого термина могут назначить любую подходящую статистическую категорию или целевую выборку ученых, которые в каком-то отношении обладают превосходством или преимуществами [57; 84]. Исследователи обычно ограничиваются достаточно произвольным статистическим конструированием [73, p. 34] или воспроизведением авторитетных мнений и интуиций экспертов, политиков и менеджеров [42].

«Научная элита»: между методологическим индивидуализмом и структурализмом

Онтология социологии науки, по Веберу, является феноменологической, ее основные представления берутся непосредственно из наблюдения: постулируется множество атомизированных негативно свободных индивидов. Это множество полагается интегрированным в «свободный рынок знаний», основанный на отношениях конкуренции. В таком своем качестве базовая онтология ориентирует на изучение «повседневной жизни обычной группы» [39, p. 425], но она не способна описать кооперативные и целостные явления — например, борьбу социальных позиций или историческое развитие науки.

Со времен Мертона социология характеризует науку как дифференцированную систему с неравномерным распределением продуктивности, ресурсов, признания и т. п., которая обусловлена не только меритократической иерархией достижений, но и социальным структурированием [31]. М. Малкей отмечает, что

«академическое научно-исследовательское сообщество формирует свою собственную четко определенную элиту», которая формируется «главным образом социальными процессами, происходящими внутри исследовательского сообщества» [64, p. 446].

Понятие «научная элита» не связано однозначно ни с одной социологической теорией. Однако ретроспективно можно указать на два магистральных направления изучения научной элиты [48].

Первое с некоторой долей условности ориентируется на определение группы, данное Вебером, и рассматривает элиту в связи с ресурсами и той специфической властью, которой обладают ее члены, то есть представляет такие ресурсы и власть как собственность акторов [31; 86].

Второе направление развивается скорее в русле структуралистской мысли и анализирует элиту как доминирующую позицию в структуре социальных отношений производства научного знания, которую занимают социальные агенты [13; 17].

Такие концептуальные рамки побуждают думать об элите либо как об агентах, владеющих ресурсами, которые приносят им выгоду, либо как о тех, кто занимает специфическую позицию, обеспечивающую им преимущественный доступ и контроль. Разница заключается в единице анализа: актор в случае веберианского методологического индивидуализма или позиция в социальных отношениях в случае структуралистской методологии.

Ориентирующийся на веберианский подход Э. Гидденс указывает на целостность элиты: элита для него — это не просто меньшинство акторов, отличающихся от контролируемого ими большинства, это активное меньшинство, осознающее свое выделенное положение и обладающее высокой степенью сплоченности [35]. В развернутом виде попытка сочетать методологический индивидуализм с идеей целостности выглядит так: «Элита представляет собой весьма однородную группу ученых, чьи высокие исследовательские результаты обусловлены структурно схожими факторами... Переменные, увеличивающие шансы на попадание в этот класс, являются скорее индивидуальными, чем институциональными. Они... действуют по схожим рабочим паттернам и имеют схожие академические установки... Они являются универсальным академическим видом» [56, p. 395].

В то же время тяготеющий в большей степени к структуралистскому полюсу М. Сэвидж также подчеркивает, что основное отличие элиты от статистически конструируемой группы заключается в том, что элита относительно сплочена и «хорошо связана» [84, p. 235].

Опираясь на единичные представления о науке, почерпнутые из разрозненных работ других исследователей и собственных эмпирических интуиций, М. Малкей формулирует четыре необходимых признака, которые, по его мнению, определяют научную элиту [64, p. 446–447]:

- элита занимает привилегированное положение в отношении основных наград и возможностей научного сообщества, а также высоко цитируется. Кроме того, научная элита контролирует распределение ограниченных ресурсов сообщества;
- социальные связи между немногочисленными членами элиты сильнее, чем их связи с другими членами научного сообщества;

– элита способна направлять и контролировать практики научного сообщества;
– научная элита контролирует свой состав, в частности, она определяет кооптацию в элиту.

Первые два существенных свойства, по мнению М. Малкея, обычно служат основанием для идентификации членов элиты другими учеными. Кроме того, научная элита сосредоточена в нескольких крупных центрах, где осуществляются подготовка и селекция молодых ученых и их направление в перспективные области исследований, что повышает вероятность того, что впоследствии эти молодые ученые будут кооптированы в элиту. К представлениям о соответствующем «порядке величин» (элита всегда малочисленна) иногда добавляется критерий однозначных институциональных ориентиров, репутаций или рейтингов [20]. Научная элита наделена способностью поддерживать у политиков, менеджеров и широкой публики веру в неотъемлемую ценность своих тем, методов и результатов исследований.

Если в зарубежной литературе «научной элите» редко дают *теоретическую* дефиницию [65], то определение в стиле сильной теории звучит так: «Идентификация научной элиты как социально-профессиональной общности основывается на системе социальных, культурологических и социально-психологических критериев» [32, p. 64]. Каких именно критериев? Что объединяет их в систему? Что является ее эмерджентным свойством? Что отличает эту общность от других? Ответы на эти вопросы пришлось давать другим авторам. Так, по мнению петербургских социологов [2], представители научной элиты — это настоящие герои-чудотворцы, которые в одно и то же время:

– генерируют ценные инновационные идеи;
– формируют и управляют научными коллективами, осуществляют отбор и подготовку научных кадров;
– существенно влияют на принятие стратегических решений в области науки;
– определяют статус и рейтинг организации, с которой они аффилированы.

Каждый из пунктов этого перечня порождает множество сложных методологических проблем, так что возможность корректной реализации такого подхода кажется сомнительной. Тем не менее принято считать [4, с. 140], что авторам удалось эмпирически выделить и описать российскую научную элиту, отвечающую перечисленным выше критериям [1].

Пространство науки: производство знания и конкуренция за ресурсы

Если классическая парадигма «класс — свойство — понятие» ограничивает нас инвентаризацией признаков научной элиты, то переход к постклассической логике «система — отношения — символы» позволяет увидеть в элите не статистическую совокупность, а реляционный инвариант, узел в системе социальных отношений [47]. В этой концептуальной рамке элитарность определяется не набором индивидуальных атрибутов, а позицией в пространстве науки, где отношения предшествуют самим агентам.

Концепция воспроизводства, интерпретируемая как непрерывное возобновление в пространстве и во времени социальных процессов (ср.: [6]), устанавливает общую структуру для социологии науки. Обращение к модели воспроизводства обосновывается результативностью изучения «сверху вниз» [54], то есть не от отдельных агентов, а от «пространства науки» — множества позиций (воспроизводящихся распределенных формаций) вместе с заданной на нем метрикой. Ключевым моментом воспроизводства является идея непрерывности, которая непосредственно связана с понятием пространства. Опираясь на интуитивное представление о непрерывности социальных изменений, мы можем, следуя П. Бурдьё[2], отобразить производство научных знаний как структуру отношений между агентами этого производства в многомерном пространстве.

В понятии пространства науки отражены свойства, связанные с социологическими понятиями различия и позиции. Как правило, каждой паре элементов (позиций) пространства науки может быть поставлено в соответствие определенное (социальное, интеллектуальное и т. п.) расстояние [46]. Это определение мотивировано существующими методами работы с данными и результатами [13; 17]. Назначение «пространства» заключается в том, чтобы понять эволюцию производства научных знаний в целом на основе поведения составляющих его позиций. Поведение каждой позиции варьируется вследствие простого изменения расстояний до других позиций. Расстояние в пространстве науки можно охарактеризовать следующим образом:

- расстояние — эмпирически регистрируемая форма социальных отношений;
- особенность расстояния состоит в объективной устраненности содержательных определений;
- множество всех расстояний — это практически достоверный образ функционирования пространства в целом.

Онтология пространства науки

Онтология М. Вебера изображает социальную реальность как совокупность негативно свободных индивидов. В такой оптике социальная стратификация представляет собой процедуру классификации множества эмпирически наблюдаемых индивидов на непересекающиеся подмножества. Для осмысления глобального поведения науки необходима более сложная онтология, нежели базовая. Предлагаемая нами онтология постулирует множество объектов вместе с системой окрестностей, которая характеризует отношения между ними[3]. Онтология пространства науки отличается от базовой в трех ключевых пунктах:

---

[2] Подчеркнем, что мы предлагаем исследовать науку как пространство, а не как поле, как делал сам Бурдьё [13; 17]. Дело в том, что «поле науки» — специфический частный автономный случай «пространства науки», которому свойственны высокая степень институционализации, дифференциации и монополизации (подробнее см.: [5, с. 123]). В пределе пространство науки — это структура, замкнутая на самое себя, то есть поле. Однако этот предельный переход может быть осуществлен лишь в теории, а в действительности автономия науки нарушается.

[3] Подробное обсуждение этого вопроса см. в: [47]. См. также препринт авторского перевода данной работы: *Качанов Ю.Л., Шматко Н.А.* Идея социального пространства Пьера Бурдьё. — URL: https://zenodo.org/records/14963152 (дата обращения 23.04.2026).

Ее опорным элементом является не отдельный индивид, а позиция — «открытое множество» (что это такое, еще предстоит определить в каждом конкретном случае в ходе исследования, одновременно теоретического и эмпирического). Подчеркнем особо, что «открытое множество» может включать не только индивидуальных агентов пространства науки, но и учреждения (например, Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН), Общество научных исследований имени Макса Планка), исследовательские проекты и коллективы (например, эксперимент *ATLAS* или *LHCb*, Национальный гелиогеофизический комплекс РАН), научные установки/приборы (БАК, телескоп «Джеймс Уэбб»).

Онтология пространства науки переходит от описания выборочной совокупности эмпирически данных индивидов к отображению всех возможных типов предметов исследования безотносительно к тому, есть ли они в выборке, и всех возможных объединений «открытых множеств».

В отличие от стратификационного подхода, построение пространства науки есть теоретическое конструирование предмета исследования, а не решение задачи классификации ученых. Онтология пространства науки содержит эксплицитное описание взаимодействия (включая конкуренцию и символическую борьбу) позиций, тогда как страты исключают эту проблематику.

Пространство науки можно изобразить как пространство различий и неравенства, в котором разворачивается научное соперничество, а также символическая и политическая борьба за ресурсы и признание. Условием и предпосылкой различий является неравномерное распределение ресурсов, а ставкой и целью борьбы — их перманентное перераспределение. Пространство науки непрерывно, оно выражает свойства позиций, которые не меняются при непрерывных социальных преобразованиях. В силу этого в нем отсутствуют разрывы, нет резких границ между позициями.

Предлагаемое нами пространство науки не репрезентирует какой-либо социальный механизм в перспективе методологического индивидуализма [43; 44]. Разумеется, количественное описание социальных явлений никак не сводится к «топологическому» понятию пространства науки — оно имеет, скорее, рамочный и качественный характер (ср.: [7; 71; 72]). Однако характерные особенности производства научного знания могут быть объяснены с помощью пространственных соображений.

Мы отходим от субстанциалистского понимания в пользу реляционной концепции пространства науки. Это пространство задано многомерным распределением многообразных ресурсов научного производства, а его «геометрическими объектами» служат социальные позиции. Пространство науки допускает множество размежеваний (например, исследователи/администраторы, революционеры/консерваторы, фундаментальные/прикладные исследования и т. д.), внутренних противопоставлений в зависимости от того, какие виды ресурсов становятся приоритетными, а какие теряют значимость. Кроме того, любой комплекс отношений вместе с его носителями можно представить и как объект. Это открывает способ изучения пространства науки в том числе и традиционными социологическими методами.

Элита как позиция пространства науки

Концепция воспроизводства позиций пространства науки вырастает из принципа непрерывности, который, в свою очередь, следует из расширенного понимания исторического подхода. Вкратце этот принцип можно сформулировать так: малым интервалам исторического времени соответствуют малые количественные и качественные изменения позиций в системе отношений производства научных знаний. Непрерывность существования в определенном качестве, трансляция в историческом месте своей выдающейся позиции является ставкой социальной игры для «научной элиты». Принцип непрерывности не описывает каузальный механизм (см.: [23; 62]). Скорее, он имеет телеологический характер, поскольку указывает направление и характер изменений — воспроизводство и производство (развитие) во времени системы социальных позиций (ср.: [61]).

Мы предполагаем, что структура пространства науки гомологична родственному с ним, но отличающемуся символическому пространству науки — пространству социальных представлений и диспозиций агентов, занятых в производстве научных знаний (ср.: [80, p. 6–10]). Таким образом пространство науки выступает объективной основой для образования «практических групп», понимаемых как социальные коллективы. Соотносительные позиции пространства науки, выделяемые на основе многомерного распределения социально эффективных свойств, объективируются агентами со сходными профилями ресурсов. Однако это само по себе не ведет к формированию групп, обладающих единством действия: объективное пространство науки может восприниматься, оцениваться и осмысляться его носителями по-разному. Объективные позиции следует рассматривать как группы-в-себе или «группы на бумаге», поскольку они суть возможные общности, потенциальные коллективы. Становление и функционирование позиции пространства науки как действительной общности невозможно без эффективных символических, организационных и политических практик, которые должны собрать эту общность из статистической совокупности агентов со сходными наборами ресурсов. В нашем случае речь идет в том числе о навязывании схемы «научная элита» / «ординарные ученые» в качестве легитимного ви́дения системы различий, выражающих объективистское пространство науки. «Научная элита» практически — то есть не на бумаге, не в публикациях социологов и наукометров — существует лишь в том случае, если она мобилизована для совместных действий, оформлена символически, обладает политическим представительством (в широком смысле) и артикулирована социальными институтами. «Научная элита» существует социально постольку, поскольку она символически и политически представлена и от ее имени говорят уполномоченные лица (ср.: [14]).

Мы можем сформулировать три постулата, из которых исходит структурно-генетический подход к исследованию науки.

– «Науку следует рассматривать в ее двояком отношении: с одной стороны, к социальному космосу, в который она встроена (внешнее прочтение), а с другой — к социальному микрокосму, образованному научной вселенной, к относительно автономному миру, наделенному своими собственными правилами функционирования, которые должны быть описаны и проанализированы сами по себе — как внутреннее прочте-

ние» [16, p. 298]. Поясним: называть науку социальным микрокосмом значит рассматривать ее как «пространство объективных отношений между позициями, определяемыми их рангом в распределении конкурирующих сил или видов капитала» [18, p. 114].

– Пространство науки «организовано в соответствии с двумя взаимоисключающими принципами иерархизации: социальная иерархия, соответствующая унаследованному капиталу и фактически имеющемуся экономическому и политическому капиталу, противостоит специфической, собственно культурной иерархии, соответствующей капиталу научного авторитета или интеллектуальной известности» [13, p. 70–71]. Данные принципы демонстрируют различные социальные логики, на основе которых реализуются «академические» и «научные» ценности ученых. Хотя эти две логики неодинаково влияют на разные дисциплины, для интеграции в научную элиту социальный агент должен продемонстрировать как «научную компетентность, так и социальную [академическую] компетентность» [13, p. 84].
– Пространство науки функционирует в соответствии с «агонистической логикой науки» [18, p. 176] — оно детерминировано игрой противоположных сил в борьбе за научные интересы, которые оспариваются агентами, занимающими доминирующее и доминируемое положение в иерархии позиций.

Мы попытались упорядочить утверждения Бурдьё в виде постулатов, чтобы сделать изложение ясным и точным. Действительная функция приведенных выше положений — объяснение явлений, которые описывает социология науки, а не обоснование подхода исходя из некоей «фундаментальной» теории. При импликации этих постулатов следует помнить, что, изучая науку, мы имеем дело с иерархизированными социальными пространствами ресурсов, практик и диспозиций. Речь идет о пространствах, охватывающих множество многоуровневых областей, взаимное расположение которых обусловливает различные отношения между ними и, таким образом, порождает не только агонистическую логику, но и целый ряд ситуативно адаптируемых логик [24]. Бурдьё специально подчеркивает, что:

– «замкнутые и отделенные друг от друга микрокосмы» научных полей (эмпирически интерпретируемых как дисциплины) могут превращаться в открытые пространства, «занимающие [свои] позиции в (иерархизированном) пространстве дисциплин, [так что] происходящее в них частично зависит от этих позиций» [17, p. 66];
– при определенных обстоятельствах агонистические отношения между гетерогенными множествами агентов поля науки «могут принимать форму более или менее стабильных сетей... альянсов, сотрудничества, клиентелизма, взаимного обмена услугами [и различных типов] сговора» [18, p. 112].

Каждая позиция пространства науки *in potentia* допускает сложное строение: будучи статистически сконструированным исследователями на основе набора индикаторов «классом на бумаге», она также может (необязательно!) включать несколько сравнительно немногочисленных «практических» или «мобилизованных» групп, обладающих единством диспозиций и действия и наделенных административной, социальной и символической властью [15]. Таким образом, «на-

учная элита» допускает интерпретацию в качестве социологического конструкта, отображающего как мобилизованную для совместных согласованных действий социальную общность, так и разрозненных социальных агентов, которые объединены лишь номинально — наличием неких общих признаков. Заметим, что превращение таких «серийных» индивидов в практическую группу достигается лишь целенаправленной социальной и символической работой.

Хотя концепция пространства науки не предполагает необходимости существования «научной элиты», мы в состоянии выделить некоторые положения, проливающие свет на эту проблему.

Было бы неплодотворно осмысливать «научную элиту» в терминах иерархии статусов или ее предполагаемой роли и социальных функций. Эмпирически зафиксировать элиту возможно лишь, изучая систему различий научного производства как целое. «Научную элиту» в качестве условно гомогенной статистической совокупности агентов можно определить как десубстанциализированную позицию, которая характеризуется реляционно — превалирующим положением в системе отношений, сложившихся между позициями в структуре пространства науки. Доминирующая позиция в объективном пространстве науки — вот *differentia specifica* элиты. Ее положение таково, что она имеет преимущественный доступ к ключевым символическим, материальным и социальным ресурсам, которые являются ставками в границах производства научных знаний.

С учетом двойственного положения науки — встроенность в более широкое социальное пространство, органически сочетающуюся с относительной автономией — формирование «элиты» обусловлено как внутринаучной динамикой, так и внешними социально-экономическими и политическими факторами.

В общем случае «элита» как позиция пространства науки есть свободная формация, которая имеет внутреннюю структуру: она состоит как из статистической общности атомизированных агентов (не связанных непосредственными социальными взаимодействиями), так и из нескольких более или менее компактных «ядер», которые представляют собой практические группы, мобилизованные вокруг общих интересов. Кроме того, можно указать на «потенциальную элиту» — значимое количество признанных и авторитетных ученых, которые могут быть с определенной долей условности классифицированы в качестве элиты на основании отдельных наукометрических и социологических показателей.

Интеллектуальная структура научной дисциплины связана с составом ее элиты. Элита воспроизводит свое эксклюзивное положение с помощью стратегий различия, пытаясь определять и предписывать большинству свою научную повестку, нормы и ценности, критерии восприятия результатов исследований, определенное ви́дение истины и т. п.

«Элитные» ученые используют различия, чтобы утвердить собственную идентичность. Речь идет в том числе о том, чтобы выделиться как своей фундаментальностью и практической значимостью, так и новизной и оригинальностью. С другой стороны, как только одни темы исследований, теории, методы становятся массовыми, рутинными и, следовательно, утрачивают отличительную силу, их сменяют другие, доступные лишь представителям научной элиты. Отношение «элиты» к научной практике в целом основывается на дистанцировании и спонтанности, производных от глубокого понимания исследовательских перспектив, социального контекста и специфики управления наукой.

В «научной элите» как позиции пространства науки можно выделить как минимум две фракции: собственно научную («элиту престижа» [51, p. 67]), складывающуюся из наиболее выдающихся ученых с самой высокой репутацией, и административную, которую объективируют функционеры, занимающие принципиально важные посты в системе принятия решений. При этом высокое социально-экономическое происхождение значимо, скорее, для интеграции в административную элиту, а близость родительской семьи к науке выступает сравнительным преимуществом для вхождения в собственно научную элиту (см.: [40]). Иными словами, социальное происхождение «элиты» обусловлено тонкими механизмами воспроизводства социальных различий.

Интересы, которыми руководствуется «научная элита» как мобилизованная группа, объективны в той мере, в какой они соотносятся с ее позицией в пространстве научного производства.

Практики «научной элиты» в качестве общности социально значимы лишь в связи с ее относительной доминирующей позицией в структуре отношений производства научных знаний.

Социальные и политические практики представителей научной элиты должны учитываться социологами в контексте ее позиции в пространстве науки и связанных с этим общих, а не частных интересов. Следует статистически интерпретировать межличностные взаимодействия ученых как проявления отношений между позициями и интересами.

Заключение

В качестве объекта изучения «научная элита» ставит перед социологом непростые проблемы, которые невозможно решить без полноценной теоретической рефлексии. Исследователь должен обоснованно определить:

- каким образом, в каком модусе научная элита должна рассматриваться социологом: в качестве социального корпуса, общности или же она представляет собой статистическую совокупность — множество атомизированных агентов производства научных знаний;
- каковы конкретные критерии превосходства — существенные социальные различия, выделяющие научную элиту;
- каков генезис позиции экстраординарной научной значимости элиты;
- как формируется и транслируется во времени научное и социальное признание элиты;
- какие стратегии реализуют превосходство научной элиты;
- какими путями происходит — и происходит ли вообще — воспроизводство научной элиты.

Постижение развития и кризисов современной науки невозможно без детальной экспликации роли ее элит. Социальные процессы в центрах производства научного знания обладают собственной спецификой, ускользающей при использовании моделей, релевантных для изучения его периферии. Научная элита требует не просто констатации факта своего доминирования, но структурной дешифровки, не ограниченной рамками критики социальной герметичности [53].

Предложенный в данном исследовании подход служит инструментом именно такой аналитики, позволяя увидеть в элите не «черный ящик» микрополитики и исключений, а сложное отображение пространства науки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Качанов Юрий Львович — доктор философских наук, профессор, Отдел исследований человеческого капитала, НИУ «Высшая школа экономики». **Телефон**: +7 (495) 772-95-90 * 11588. **Электронная почта**: ykatchanov@hse.ru SPIN-код: 5626-7229

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 59–77. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.4

Research Article

YURIJ L. KATCHANOV[1]

[1] HSE University.
11, Myasnytskaya St., 101000, Moscow, Russian Federation.

The "Scientific Elite" as a Problem and Concept

Abstract. The concept of the "scientific elite" as a heuristic principle and a framework for sociological analysis carries the implicit assumption of the inherent superiority of a small number of "outstanding scientists". This paper introduces the space of science as a multidimensional distribution of agents of knowledge production across relative positions. The space of science is conceptualized as a space of positions and differences, where scientific competition unfolds through symbolic and political struggles for resources and recognition. The fundamental condition for these differences is the uneven distribution of capital, while the stake and goal of the struggle remain its permanent redistribution. The space of science admits various demarcations (e. g., researchers vs administrators, revolutionaries vs conservatives) and oppositions, depending on which resources gain or lose priority. It is an open structure organized around contradictions and hierarchies, chief among which is the opposition between the scientific elite and ordinary scientists. Within this geometric framework the scientific elite is treated not as a group of individuals, but as a positional entity. Consequently, the focus of analysis shifts from the individual scholar to the objective relationships between positions, determined by the distribution of specific resource types. In this approach the scientific elite is understood not as a statistically defined group of "great men", but as a dominant position that ensures optimal access to resources and the power to define the standards and norms of scientific practice.

Keywords: scientific elite; sociology of science; sociological theory; space of science; structure; P. Bourdieu.

For citation: Katchanov, Y.L. The "Scientific Elite" as a Problem and Concept. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal.* 2026. Vol. 32. No. 2. P. 59–77. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.4

Acknowledgements. This article is an output of a research project (HSE-BR-2025-016) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurij L. Katchanov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department for Human Capital Research, HSE University. **Phone**: +7 (495) 772-95-90*11588. **Email:** ykatchanov@hse.ru ORCID: 0000-0001-6836-5549 ResearcherID: G-1566-2012

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Кугель С.А., Тропп Э.А., Ломовицкая В.М.* Социальные механизмы в воспроизводстве научной элиты. СПб.: Изд-во «Нестор», 1999. — 31 с. EDN: RWKHPN

Kugel' S.A., Tropp E.A., Lomovitskaya V.M. *Sotsial'nye Mekhanizmy v Vosproizvodstve Nauchnoi Elity*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Nestor" publ., 1999. 31 p. (In Russ.)

2. *Ломовицкая В.М., Петрова Т.А.* Научная школа как механизм самоорганизации интеллектуальной элиты // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 1995. № 9. С. 85–90. EDN: SYGUVZ

   Lomovitskaya V.M., Petrova T.A. Nauchnaya shkola kak mekhanizm samoorganizatsii intellektual'noi elity. *Problemy Deyatel'nosti Uchenogo i Nauchnykh Kollektivov*. 1995. No. 9. P. 85–90. (In Russ.)

3. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Пер. с англ. А.А. Дунаев. М.: Ad Marginem, 2016. — 592 с.

   Piketty T. *Capital in the Twenty First Century*. Transl. from Engl. by A.A. Dunayev. Moscow: Ad Marginem publ., 2016. 592 p. (In Russ.)

4. *Чепуренко А.Ю., Шереги Ф.Э., Шувалова О.Р., Обыденнова Т.Б.* Российская наука в новых условиях: роль зарубежных фондов // Мир России. Социология. Этнология. 2005. Т. 14. № 4. С. 138–161. EDN: MUYIOZ

   Chepurenko A.Y., Sheregi F.E., Shuvalova O.R., Obydennova T.B. Russian science in new conditions: The role of foreign funds. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2005. Vol. 14. No. 4. P. 138–161. (In Russ.)

5. *Шматко Н.А., Маркова Ю.В.* Социальное и символическое пространства в социологии Пьера Бурдье // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 111–128. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.6 EDN: TDLGBR

   Shmatko N.A., Markova Yu.V. Social and symbolic spaces in the sociology of Pierre Bourdieu. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 111–128. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.6 (In Russ.)

6. Abbott A. *Processual sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 336 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226336763.001.0001

7. Abend G. Making things possible. *Sociological Methods & Research*. 2022. Vol. 51. No. 1. P. 68–107. DOI: 10.1177/0049124120926204

8. Akbaritabar A., Castro Torres A.F., Larivière V. A global perspective on social stratification in science. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. P. 914. DOI: 10.1057/s41599-024-03402-w

9. Ayoubi C., Pezzoni M., Visentin F. The important thing is not to win, it is to take part: What if scientists benefit from participating in research grant competitions? *Research Policy*. 2019. Vol. 48. No 1. P. 84–97. DOI: 10.1016/j.respol.2018.07.021

10. Benteley R.A., Valverde S., Borycz J., Vidiella B., Horne B.D., Duran-Nebreda S., O'Brien M.J. Is disruption decreasing, or is it accelerating? *Advances in Complex Systems*. 2023. Vol. 26. No. 2. DOI: 10.1142/S0219525923500066

11. Bol T., de Vaan M., van de Rijt A. The Matthew effect in science funding. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. Vol. 115. No. 19. P. 4887–4890. DOI: 10.1073/pnas.1719557115

12. Bornmann L., Leydesdorff L., Van den Besselaar P. A meta-evaluation of scientific research proposals: Different ways of comparing rejected to awarded applications. *Journal of Informetrics*. 2010. Vol. 4. No. 3. P. 211–220. DOI: 10.1016/j.joi.2009.10.004

13. Bourdieu P. *Homo academicus*. Paris: Éditions de Minuit, 1984. 320 p.

14. Bourdieu P. What makes a social class? On the theoretical and practical existence of groups. *Berkeley Journal of Sociology*. 1987. Vol. 32. P. 1–17.
15. Bourdieu P. *La noblesse d'État: Grandes écoles et esprit de corps*. Paris: Éditions de Minuit. 1989. 576 p.
16. Bourdieu P. 1990. Animadversiones in Mertonem. *Robert K. Merton: Consensus and Controversy*. Ed. by J. Clark, C. Modgil , S. Modgil. L.: Falmer Press, 1990. P. 297–301.
17. Bourdieu P. *Science of Science and Reflexivity*. Chicago: University of Chicago Press. 2004. 168 p.
18. Bourdieu P., Wacquant L. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago: University of Chicago Press. 1992. 348 p.
19. Bucchi M. Norms, competition and visibility in contemporary science: The legacy of Robert K. Merton. *Journal of Classical Sociology*. 2015. Vol. 15. No. 3. P. 233–252. DOI: 10.1177/1468795X14558766
20. Bukodi E., Goldthorpe J.H. Elite studies: For a new approach. *Political Quarterly*. 2021. Vol. 92. No. 4. P. 673–681. DOI: 10.1111/1467-923X.13072
21. Bukodi E., Goldthorpe J.H., Steinberg I. The social origins and schooling of a scientific elite: Fellows of the Royal Society born from 1900. *The British Journal of Sociology*. 2022. Vol. 73. No. 3. P. 484–504. DOI: 10.1111/1468-4446.12958
22. Bukodi E., Goldthorpe J.H., Steinberg I. Social stratification in science: the ultra-elite in the UK. *European Societies*. 2024. Vol. 26. No. 5. P. 1265–1306. DOI: 10.1080/14616696.2024.2308010
23. Bunge M. Mechanism and explanation. *Philosophy of the Social Sciences*. 1997. Vol. 27. No. 4. P. 410–465. DOI: 10.1177/004839319702700402
24. Camic C. Bourdieu's cleft sociology of science. *Minerva*. 2011. Vol. 49. No. 3. P. 275–293. DOI: 10.1007/s11024-011-9176-0
25. Cañiba C., Woolley R., Iversen E.J., Corona-Sobrino C. The state-of-the-art of research on science research careers. *Handbook of meta-research*. Ed. by A. Oancea, G.E. Derrick, N. Nuseibeh, X.Xu. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2024. P. 293–308. DOI: 10.4337/9781839105722.00032
26. Chaignon L. Highly cited researchers: Anatomy of a list. *Quantitative Science Studies*. 2025. Vol. 6. P. 305–327 DOI: 10.1007/s11192-018-2993-2
27. Chaignon L., Docampo D., Egret D. In search of a scientific elite: highly cited researchers (HCR) in France. *Scientometrics*. 2023. Vol. 128. No. 10. P. 5801–5827. DOI: 10.1007/s11192-023-04805-3
28. Chan H.F., Mixon F.G., Torgler B. Fame in the sciences: A culturomics approach. *Scientometrics*. 2019. Vol. 118. No. 2. P. 605–615. DOI: 10.1007/s11192-018-2975-4
29. Chu J.S.G., Evans J.A. Slowed caNo.nical progress in large fields of science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118. No. 41. P. e2021636118. DOI: 10.1073/pnas.2021636118
30. Ciftci S.K., Karadag E., Ergin-Kocaturk H. The effects of parental's cultural and economic capital and parental support on being an elite scientists. *PLOS ONE*. 2023. Vol. 18. No. 7. P. e0287967. DOI: 10.1371/journal.pone.0287967
31. Cole J.R., Cole S. *Social Stratification in Science*. Chicago: University of Chicago Press. 1981. 284 p.

32. Firsov B.M. The reproduction of the scientific elite. *Sociological Research*. 1999. Vol. 38. No. 5. P. 64–76. DOI: 10.2753/SOR1061-0154380564
33. Fortunato S., Bergstrom C.T., Börner K., Evans J.A., Helbing D., Milojević S., Petersen A.M., Radicchi F., Sinatra R., Uzzi B., Vespignani A., Waltman L., Wang D., Barabási A.L. Science of science. *Science*. 2018. Vol. 359. No. 6379. P. eaao0185. DOI: 10.1126/science.aao0185
34. Frietsch R., Gruber S., Bornmann L. The definition of highly cited researchers: The effect of different approaches on the empirical outcome. *Scientometrics*. 2025. Vol. 130. No. 2. P. 881–907. DOI: 10.1007/s11192-024-05158-1
35. Giddens A. Elites in the British class structure. *The Sociological Review*. 1972. Vol. 20. No. 3. P. 345–372. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1972.tb00214.x
36. Gilens M., Page B.I. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. *Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12. No. 3. P. 564–581. DOI: 10.1017/S1537592714001595
37. Glänzel W., Moed H.F., Schmoch U., et al. *Springer Handbook of Science and Technology Indicators*. Cham: Springer Cham, 2019. 1103 p. DOI: 10.1007/978-3-030-02511-3
38. Golosovsky M. Universality of citation distributions: A new understanding. *Quantitative Science Studies*. 2021. Vol. 2. No. 2. P. 527–543. DOI: 10.1162/qss_a_00127
39. Gouldner A. Sociology and the Everyday Life. *The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton*. Ed. by L.A. Coser. N.Y: Harcourt Brace Jovanovich. 1975. P. 417–432. DOI: 10.4324/9781315132563-22
40. Graf A. Eliten im wissenschaftlichen Feld Deutschlands — Sozialprofil und Werdegänge. *Soziale Welt*. 2016. Vol. 67. No. 1. P. 23–42. DOI: 10.5771/0038-6073-2016-1-23
41. Hager S., Schwarz C., Waldinger F. Measuring science: Performance metrics and the allocation of talent. *American Economic Review*. 2024. Vol. 114. No. 12. P. 4052–4090. DOI: 10.1257/aer.20230515
42. Hart D.M., Victor D.G. Scientific elites and the making of US policy for climate change research, 1957–74. *Social Studies of Science*. 1993. Vol. 23. No. 4. P. 643–680. DOI: 10.1177/030631293023004002
43. Hedström P., Swedberg R. Social mechanisms. *Acta Sociologica*. 1996. Vol. 39. No. 3. P. 281–308. DOI: 10.1177/000169939603900302
44. Hedström P., Ylikoski P. Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 49–67. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102632
45. Jin C., Ma Y., Uzzi B. Scientific prizes and the extraordinary growth of scientific topics. *Nature Communications*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 5619. DOI: 10.1038/s41467-021-25712-2
46. Katchanov Y.L., Markova, Y.V., Shmatko, N.A. How physics works: scientific capital in the space of physics institutions. *Scientometrics*. 2016. Vol. 108. No. 2. P. 875–893. DOI: 10.1007/s11192-016-2005-3
47. Katchanov Yu.L., Shmatko N.A. The idea of social space by Pierre Bourdieu. *The Russian Sociological Review*. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 196–220. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-4-196-220
48. Khan S.R. The sociology of elites. *Annual review of sociology*. 2012. Vol. 38. No. 1. P. 361–377. DOI: 10.1146/annurev-soc-071811-145542
49. Kinouchi R.R. Scientometrics: The project for a science of science transformed into an industry of measurements. *Scientiae Studia*. 2014. Vol. 12. P. 147–159. DOI: 10.1590/S1678-31662014000400008

50. Kladakis A., Mongeon P., Bloch C. Citation elites in polytheistic and umbrella disciplines: Patterns of stratification and concentration in Danish and British science. *Minerva*. 2024. Vol. 62. No. 3. P. 397–426. DOI: 10.1007/s11024-024-09521-7
51. Korom P. *Star Sociologists: Anatomy of a Disciplinary Elite*. Cham: Springer International Publishing. 2023. 232 p. DOI: 10.1007/978-3-031-13938-3
52. Kozlowski D., Larivière V., Sugimoto C.R., Monroe-White T. Intersectional inequalities in science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2022. Vol. 119. No. 2. P. e2113067119. DOI: 10.1073/pnas.2113067119
53. Krauss A. Science of science: a multidisciplinary field studying science. *Heliyon*. 2024. Vol. 10. No. 17. P. e36066. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e36066
54. Krauss A. *Science of Science: Understanding the Foundations and Limits of Science from an Interdisciplinary Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2024. 185 p. DOI: 10.1093/9780198937401.001.0001
55. Krauss A. Science's greatest discoverers: A shift towards greater interdisciplinarity, top universities and older age. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. No. 272. P. 1–11. DOI: 10.1057/s41599-024-02781-4
56. Kwiek M. The European research elite: A cross-national study of highly productive academics in 11 countries. *Higher Education*. 2016. Vol. 71. No. 3. P. 379–397. DOI: 10.1007/s10734-015-9910-x
57. Larivière V., Macaluso B., Archambault É., Gingras Y. Which scientific elites? On the concentration of research funds, publications and citations. *Research Evaluation*. 2010. Vol. 19. No. 1. P. 45–53. DOI: 10.3152/095820210X492495
58. Laudel G. Migration currents among the scientific elite. *Minerva*. 2005. Vol. 43. No. 4. P. 377–395. DOI: 10.1007/s11024-005-2474-77
59. Li J., Yin Y., Fortunato S., Wang D. Scientific elite revisited: Patterns of productivity, collaboration, authorship and impact. *Journal of the Royal Society Interface*. 2020. Vol. 17. No. 165. P. 20200135. DOI: 10.1098/rsif.2020.0135
60. Liu L., Jones B.F., Uzzi B., Wang D. Data, measurement and empirical methods in the science of science. *Nature Human Behaviour*. 2023. Vol. 7. No. 7. P. 1046–1058. DOI: 10.1038/s41562-023-01562-4
61. Martin J.L. What is field theory? *American Journal of Sociology*. 2003. Vol. 109. No. 1. P. 1–49. DOI: 10.1086/375201
62. Mayntz R. Mechanisms in the analysis of social macro-phenomena. *Philosophy of the Social Sciences*. 2004. Vol. 34. No. 2. P. 237–259. DOI: 10.1177/0048393103262552
63. Morgan A.C., LaBerge N., Larremore Daniel B., Galesic M., Brand, J.E., Clauset A. Socioeconomic roots of academic faculty. *Nature Human Behaviour*. 2022. Vol. 6. No. 12. P. 1625–1633. DOI: 10.1038/s41562-022-01425-4
64. Mulkay M. The mediating role of the scientific elite. *Social Studies of Science*. 1976. Vol. 6. No. 3–4. P. 445–470. DOI: 10.1177/030631277600600308
65. Mulkay M. Part One Sociology of science in the West. *Current Sociology*. 1980. Vol. 28. No. 3. P. 1–116. DOI: 10.1177/001139218002800301
66. Nielsen M.W., Andersen J.P. Global citation inequality is on the rise. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118. No. 7. P. e2012208118. DOI: 10.1073/pnas.2012208118

67. Nielsen M.W., Gissi E., Heidari S., Horton R., Nadeau K.C., Ngila D., Noble S.U., et al. Intersectional analysis for science and technology. *Nature*. 2025. Vol. 640. No. 8058. P. 329–337. DOI: 10.1038/s41586-025-08774-w
68. Park M., Leahey E., Funk R.J. Papers and patents are becoming less disruptive over time. *Nature*. 2023. Vol. 613. No. 7942. P. 138–144. DOI: 10.1038/s41586-022-05543-x
69. Parker J.N., Allesina S., Lortie C.J. Characterizing a scientific elite (B): publication and citation patterns of the most highly cited scientists in environmental science and ecology. *Scientometrics*. 2013. Vol. 94. No. 2. P. 469–480. DOI: 10.1007/s11192-012-0859-6
70. Petersen A.M., Fortunato S., Pan R.K., Kaski K., Penner O., Rungi A., Riccaboni M., Stanley H.E., Pammolli F. Reputation and impact in academic careers. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Vol. 111. No. 43. P. 15316–15321. DOI: 10.1073/pnas.1323111111
71. Savage M. Introduction to elites from the "problematic of the proletariat" to a class analysis of "wealth elites". *The Sociological Review*. 2015. Vol. 63. No. 2. P. 223–239. DOI: 10.1111/1467-954X.12281
72. Savage M. In defence of sociological description: A "world-making" perspective. *The British Journal of Sociology*. 2024. Vol. 75. No. 3. P. 360–365. DOI: 10.1111/1468-4446.13083
73. Scott J. Modes of power and the re-conceptualization of elites. *The Sociological Review*. 2008. Vol. 56. No. 1. P. 25–43. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2008.00760.x
74. Serenko A., Marrone M., Dumay J. Scientometric portraits of recognized scientists: A structured literature review. *Scientometrics*. 2022. Vol. 127. No. 8. P. 4827–4846. DOI: 10.1007/s11192-022-04466-8
75. Sinatra R., Wang D., Deville P., Song C., Barabási A.L. Quantifying the evolution of individual scientific impact. *Science*. 2016. Vol. 354. No. 6312. P. aaf5239. DOI: 10.1126/science.aaf5239
76. Siudem G., Żogała-Siudem B., Cena A., Gagolewski M. Three dimensions of scientific impact. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117. No. 25. P. 13896–13900. DOI: 10.1073/pnas.2001064117
77. Sloterdijk P. *Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2008. 285 p.
78. Tijssen R.J.W., Visser M.S., van Leeuwen T.N. Benchmarking international scientific excellence: Are highly cited research papers an appropriate frame of reference? *Scientometrics*. 2002. Vol. 54. No. 3. P. 381–397. DOI: 10.1023/A:1016082432660
79. Van Leeuwen T.N., Visser M.S., Moed H.F., Nederhof T.J., Van Raan A.F.J. The Holy Grail of science policy: Exploring and combining bibliometric tools in search of scientific excellence. *Scientometrics*. 2003. Vol. 57. No. 2. P. 257–280. DOI: 10.1023/A:1024141819302
80. Wacquant L. *Bourdieu in the City: Challenging Urban Theory*. Cambridge: Polity Press. 2023. 288 p. DOI: 10.4324/9780429287961-45
81. Wang D., Barabási A.-L. *The Science of Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 308 p. DOI: 10.1017/9781108610834
82. Yin Y., Dong Y., Wang K., Wang D., Jones B.F. Public use and public funding of science. *Nature Human Behaviour*. 2022. Vol. 6. No. 10. P. 1344–1350. DOI: 10.1038/s41562-022-01397-5
83. Zeng A., Shen Z., Zhou J., Wu J., Fan Y., Wang Y., Stanley H.E. The science of science: From the perspective of complex systems. *Physics Reports*. 2017. Vols. 714–715. P. 1–73. DOI: 10.1016/j.physrep.2017.10.001

84. Zhang M., Liu L., Zeng D., Li X. Impact of academic title structure of university research teams on research output: evidence from 30 Chinese universities. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 769. DOI: 10.1057/s41599-024-03294-w
85. Zhu W., Jin C., Ma Y., Xu C. Earlier recognition of scientific excellence enhances future achievements and promotes persistence. *Journal of Informetrics*. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 101408. DOI: 10.1016/j.joi.2023.101408
86. Zuckerman H. *Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1995. 382 p.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025; поступила после рецензирования и доработки: 07.03.2026; принята к публикации: 12.03.2026.

Received: 25.10.2025; revised after review: 07.03.2026; accepted for publication: 12.03.2026.

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.5
EDN: JRTBHA

***А.Л. ТЕМНИЦКИЙ*[1,2]**

[1] Московский государственный университет (институт) международных отношений МИД РФ (МГИМО).
119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76.
[2] Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

ИНДЕКС ХИРША В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ: ОТ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ИННОВАЦИИ К АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье по результатам анализа публикаций российских ученых, размещенных в национальной библиографической базе данных (РИНЦ), а также материалов двух повторных социологических исследований (2022 и 2024 гг.) раскрываются проблемные вопросы научной деятельности, связанные с внедрением индекса Хирша как ведущего инструмента ее оценки. Рассмотрение по годам (с 2011 по 2024 г.) 625 публикаций в РИНЦ, в названиях, аннотациях и ключевых словах которых использовался термин «индекс Хирша», позволило сделать вывод, что распределение публикаций соответствует признакам модели жизненного цикла внедрения инновации. Анализ 30 отобранных публикаций привел к заключению: наблюдается противоречие между состоявшейся институализацией индекса Хирша и негативным отношением к нему со стороны большинства исследователей. Анализ данных двух повторных социологических исследований был направлен на определение места и роли индекса Хирша в повседневной профессиональной деятельности ученых: отношения к его внедрению, оценкам достоинств и недостатков, роли в достижении профессионального успеха. Основное внимание было направлено на проверку гипотезы о том, что определяющую роль в достижении больших числовых значений индекса Хирша играют достигнутые статусные позиции, а не публикационная активность ученых. С этой целью использовались методы кросстабуляционного и регрессионного анализов, выявлялись факторы, в наибольшей степени дифференцирующие числовые значения индекса Хирша, его предикторы. Полученные результаты позволили сделать вывод, что индекс Хирша является производным от достигнутого социального статуса ученого, прежде всего его ученой степени доктора наук, еще одним проявлением сложившейся академической традиции в духе эффекта Матфея в науке.

Ключевые слова: индекс Хирша; научная деятельность; организационная инновация; академическая традиция; эффект Матфея.

Для цитирования: *Темницкий А.Л.* Индекс Хирша в научной деятельности российских ученых: от организационной инновации к академической традиции // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 78–97. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.5 EDN: JRTBHA

Введение

Способ количественной оценки эффективности научной деятельности, разработанный Хорхе Хиршем, физиком из Калифорнийского университета в 2005 г., был признан мировым научным сообществом как наиболее удачный в сравнении со многими другими. Метод оценки, представленный в лаконичной статье [21], подкупает простотой алгоритма вычисления: ранжируем все статьи данного автора в порядке убывания цитируемости и отбираем статьи с начала списка до тех пор, пока не подходим к статье с цитированием, меньшим порядкового номера этой статьи. Число предшествующих статей и есть индекс Хирша.

В ответ на давление западных систем цитирования Web of Science, Scopus и др. по государственному заказу Министерства образования и науки РФ был создан Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), который официально и полнофункционально вступил в действие в 2010 г. Индекс Хирша в РИНЦ (далее – ИХ) имеет пять вариаций: 1) по всем публикациям на elibrary.ru с участием ученого, 2) по публикациям в РИНЦ, 3) без учета самоцитирования, 4) с учетом только статей в журналах, 5) по ядру РИНЦ.

Несомненно, главная заслуга по внедрению ИХ в практику оценок научной деятельности академических и вузовских ученых принадлежит государству, чиновникам от науки. ИХ стал удобным и эффективным инструментом для управления на всех уровнях (от министерства до отдельной организации) с соответствующими механизмами планирования, организации, стимулирования и контроля. В этом контексте рядовым ученым вне зависимости от их доверия данному индексу остается лишь признать его как данность, как неизбежный инструментарий оценки их труда и соответствующим образом приспособиться к нему, а возможно, и получить определенные дивиденды в условиях различных моделей эффективного контракта.

Вместе с тем следует учитывать, что без поддержки со стороны большинства рядовых сотрудников никакая организационная инновация не окажется успешной и может стать формальной имитацией управления, подобно социалистическому соревнованию в поздний советский период.

В этой связи актуально обратиться к рассмотрению достоинств и недостатков ИХ, последствий его внедрения и перспектив утверждения в качестве надежного инструмента управления и позитивного стимула в профессиональной деятельности в оценках не только экспертов, но и рядовых сотрудников.

Индекс Хирша в оценках экспертов

Благодаря административным мерам, ИХ получил быстрое распространение, охватил все категории научных сотрудников и преподавателей всех отраслей научного знания и тем самым вызвал волны реакций, получивших отражение в многочисленных научных публикациях ученых из самых разных отраслей научного знания.

Так, в национальной библиографической базе данных научных публикаций российских ученых (РИНЦ) за период с 2011 по 2024 г. по ключевым словам «индекс Хирша» было найдено 625 публикаций[1].

[1] Отбирались статьи в журналах и книги. Поиск производился в названиях, аннотациях, ключевых словах.

Их распределение по годам (см. рис.) соответствует признакам модели жизненного цикла внедрения инновации с этапами зарождения, роста, пика, выхода на плато, спада и «опривычивания» (превращения в рутину).

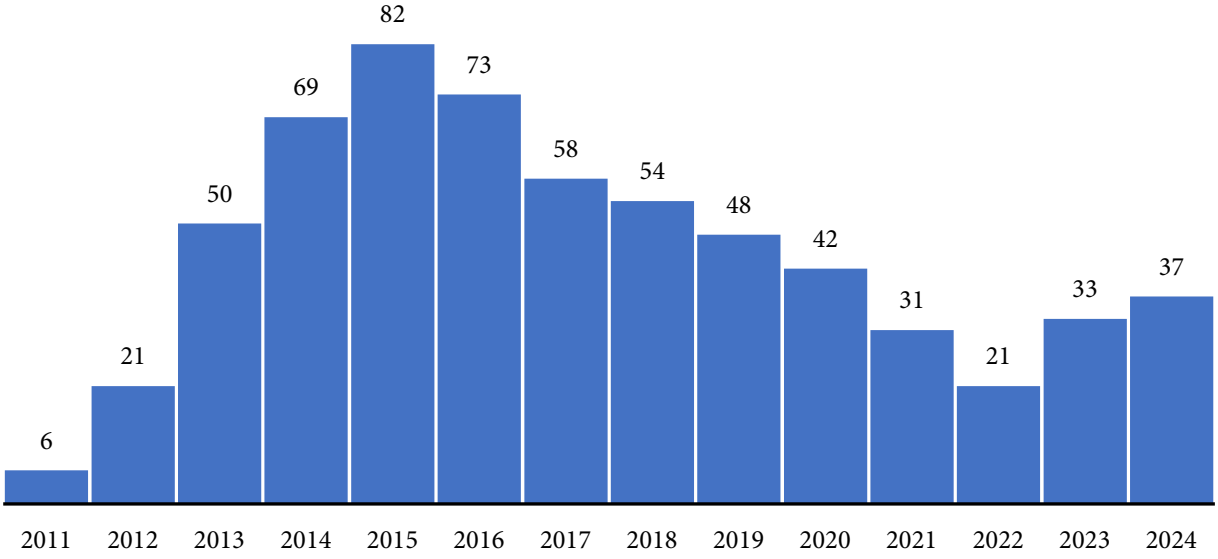

Рис. Распределение публикаций в eLibrary РИНЦ, посвященных индексу Хирша

Предполагается, что в публикациях периода 2011–2014 гг. мы увидим признаки позитивных оценок и надежд у одних авторов и принципиального неприятия, отторжения у других, как это всегда бывает на начальном этапе внедрения инновации. На пике и ровном спуске исследовательского внимания к данной проблеме (2015–2019) — преобладание баланса взвешенных оценок, когда в одной статье раскрываются и позитивные и негативные стороны индекса, даются конструктивные предложения по его эффективному использованию и возможным модификациям. Период спада интереса (2020–2024) символизирует вхождение инновационного инструмента в рутинные практики, его ассимиляцию под ранее сложившиеся академические традиции в соответствии с известным в науке эффектом Матфея [11].

Для проверки возникшего предположения было отобрано 30 статей, релевантных предмету исследования, содержание которых имело признаки научной аргументации и доказательности выводов.

Уже в 2011 г. отмечалось, что «этот параметр на удивление быстро стал настолько модным и популярным, что в настоящее время он является едва ли не самым главным мерилом личной цитируемости любого конкретного исследователя» [12, с. 38]. Признается, что сам по себе высокий рейтинг ученого не является свидетельством его вклада в науку, однако в статистически значимом большинстве случаев это соответствует реальности. Научный вес, значимость конкретной публикации добавляют престижа автору [8]. Авторы подчеркивают адекватность ИХ для рейтинговой оценки исследователей, имеющих значительный стаж научной деятельности, и нецелесообразность использования ИХ для оценки научной деятельности молодых ученых, несопоставимость значений этого индекса для разных

областей науки[2] [2]. В этот период использование наукометрических индексов цитирования как способа оценки научных достижений рассматривалось многими российскими учеными как один из этапов интеграции российских исследований в общемировой научный процесс, где инструменты наукометрии знакомы каждому исследователю [4, с. 242].

Критический настрой ученых к внедрению ИХ во многом основывался на обратных доводах. Именно магическая вера отечественных реформаторов в то, что любые сложившиеся в западных странах практики эффективны там и применимы без какой-либо коррекции в наших условиях, приводит к массовому, принудительному внедрению подобных инноваций [20, с. 21].

ИХ уподобляют «психическому вирусу», поразившему сознание научного сообщества: цель достичь значимых результатов научной деятельности подменяется целью добиться высоких наукометрических показателей, отражающих эти результаты [10, с. 8]. Это не отменяет общего (преобладающего во второй указанный период) настроя исследователей взвешивать достоинства и недостатки индекса с целью конструктивных рекомендаций. Авторы определяют субъектов, заинтересованных в наличии формальной системы оценок, среди которых чиновники от науки, а также руководители научных организаций, организации и исследователи, профессионально специализирующиеся в области наукометрики, сами ученые [13, с. 6]. Феномен «хиршемании» признается, но данный индекс не отвергается, напротив, показывается его важная роль при защитах, рассмотрении конкурсных дел на замещение должностей, а также при определении величины ежемесячного материального поощрения за результаты научной и педагогической деятельности. Ученые предлагают научно обоснованную модификацию ИХ, нечувствительную (устойчивую) к манипулированию им [10]. О примирении с внедренной инновацией в оценках научной деятельности свидетельствует аргументация авторов, что ИХ не в полной мере отражает продуктивность исследовательской деятельности, следовательно, необходима «многоаспектная (многокритериальная) диагностика как качества публикаций научного работника, так и продуктивности его исследовательской деятельности» [15]. Показателем позитивного восприятия ИХ в научно-педагогической среде может выступать подход к выявлению его содержательной валидности на основе социологических опросов [17]. Вместе с тем в период 2015–2019 гг. все чаще стали замечаться негативные последствия массового внедрения ИХ, как правило, связанные с материальным стимулированием публикационной активности. Индекс стали «накручивать» самыми разными способами: плагиат и автоплагиат, выдумывание сведений, манипулирование данными для формирования вымышленных научных результатов, цитирование соавторами, публикации в «карманных» и «мусорных» изданиях и др. В этой связи стали появляться разоблачительные статьи, вскрывающие проявления академической недобросовестности в отдельных организациях [19].

Выявление негативных сторон и последствий внедрения инновации, на наш взгляд, не может расцениваться как показатель ее отторжения. Напротив, обнародование подобных девиаций позволяет точечно применять инструменты

[2] Речь идет прежде всего о несопоставимости точных и гуманитарных наук, так как, к примеру, число авторов, имеющих публикации на eLibrary.ru, среди физиков превышает 60 тысяч, а среди социологов не достигает 9 тысяч.

по управлению организационной инновацией. Серьезная критика осуществляется не через высмеивание, навешивание терминологических ярлыков, сарказм или выявление недостатков, а посредством обращения к теории или строгим математическим расчетам. Примером такого подхода могут считаться публикации, в которых индекс цитирования рассматривается как симулякр в теории общества потребления Ж. Бодрийяра, проявление постмодерна в сфере науки [3], а сам феномен публикационной гонки — как атрибут общества потребления [1].

Последний из выделенных периодов (2020–2024 гг.), когда страсти по поводу ИХ приутихли, характеризуется статьями по большей части эмпирического характера, в которых делается акцент на сравнении публикационной активности представителей различных отраслей научного знания [18], выявление сильных и слабых сторон ИХ проводится на основе обращения к данным социологических опросов [7; 16; 6].

Апофеозом обобщения дискурса проблематики по вопросам количественной оценки научной деятельности, наукометрии и научной политики в России в целом можно считать фундаментальную статью 2024 г., в которой авторы дают рекомендации по ограниченному использованию количественных наукометрических показателей [5].

Обобщение проведенного анализа литературы позволяет сформулировать исследовательскую проблему как противоречие между состоявшейся институционализацией ИХ, включением его во все документы отчетности и оценивания деятельности ученых, с одной стороны, и негативным отношением к нему большинства исследователей — с другой.

Методология исследования

Продолжая линию эмпирического подхода к рассматриваемой проблеме, мы исходим из того, что ИХ в сфере научной деятельности стал одним из наиболее явных показателей цифровизации, от которой никому не уйти. В связи с этим актуально обратиться к практикам повседневной профессиональной деятельности ученых, в которых они раскрывают свою информированность о данном индексе, оценивают его достоинства и недостатки, роль в достижении профессионального успеха.

Можно поставить исследовательский вопрос следующим образом: имеет ли ИХ самостоятельное значение и ценность для повышения активности в сфере научной деятельности и, следовательно, может ли он стать привлекательным инструментом для рядовых и молодых ученых? Или же этот индекс в большей мере является производной от статуса, достигнутого научными работниками?

Источниками информации являются материалы двух повторных социологических исследований (2022 и 2024 гг.) научной деятельности российских ученых[3]. В качестве объекта исследования выступают кандидаты и доктора наук,

[3] Программа и инструментарий эмпирического исследования «Научный капитал российских ученых в контексте распространения новых технологий» разработаны кафедрой социологии МГИМО при участии автора. Опрос проведен Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) (рук. А.В. Андреенкова). Для проведения опроса использовалась двухступенчатая стратифицированная случайная выборка ученых, работающих в образовательных и научно-исследовательских организациях в России, имеющих ученую степень (кандидат или доктор наук) и занимающихся научной деятельностью. Этапы построения выборки: 1) общий список научных и образовательных

работающие в академических институтах и вузах. Респонденты разделяются на две категории по отраслям научного знания (социально-гуманитарной и естественно-технической), представленным организациями Москвы, Санкт-Петербурга и остальных регионов России (табл. 1).

Таблица 1

Основные характеристики реализованной выборки, *%*

Характеристики выборки	Годы опроса	
	2022	2024
Отрасль науки		
Естественные, точные, технические науки	55	49
Гуманитарные и социальные науки	45	51
Тип организационной занятости		
Работают в институтах РАН	30	32
Работают в вузах	51	49
Работают в институтах РАН и вузах	19	19
Ученая степень		
Кандидаты наук	69	69
Доктора наук	31	31
Регион занятости		
Москва и Санкт-Петербург	50	51
Другие регионы	50	49

учреждений РФ был разделен на четыре страты: по научным дисциплинам — социально-гуманитарные и естественно-технические, не включая сельскохозяйственные и медицинские (50/50%) и по географической принадлежности (Москва, Санкт-Петербург и другие регионы (50/50%). Дальнейший отбор проводился независимо в каждой страте; 2) внутри каждой из четырех страт из списка научных и образовательных учреждений, ведущих научную деятельность в указанных областях (социально-гуманитарной и естественно-технической), проведен случайный отбор учреждений/организаций пропорционально численности научных сотрудников в учреждении; 3) в отобранных учреждениях/организациях на основе открытых источников (веб-сайты организаций) составлен список сотрудников, ведущих научную деятельность и имеющих ученую степень, проведен случайный отбор респондентов из полученного списка; 4) на полевом этапе каждый отобранный респондент получил именное приглашение на участие в опросе с индивидуальной ссылкой на доступ к онлайн-платформе. В первых вопросах проводилось дополнительное скринирование респондентов — подтверждались занятие научной деятельностью, дисциплина, количество публикаций за последние два года, были установлены ограничения на количество респондентов с разными учеными степенями (25% доктора наук / 75% кандидаты). Реализованная выборка близка по структурным параметрам к данным государственной статистики по географическому распределению, половозрастному составу, научным дисциплинам и научной степени ученых. Возможные ограничения выборки: в основу выборки организаций/учреждений могли не попасть часть ведомственных, негосударственных научных образовательных учреждений, также в выборку не включены ученые и исследователи, работающие в коммерческих компаниях, НКО и государственно-управленческих структурах, независимые исследователи. В список респондентов внутри отобранных учреждений/организаций не попали ученые, которые не включены в перечень сотрудников по каким-либо причинам (в том числе совместители, занятые по временным трудовым договорам, недавно принятые на работу и т. п.). Сбор данных проводился методом онлайн-анкетирования путем самостоятельного заполнения анкеты на онлайн-платформе. В опросе 2022 г. принял участие 551 респондент, в 2024 г. — 536 респондентов.

Цель анализа: на основе выявления факторов, дифференцирующих числовое значение ИХ[4], и его места в профессиональной деятельности ученых определить признаки, свидетельствующие либо о роли «довеска» к имеющимся высоким статусным позициям (ученой степени доктора наук, научного звания профессора), либо показателя продуктивности и профессионального успеха, в большей мере зависящего от публикационной активности, научного стажа и других поведенческих факторов.

Основная гипотеза: индекс Хирша будет оцениваться как еще одно приложение к достигнутым статусным позициям (доктора наук, профессора), если они будут вносить наибольший вклад в объяснение дисперсии числовых значений индекса по сравнению с другими потенциальными предикторами.

Частные гипотезы:

– Информированность об ИХ будет в большей мере определяться активностью в поведенческих практиках (в данном случае публикационной и коммуникативной), нежели характеристиками статусных позиций. О рутинизации инновации в динамике за годы исследований могут свидетельствовать снижение различий в числовых значениях ИХ под влиянием статусных характеристик и повышение роли поведенческих факторов.
– Абсолютное большинство российских ученых вне зависимости от их статусных характеристик по-прежнему критически относятся к ИХ. Однако доля ученых, подчеркивающих его различные достоинства, будет расти. С учетом того, что положения об ИХ включены в государственную политику денежного стимулирования научной деятельности, об этом росте прежде всего будут свидетельствовать те показатели, которые оценивают роль материального интереса в науке (размер получаемого дохода и проч.).

Для достижения поставленной цели и проверки гипотез на массивах данных двух повторных исследований будут использоваться кросстабуляционный, корреляционный и регрессионный методы анализа с определением устойчивости связей. Дополнительный инструмент для этого — выявление и использование в анализе факторов, обладающих наибольшим дифференцирующим потенциалом по отношению к выделяемым предметам исследования.

Информированность и отношение к индексу Хирша

Одним из первичных признаков включенности сотрудников в инициируемые менеджментом инновации является показатель информированности о таковой. В качестве первичных показателей использовались: знание своего индекса цитируемости, об индексах Хирша своих коллег, а также отношение к внедрению ИХ[5].

[4] В анализе используется показатель ИХ в eLibrary РИНЦ по всем публикациям.

[5] Формулировка вопроса: «Как Вы относитесь к внедрению количественно измеряемых показателей научной деятельности, в частности индекса Хирша, которое проводится сейчас со стороны менеджмента науки?»

Абсолютному большинству ученых (84%) известно числовое значение своего ИХ, 60% знают примерное значение ИХ некоторых коллег по работе, а 16% — многих или почти всех. Выявление значимых[6] и устойчивых (по годам опросов) различий в ответах об информированности показало, что представители отраслей естествознания, точных и технических наук реже знают о своем индексе Хирша, чем ученые из области социально-гуманитарных наук. Например, среди математиков не знали свой ИХ в 2022 г. больше половины, в 2024 г. — более трети. Реже знают свой ИХ ученые пожилого возраста (старше 60 лет), работающие в Москве и Санкт-Петербурге, с доходом ниже 80 тыс. руб. в месяц, кандидаты наук; чаще — молодые (29–39 лет), работающие в остальных регионах, с доходом выше 80 тыс., доктора наук. Незнание своего ИХ можно объяснить негативным отношением к внедрению этого индекса, которое чаще наблюдается среди пожилых ученых, работающих в мегаполисах, а также имеющих более низкий доход. Предполагается, что следствием негативизма по отношению к ИХ является нежелание его отслеживать.

Однако более сильные различия в информированности обусловлены поведенческими, а не социально-демографическими и статусными характеристиками. В большей мере это заметно по показателю информированности об индексах цитируемости коллег. Чаще знают примерный ИХ многих или почти всех своих сотрудников ученые, которым легко удается заводить с российскими коллегами профессиональные связи, которые становятся устойчивыми. Самым сильным дифференцирующим фактором информированности об ИХ является публикационная активность ученых. Здесь нет пропорциональной зависимости повышения информированности об ИХ по мере роста числа публикаций. Значимые различия проявляются между теми учеными, которые за два года, предшествующих опросу, опубликовали более 10 статей, тезисов и других научных работ, и всеми остальными (табл. 2).

Таблица 2

Информированность и оценка индекса Хирша в зависимости от количества публикаций за последние 2 года, %

Информированность и оценка индекса Хирша	Годы опроса					
	2022			2024		
	Всего	Количество публикаций		Всего	Количество публикаций	
		<10	>10		<10	>10
Знают свой индекс	84	79	92	86	81	91
Знают примерный индекс цитируемости некоторых коллег по работе	61	60	63	60	65	55
Знают примерный индекс цитируемости многих или почти всех коллег по работе	16	12	22	16	10	24
Оценивают индекс позитивно	17	11	25	17	13	21
Среднее значение индекса	10,1	7,7	12,8	12	9,1	15,1
Медианное значение индекса	8	6	11	10	8	13
Количество ответивших	**551**	**311**	**240**	**536**	**284**	**252**

[6] Учитывались различия, значимые при $p < 0{,}05$, и стандартизированные остатки с величиной > 1,65.

Известно, что публикационная активность у докторов наук существенно выше, чем у кандидатов. Эти различия были подтверждены данными обеих волн исследования. Однако предположение, что информированность в большей мере зависит от ученой степени, чем от количества публикаций, не подтвердилось. Проверка выявленной связи на предмет ложной корреляции с использованием в качестве контрольной переменной ученой степени показала, что в 2022 г. ее ввод не оказал влияния. И у кандидатов, и у докторов наук при наличии 10 и более публикаций за последние два года информированность об индексе цитируемости (своем и многих коллег), а также позитивные оценки внедрения ИХ были существенно выше, чем у тех, кто опубликовал менее 10 работ. Вместе с тем в 2024 г. различия оказались значимыми только у кандидатов наук, а у докторов связи более не наблюдалось. Этот эмпирический факт говорит о том, что фактор публикационной активности утрачивает свою роль в различении тестируемых показателей ИХ и, следовательно, подкрепляет гипотезу о повышении роли статусных характеристик (степени доктора наук).

Итак, в 2024 г. по сравнению с 2022 г. различия в общей информированности и оценках ИХ не являются заметными. Значение ИХ неуклонно увеличивается у всех респондентов. Однако доля позитивных оценок ИХ со стороны ученых остается стабильно незначительной. Очевидно, следует акцентировать внимание на содержательных сторонах, связанных с внедрением индекса цитирования, его месте в представлениях ученых о факторах профессионального успеха, анализе соотношения достоинств и недостатков ИХ.

Индекс цитируемости в представлениях ученых о факторах профессионального успеха

Конструктивно-инструментальный подход закономерно предполагает постановку вопроса о способности ИХ стать вровень или приблизиться к таким фундаментальным мерилам профессионального успеха ученых, как международное признание, моральный авторитет, наличие большого количества учеников, широкая известность и др.

Ранее проведенные исследования показали, что цитирование уступает роли такого показателя успешности ученого, как количество учеников, но опережает почетные звания, упоминания в СМИ, членство в международных организациях [6, с. 16].

По результатам двух повторных исследований высокий уровень индекса цитируемости занимает устойчивое четвертое место среди других факторов профессионального успеха ученых, уступая таким, как количество учеников, международное признание, моральный авторитет, и опережая все остальные тестируемые признаки. Причем, наиболее дифференцирующим критерием ответов стала отраслевая принадлежность ученого (табл. 3).

Таблица 3

Факторы профессионального успеха современных ученых с учетом отрасли занятости[7], %

Факторы профессионального успеха ученых	Годы опроса					
	2022			2024		
	Всего	Отрасль[8]		Всего	Отрасль	
		Естеств.	Гуманит.		Естеств.	Гуманит.
Большое количество учеников и последователей	62	61	64	60	61	59
Международное признание	45	52	36	44	50	38
Высокий уровень морального авторитета	39	37	41	42	38	46
Высокий уровень индекса цитируемости	35	41	26	39	46	32
Ученые звания, степень	25	22	28	25	27	23
Большое количество публикаций	23	26	20	22	23	21
Широкая известность	16	12	21	17	10	23
Высокий уровень оплаты труда	16	12	20	15	14	17
Награды	5	3	7	5	4	6
Высокая должность	2	1	2	2	2	2
Большое количество подписчиков в блогах, социальных сетях	1	0	1	0	0	0
Количество ответивших	**544**	**297**	**247**	**524**	**255**	**269**

Примечание: Сумма процентов превышает 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

У представителей естественных, точных и технических наук цитируемость вошла в тройку наиболее значимых факторов профессионального успеха. При этом, в сравнении с гуманитариями, они реже говорят о моральном авторитете и чаще — о международном признании.

Как и следовало ожидать, максимальное значение цитированию придается при позитивных оценках внедрения ИХ (60% против 17% среди негативно его оценивающих). Важность индекса цитирования тем существеннее, чем более высоки его числовые значения, которые у представителей естествознания, точных и технических наук выше, чем у гуманитариев.

Отметим, что в годы исследований роль цитирования повышается у всех групп ученых.

---

[7] Формулировка вопроса: «Что, на Ваш взгляд, больше всего говорит о профессиональном успехе ученого сегодня?»

[8] Отрасли: Естеств. — естественные, точные и технические науки, гуманит. — гуманитарно-социальные науки.

Достоинства и недостатки индекса Хирша

Несмотря на то что позитивные оценки внедрения ИХ дают менее 1/5 части ученых, доля отметивших, что ИХ не имеет каких-либо достоинств, оказалась незначительной и продолжает снижаться (29% в 2022 г. и 27% в 2024-м).

Чаще всего российские ученые относят к достоинствам ИХ то, что показатель цитируемости публикаций автора свидетельствует об интересе коллег к его исследованиям. Этот модальный ответ (36% в 2022 г. и 40% в 2024 г.) вышел на первое место вне зависимости от статусных и поведенческих характеристик ученых (табл. 3). В тесной связи с ним (коэффициент корреляции Пирсона –0,291 в 2022 г. и 0,325 в 2024 г.) находится указание на то, что высокий ИХ свидетельствует об актуальности публикаций. Предположение, что технологические возможности ИХ (простота вычисления и его бóльшая эффективность в сравнении с другими показателями) будут положительно коррелировать друг с другом, не оправдалось. Между ними не только нет связи, но и по значимости простота вычисления оказалась на втором месте, а эффективность ИХ — на последнем. С известной долей сомнения ученые относятся к возможностям ИХ определять рейтинг исследователя (22% в 2022 г. и 30% в 2024-м), быть показателем баланса между количеством и качеством научной продукции (примерно каждый пятый), и еще реже полагают, что он сможет стимулировать дальнейшие научные поиски (примерно каждый десятый). Последняя из указанных функций индекса Хирша очень важна. В связи с этим первоочередной задачей стала проверка гипотезы о том, что чем выше уровень личного дохода респондентов, тем больше достоинств и меньше недостатков ИХ они усматривают. Однако обнаружить значимой зависимости тут не удалось.

Обращение к статусным и поведенческим характеристикам респондентов во взаимосвязи с их оценками достоинств индекса Хирша позволяет утверждать, что наиболее дифференцирующим фактором является числовое значение ИХ, которому уступают ученая степень и публикационная активность (табл. 4).

Ученые с числовым значением ИХ, превышающим медиану, чаще отмечают его достоинства (за исключением двух последних) и реже говорят, что таковых нет. Еще четче эта тенденция проявляется при использовании более дробного деления ученых на группы по значению ИХ. Значимость ИХ как стимула для дальнейших научных поисков повышается только в связи с публикационной активностью: респонденты, имеющие более 10 публикаций за последние два года, упоминают этот показатель в 2 раза чаще остальных.

В целом ни одно из тестируемых достоинств ИХ не получило доминирующего признания. Тогда как относительно его недостатков у большинства ученых имеется консолидированное мнение. Более 50% респондентов указывают прежде всего на то, что индекс Хирша вытесняет роль экспертных оценок, определявших ранее «вес» ученого в науке. И лишь незначительная доля опрошенных (не превышающая 10%) считают, что ИХ не имеет недостатков.

Таблица 4

Достоинства индекса Хирша как показателя научной деятельности в оценках ученых с учетом его числовых значений, %

Достоинства индекса Хирша как показателя научной деятельности	Годы опроса					
	2022			2024		
	Всего	Индекс Хирша		Всего	Индекс Хирша	
		<Me[9]	>Me		<Me	>Me
Свидетельствует об интересе коллег к исследованиям автора	36	35	41	40	37	48
Прост в вычислении	28	24	33	30	28	33
Указывает на актуальность публикуемой научной информации	26	25	29	26	26	29
Помогает определить рейтинг исследователя	22	17	29	30	29	34
Указывает на баланс между количеством и качеством научной продукции	20	16	25	22	17	27
Стимулирует дальнейшие научные поиски	10	11	9	9	13	6
Более эффективен по сравнению с другими показателями	6	5	8	6	4	8
Нет достоинств	29	32	25	27	31	21
Количество ответивших	**461**	**218**	**243**	**455**	**207**	**248**

Примечание: Сумма процентов превышает 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Наиболее дифференцирующим фактором в оценках респондентами недостатков ИХ стал их возраст (табл. 5).

Ученые в возрасте ниже медианного в 2 раза чаще подчеркивают прямую зависимость индекса цитирования от возраста автора. Кроме того, они чаще, чем их старшие коллеги, указывают на то, что ИХ зависит от известности и общительности автора. Фактор возраста для цитирования является наиболее уязвимым, по мнению абсолютного большинства исследователей.

Это подтверждает, что зависимость ИХ от возраста вкупе с известностью автора усиливает эффект Матфея в науке. Для того чтобы преодолеть фактор возраста (приблизиться по значению ИХ к старшим коллегам), молодому ученому надо либо быть доктором наук, либо для повышения своей узнаваемости иметь регулярные связи с российскими и зарубежными коллегами, постоянно участвовать в научных конференциях, либо работать в команде (исследовательском коллективе) в институтах РАН [9, с. 232]. А еще лучше, чтобы все перечисленное сочеталось.

[9] Me — медиана, числовые значения которой см. в таблице 2.

Таблица 5

Недостатки индекса Хирша как показателя научной деятельности в оценках ученых с учетом их возраста, *%*

Недостатки индекса Хирша как показателя научной деятельности	Годы опроса					
	2022			2024		
	Всего	Возраст		Всего	Возраст	
		<Me[10]	>Me		<Me	>Me
Вытесняет роль экспертных оценок	53	50	56	59	53	67
Зависит от известности, общительности автора	39	42	35	41	46	36
Учитывает ссылки с раскритикованными статьями	25	25	26	26	27	26
Не учитывает число соавторов	22	24	19	19	20	19
Находится в прямой зависимости от возраста автора	21	28	14	22	29	14
Не учитывает информацию о наиболее важных высокоцитируемых работах	21	18	25	26	25	27
Не чувствителен к многократной публикации статьи	19	20	18	20	22	18
Недостатков нет	7	9	6	6	7	5
Количество ответивших	**525**	**271**	**254**	**518**	**263**	**255**

Примечание: Сумма процентов превышает 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Вместе с тем установлено, что молодые ученые (до 39 лет) в сравнении со старшими коллегами (особенно с теми, кому больше 60 лет) чаще позитивно относятся к внедрению индекса Хирша. Высокий уровень ИХ как фактор профессионального успеха также входит у молодых ученых в тройку ведущих приоритетов из 11 тестируемых (уступая большому количеству учеников и международному признанию), и его роль возрастает (40% в 2022 г. и 44% в 2024-м).

Выявленные недостатки ИХ уже приводились во множестве публикаций, и количественные данные лишь подтверждают критические оценки экспертов.

Проверка основной гипотезы исследования о наличии наряду с высокими статусными позициями (доктор наук, профессор) других факторов, способных оказывать сходное влияние на числовые значения ИХ, предполагает сравнительный анализ всех возможных потенциальных предикторов.

[10] Me — медианный возраст ученых. В 2022 г. — 50 лет, в 2024 г. — 54 года.

Ученая степень как определяющий фактор различий числовых значений индекса Хирша

Поиск фактора, в наибольшей мере дифференцирующего числовые значения ИХ, привел к выводу, что таковым является ученая степень. Сравнение кандидатов и докторов наук по средним значениям ИХ во взаимосвязи с различными социально-демографическими и поведенческими характеристиками неизменно и устойчиво свидетельствует о первостепенной роли степени доктора наук (табл. 6).

Таблица 6

Числовые значения индекса Хирша у кандидатов и докторов наук с учетом социально-демографических и поведенческих характеристик *(средние значения)*

Социально-демографические характеристики респондентов	Годы опроса			
	2022		2024	
	Кандидаты	Доктора	Кандидаты	Доктора
Пол				
Мужчины	8,3	16,2	10,5	18,0
Женщины	6,9	13,1	8,9	16,5
Возраст (по медиане)				
29–50[11]	7,1	14,6	8,7	19,9
51 и старше	8,9	15,5	11,7	17,1
Научное звание				
Профессор	*	16,9	*	17,4
Доцент	7,7	10,9	9,6	15,4
Отрасли науки				
Естественные, точные, технические	8,2	17,2	10,0	18,7
Социально-гуманитарные	7,1	12,7	9,4	16,4
Занятость				
Институты РАН	9,1	15,8	10,5	21,4
Вузы	6,3	13,2	9,3	16,3
Регионы				
Москва и Санкт-Петербург	8,9	16,1	10,2	18,8
Остальные	6,7	14,5	9,2	16,2
Научный стаж (по медиане)				
До 24 лет[12]	7,0	14,0	8,7	16,4
Более 25	9,0	15,6	11,6	17,7
Доход в месяц (по медиане)				
До 80 тыс. руб.	6,9	12,9	8,5	15,2
Свыше 80 тыс. руб.	9,3	17,1	10,4	18,4
Количество публикаций за последние 2 года				
До 10	6,6	12,0	8,1	13,2
Более 10	9,4	17,1	11,9	19,6

Примечание: * — недостаточное количество случаев для статистического анализа.

[11] В 2024 г. медианный возраст — 54 года.

[12] В 2024 г. медианный научный стаж — 27,5 года.

Ни в одном из анализируемых случаев кандидаты наук не преобладали над докторами по числовым значениям ИХ. Максимальное среднее его значение установлено у докторов наук институтов РАН (21,4 — 2024 г.), минимальное — у кандидатов, работающих в вузах (6,3 — 2022 г.).

Другие, менее значимые устойчивые различия свидетельствуют, что и среди кандидатов, и среди докторов наук средние значения ИХ были выше у мужчин, у занятых в отраслях естественных, точных и технических наук, в институтах РАН, у жителей мегаполисов, а также у лиц с бóльшим научным стажем, доходом и количеством публикаций более 10. Вместе с тем различия ИХ, обусловленные возрастом (использовались медианные значения), оказались почти незаметными, а в 2024 г. индексы цитирования у докторов наук моложе 54 лет были выше, чем у их более возрастных коллег.

Таким образом, индекс Хирша является производной от достигнутого социального статуса ученого, прежде всего его ученой степени. Поэтому ошибочно рассматривать ИХ как самостоятельный фактор, влияющий на изменения ценностных ориентаций, мотивацию, отношения в коллективе, как это делают некоторые авторы [17, с. 109]. Поступая подобным образом, мы попадаем в ловушку ложных корреляций.

Для выявления вклада основных переменных в объяснение дисперсии значений индекса Хирша мы провели множественный линейный пошаговый регрессионный анализ с использованием фиктивных переменных. Для этого был создан ряд дихотомических переменных, по которым референтные значения предписывались тем группам респондентов, у которых значение ИХ было выше среднего по выборке[13].

В качестве переменной отбора использовался возраст, прежде всего для того, чтобы увидеть набор предикторов у более молодых ученых, возраст которых был ниже медианного значения. С учетом признаков мультиколлинеарности между переменными «ученая степень» и «научное звание» (коэффициент корреляции Пирсона > 0,7) последняя была исключена из анализа (табл. 7).

Обнаруженный устойчивый результат подтвердил и уточнил предположение о ведущей роли ученой степени. Второй по значимости предиктор – наличие большого количества публикаций за последние два года — подчеркивает роль поведенческой активности ученых. Влияние высокого дохода на дисперсию значений ИХ снижается и характерно только для более молодых ученых. Заметно, что, по данным 2024 г., прогностический потенциал первых трех предикторов существенно выше у респондентов, чей возраст ниже медианного. В связи с этим более детальный регрессионный анализ с использованием в качестве переменной отбора трех возрастных групп показал, что для молодых ученых (30–39 лет) ведущими предикторами ИХ в порядке их влияния являются число публикаций (>10) и занятость в институтах РАН, для ученых среднего возраста (40–54 года):

[13] Так, учитывая, что у докторов наук среднее значение индекса Хирша существенно выше, чем у кандидатов, код 1 присваивался докторам наук, 0 — кандидатам. По этому же принципу: 1 — профессорам, 0 — доцентам, либо не имеющим научного звания; 1 — с научным стажем 24 года и выше, 0 — до 24 лет; 1 — с доходом свыше 80 тыс. руб., 0 — до 80 тыс. руб.;1 — мужчинам, 0 — женщинам; 1 — работающим в отраслях естественных, точных и технических наук, 0 — гуманитарных и социальных; 1 — работающим в институтах РАН, 0 — в вузе; 1 — работающим в Москве и Санкт-Петербурге, 0 — в других регионах;1 — имеющим более 10 публикаций, 0 — менее 10.

степень доктора наук, число публикаций, доход > 80 тыс. руб. в месяц, занятость в институтах РАН, а для ученых старше 55 лет: занятость в институтах РАН, ученая степень доктора наук, число публикаций, работа в мегаполисах.

Таблица 7

Предикторы числовых значений индекса Хирша, стандартизированные коэффициенты Бетта

Предикторы	Годы опроса					
	2022			2024		
	В целом	Возраст		В целом	Возраст	
		<Me	>Me		<Me	>Me
Наличие ученой степени доктора наук	0,309	0,334	0,279	0,292	0,389	0,242
Более 10 публикаций	0,229	0,227	0,249	0,251	0,299	0,186
Доход свыше 80 тыс. руб. в месяц	0,167	0,220	ns	0,099	0,165	ns
Занятость в институтах РАН	0,166	0,213	0,181	0,166	ns	0,325
Научный стаж более 24 лет	0,110	ns	ns	0,110	0,130	ns
Регион Москва и Санкт-Петербург	ns	ns	ns	0,102	ns	0,165
Отрасль: естественные науки	ns	ns	ns	ns	0,124	ns
Совокупный *R*-квадрат, %	29	32	19	30	41	23
Количество валидных ответов	**359**	**187**	**172**	**365**	**191**	**174**

Заключение

Отношение к дальнейшему использованию индекса Хирша как инструменту управления и позитивного стимула профессиональной деятельности российских ученых следует рассматривать с позиции выявленных в анализе тенденций.

1. Публикационная активность ученых в большей мере, чем какие-либо другие факторы, способствует росту позитивных оценок внедрения индекса цитирования.

2. Вопреки разделяемому большинством исследователей мнению, что ИХ носит потенциально дискриминирующий характер по отношению к молодым ученым [9, с. 232], последние не только чаще старших коллег высказывают позитивное отношение к внедрению ИХ, но и придают ему большее значение как фактору профессионального успеха современного ученого.

3. Как показывает динамика двух волн исследований, роль индекса цитирования в научной деятельности, ее оценках повышается во всех группах ученых. Во многом это связано с тем, что ученые вне зависимости от их статусных и поведенческих характеристик важнейшим достоинством индекса называют его роль как показателя интереса коллег к их исследованиям, индикатора актуальности опубликованных работ.

4. Однако за 15 лет существования индекса Хирша негативное отношение к нему большинства российских ученых так и не преодолено. Не оправдались ожидания, что ИХ имеет достаточный потенциал для стимулирования дальнейшего научного поиска. Материальные стимулы, вводимые в различные положения об эффективном контракте, мало повлияли на рост позитивных оценок индекса.

5. ИХ не стал самостоятельным фактором, способным повлиять на мотивацию и поведение занятых в научной деятельности, а является производной от достигнутого социального статуса, прежде всего ученой степени доктора наук и научного звания профессора. Мы не рассматриваем сложившееся положение как отражение социального неравенства [14] или же как следствие провала государственного вмешательства в науку [16]. Скорее, это одно из проявлений сложившейся академической традиции в духе эффекта Матфея в науке, обладающей достаточным ресурсом, чтобы подчинять себе различные настоящие и будущие организационные инновации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Темницкий Александр Лазаревич — доктор социологических наук, доцент, кафедра социологии, Московский государственный университет (институт) международных отношений МИД РФ (МГИМО); ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (495) 434-94-26. **Электронная почта:** taleksandr@list.ru SPIN-код: 5717-0857

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 78–97. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.5

Research Article

***ALEXANDER L. TEMNITSKIY*[1,2]**

[1] Moscow State Institute of International Relations (MGIMO).
76, Vernadskogo Av., 119454, Moscow, Russian Federation.
[2] Institute of Sociology of FCTAS RAS.
Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

The Hirsch Index in the Scientific Activity of Russian Scientists: From Organizational Innovation to Academic Tradition

Abstract. This paper addresses problematic issues associated with the introduction of the Hirsch index as the key instrument for evaluating scientific activity, and it is based on the analysis of Russian researchers' publications included in the National Bibliographic Database (Russian Science Citation Index, RSCI) and materials from two repeated sociological surveys (2022 and 2024). With their titles, abstracts and keywords including the term "Hirsch index", 625 publications in RSCI between 2011 and 2024 were reviewed; this made it possible to conclude that their distribution corresponds to the attributes of the innovation lifecycle model. 30 selected publications were further analyzed, which led to the conclusion that there is a misalignment between the completed institutionalization of the Hirsch index and most researchers having a negative attitude towards it. The analysis of sociological data from two repeated sociological surveys sought to define the place and role of the Hirsch index in scientists' daily professional activities: their attitude towards its implementation, assessment of its advantages and disadvantages, its role in achieving their professional success. The main focus was on testing the hypothesis about the determining role of the researcher's status, rather than their publication activity, in achieving high numerical values of the Hirsch index. For this purpose cross-tabulation and regression analysis methods were used, and factors that are predominant in differentiating the numerical values of the Hirsch index and its predictors were identified. Based on the

obtained results, we arrived at the conclusion that the Hirsch index is a derivative of the researcher's social status, primarily of their Doctor of Science degree — another manifestation of the established academic tradition, a kind of equivalent of the Matthew effect in science.

Keywords: Hirsch index; scientific activity; organizational innovation; academic tradition; Matthew effect.

For citation: Temnitskiy, A.L. The Hirsch Index in the Scientific Activity of Russian Scientists: from Organizational Innovation to Academic Tradition. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal.* 2026. Vol. 32. No. 2. P. 78–97. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.5

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander L. Temnitskiy — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Sociological Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO); Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 434-94-26. **Email:** taleksandr@list.ru ORCID: 0000-0002-5275-7457 ResearcherId: I-4615-2018

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Багдасарьян Н.Г., Сонина Л.А.* Мнимые единицы публикационной активности в обществе потребления // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 12. С. 86–94. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-86-94 EDN: XDRCQI

   Bagdasaryan N.G., Sonina L.A. Imaginary units of publication activity in consumer society. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2020. Vol. 29. No. 12. P. 86–94. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-86-94 (In Russ.)

2. *Бедный Б.И., Сорокин Ю.М.* О показателях научного цитирования и их применении // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 17–28. EDN: QBVWEF

   Bedny B.I., Sorokin Yu.M. On scientific citation indicators and their application *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2012. No. 3. P. 17–28. (In Russ.)

3. *Бирженюк Г.М.* Индекс Хирша как симулякр, или Уравнение известных с неизвестными // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1. С. 22–34. EDN: LAUTUT

   Birzhenyuk G.M. The Hirsch Index as a Simulacrum, or Equation of Known with Unknowns. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2018. No. 1. P. 22–34. (In Russ.)

4. *Болотов В.А., Квелидзе-Кузнецова Н.Н., Лаптев В.В., Морозова С.А.* Индекс Хирша в Российском индексе научного цитирования // Вопросы образования. 2014. № 1. С. 241–262. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-1-241-262 EDN: SGWRAB

   Bolotov V.A., Kvelidze-Kuznetsova N.N., Laptev V.V., Morozova S.A. Hirsch index in the Russian Science Citation Index. *Voprosy obrazovaniya*. 2014. No. 1. P. 241–262. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-1-241-262

5. *Боркин Л.Я., Сайфитдинова А.Ф.* Наукометрия, оценка научной деятельности ученых и научная политика в России // Биосфера. 2024. Т. 16. № 1. С. 103–143. DOI: 10.24855/biosfera.v16i1.906 EDN: VSTUSQ

   Borkin L.Ya., Saifitdinova A.F. Scientometrics, assessment of scientific activity of scientists and scientific policy in Russia. *Biosfera*. 2024. Vol. 16. No. 1. P. 103–143. DOI: 10.24855/biosfera.v16i1.906 (In Russ.)

6. *Бошно С.В.* Индекс Хирша как показатель доктринальности (по результатам социологических опросов) // Право и современные государства. 2023. № 6. С. 9–22. DOI: 10.14420/ru.2023.6.1 EDN: PTKXTV

   Boshno S.V. The Hirsch Index as an Indicator of Doctrinality (Based on the Results of Sociological Surveys*) Pravo i sovremennye gosudarstva*. 2023. No. 6. P. 9–22. DOI: 10.14420/ru.2023.6.1 (In Russ.)

7. *Драпкина О.М., Поддубская Е.А., Розанов В.Б., Гасанова Л.Г.* Влияние пола, возраста и стажа работы на показатели результативности научной деятельности работников медицинских исследовательских учреждений // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2021. № 7. С. 153–262. DOI: DOI: 10.15829/1728-8800-2021-2960 EDN: EUBRUO

   Drapkina O.M., Poddubskaya E.A., Rozanov V.B., Gasanova L.G. The influence of gender, age, and length of service on the performance indicators of scientific activities of employees of medical research institutions. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika*. 2021. No. 7. P. 153–262. DOI: 10.15829/1728-8800-2021-2960 (In Russ.)

8. *Ефимова Г.З.* Анализ эффективности наукометрических показателей при оценке научной деятельности // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 101–108.

   Efimova G.Z. Analysis of the effectiveness of scientometric indicators in assessing scientific activity. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 8. P. 101–108. EDN: PHNWGV (In Russ.)

9. *Зарубина Н.Н., Карпова Д.Н., Капитоненкова Т.Д.* Наука и высшая школа перед вызовами современности: стратегии и перспективы развития (размышления по итогам научно-практической конференции) // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 4. С. 230–237. DOI: DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.10 EDN: VZKNDK

   Zarubina N.N., Karpova D.N., Kapitonenkova T.D. Science and higher school facing the challenges of modernity: strategies and prospects for development. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2025. No. 4. P. 230–237. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.10 (In Russ.)

10. *Луценко Е.В., Орлов А.И.* Количественная оценка степени манипулирования индексом Хирша и его модификация, устойчивая к манипулированию // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 121. С. 202–234. DOI: 10.21515/1990-4665-121-005 EDN: WWSKJN

    Lutsenko E.V., Orlov A.I. Quantitative assessment of the degree of manipulation of the Hirsch index and its modification resistant to manipulation. *Politematicheskii setevoi ehlektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2016. No. 121. P. 202–234 DOI: 10.21515/1990-4665-121-005. (In Russ.)

11. *Мертон Р.* Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. № 3. С. 256–276.

    Merton R. The Matthew Effect in Science II: accumulation of advantages and the symbolism of intellectual property. *THESIS*. 1993. No. 3. P. 256–276. (In Russ.)

12. *Михайлов О.В., Михайлова Т.И.* «Хиршеметрия» в казанском национальном исследовательском технологическом университете // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 18. С. 338–341. EDN: OJKCSL

    Mikhailov O.V., Mikhailova T.I. "Hirshemetry" at the Kazan National Research Technological University. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2011. No. 18. P. 38–341. (In Russ.)

13. *Новиков Д.А.* Померяемся «хиршами»? (размышления о наукометрии) // Высшее образование в России. 2015. № 2. С. 5–13. EDN: TMGBSX

    Novikov D. A. Let's measure "hirschs"? (reflections on scientometrics*). Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2015. No. 2. P. 5–13. (In Russ.)

14. *Носкова А.В., Голоухова Н.В., Кузьмина Е.С.* Статусные позиции и научный капитал ученых в российской науке // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 88–99. DOI: DOI: 10.31857/S0132162524010087 EDN: IPTWOW

Noskova A.V., Goloukhova N.V., Kuzmina E.S. Status positions and scientific capital of scientists in Russian science. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024. No. 2. P. 88–99. DOI: 10.31857/S0132162524010087 (In Russ.)

15. *Романов Д.А., Попова О.Б., Арефьева С.А.* Диагностика качества публикаций научных работников // Электронный сетевой политематический журнал Научные труды КубГТУ. 2016. № 2. С. 189–205. EDN: VOTTRJ

    Romanov D.A., Popova O.B., Arefeva S.A. Diagnostics of the quality of publications of scientific workers. *Ehlektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal Nauchnye trudy KubGTU*. 2016. No. 2. P. 189–205. (In Russ.)

16. *Рубинштейн А.Я.* Государственный патернализм: наукометрический провал // Journal of Institutional Studies. 2021. Т. 13. № 3. С. 20–36. DOI: DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.020-036 EDN: PTWFBB

    Rubinstein A.Ya. State Paternalism: A Scientometric Failure. *Journal of Institutional Studies*. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 20–36. DOI: DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.020-036 (In Russ.)

17. *Собкин В.С., Андреева А.И., Рзаева Ф.Р.* К вопросу о содержательной валидности индекса Хирша // Ценности и смыслы. 2018. № 6. С. 97–113. DOI: 10.24411/2071-6427-2018-10043 EDN: YSREBN

    Sobkin V.S., Andreeva A.I., Rzaeva F.R. On the content validity of the Hirsch index. *Tsennosti i smysly*. 2018. No. 6. P. 97–113. DOI: 10.24411/2071-6427-2018-10043 (In Russ.)

18. *Спасенников В.В.* Сравнительный анализ публикационной активности отечественных психологов и эргономистов с использованием показателей цитируемости // Эргодизайн. 2021. № 4. С 235–249. DOI: DOI: 10.30987/2658-4026-2021-4-235-249 EDN: EBAWPB

    Spasennikov V.V. Comparative analysis of the publication activity of domestic psychologists and ergonomists using citation indicators. *Ergodizayn*. 2021. No. 4. P. 235–249. DOI: 10.30987/2658-4026-2021-4-235-249 (In Russ.)

19. *Супонина Е.А.* Накручивание индекса цитирования как одно из проявлений академической недобросовестности (на примере образовательных организаций МВД. России // Синергия. 2017. № 6. С. 50–58. EDN: XOQVVB

    Suponina E.A. Citation index inflation as one of the manifestations of academic dishonesty (using the example of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia). *Sinergiya*. 2017. No. 6. P. 50–58. (In Russ.).

20. *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Фетишизм статистики: количественная оценка вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3. № 3. С. 7–23. EDN: PNCFEZ

    Yurevich A.V., Tsapenko I.P. Fetishism of statistics: quantitative assessment of the contribution of Russian social and humanitarian science to the world. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2012. Vol. 3. No. 3. P. 7–23. (In Russ.)

21. Hirsch J.E. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2005. Vol. 15. P. 16569–16572. DOI: 10.1073/pnas.0507655102

Статья поступила в редакцию: 27.01.2026; поступила после рецензирования и доработки: 07.03.2026; принята к публикации: 13.03.2026.

Received: 27.01.20226; revised after review: 07.03.2026; accepted for publication: 13.03.2026.

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.6
EDN: LQYTTR

Е.И. МАРИНИНА[1]

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

Аннотация. В статье представлены результаты качественного исследования влияния долгосрочной международной мобильности на профессиональную деятельность исследователей социальных и гуманитарных наук. На фоне глобального роста конкуренции за человеческий капитал мобильность ученых стала неотъемлемой чертой современного академического ландшафта. Однако, в отличие от STEM-дисциплин, специфика социальных и гуманитарных наук, включая языковые барьеры, контекстуальную укорененность и локальность академических рынков, создает дополнительные вызовы для их адаптации и профессионального развития после мобильности.

Анализ опирается на теорию «трех карьер ученого» (когнитивной, организационной и карьеры в сообществе) Й. Глэзера и Г. Лаудель. Использование данного подхода позволяет обнаружить, что переезд затрагивает эти карьерные измерения неравномерно: организационная карьера оказывается тесно связанной с национальным и локальным контекстами, карьера в сообществе зависит от разветвленности социальных и профессиональных связей и уровня международного признания, когнитивная — определяется универсальностью компетенций. Эмпирическая база состоит из 21 глубинного интервью с российскими исследователями социальных и гуманитарных наук, уехавшими из России и живущими за рубежом более одного года.

Были выявлены три ключевые стратегии адаптации после мобильности и связанные с ними последствия для профессиональной деятельности исследователей: «пересборка» сети контактов; реконфигурация профессионального развития (уход в прикладные исследования или переквалификация); переход на менее квалифицированные позиции. Анализ показывает, что долгосрочная мобильность может как стимулировать профессиональный рост, так и вести к депрофессионализации, стагнации когнитивной карьеры и к потере социального капитала. Результаты подчеркивают необходимость разработки адресных мер поддержки для мобильных исследователей в социальных и гуманитарных науках с учетом их карьерной ступени и дисциплинарной специфики.

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-014) под кураторством Нефедовой Алены Игоревны, кандидата социологических наук, ведущего научного сотрудника Лаборатории экономики и инноваций Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ключевые слова: международная мобильность исследователей; социальные и гуманитарные науки; адаптационные стратегии; последствия для профессиональной деятельности; теория «трех карьер ученого».

Для цитирования: *Маринина Е.И.* Международная мобильность исследователей социальных и гуманитарных наук: стратегии адаптации и последствия для профессиональной деятельности // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 98–120. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.6 EDN: LQYTTR

Введение

За последние два десятилетия международная мобильность исследователей стала определяющей характеристикой современного рынка труда, вызывая активные дискуссии о ее преимуществах, рисках и влиянии на профессиональное развитие [25; 31]. В условиях глобальной конкуренции за человеческий капитал государственные стратегии часто направлены на привлечение высококвалифицированных специалистов [24; 34]. Однако входящая мобильность может создавать напряженность на локальных рынках труда, а исходящая — ослаблять научный потенциал стран [29; 30; 33; 37].

В качестве позитивных аспектов влияния мобильности подчеркивается ее роль трансфера знаний, содействующего расширению профессиональных сетей, интеграции национальной науки в глобальные процессы [19; 21; 43]. Однако среди исследователей нет единого мнения о преимуществах и недостатках долгосрочной мобильности на индивидуальном уровне. С одной стороны, благодаря долгосрочной мобильности наращивается исследовательский капитал ученых [39]. Пребывание в новой среде может способствовать пересмотру профессиональных подходов и жизненных ценностей, расширению культурных горизонтов, повышению уровня адаптивности [1]. Исследователи могут повысить свою продуктивность, расширить научные компетенции и круг контактов [35]. С другой стороны, международная мобильность ассоциируется с рисками, неопределенностью в карьере и утратой социальных связей в стране происхождения [23]. Нередко желание продемонстрировать высокую продуктивность приводит к эмоциональному выгоранию мобильных ученых [44].

Стоит отметить, что исследователи являются специфичной профессиональной группой: их карьерное становление и развитие неразрывно связаны с принадлежностью к профессиональному сообществу, которое формирует рабочую среду. Связь оказывается настолько тесной, что специалисты могут многие годы оставаться на одном и том же месте работы. По данным экспертов, большинство российских ученых и преподавателей (83%) никогда не меняли место работы [12].

Наиболее чувствительны к карьерным изменениям ученые в области социальных и гуманитарных наук. Представители данной категории гораздо реже участвуют в программах международной мобильности [4], получают меньше всего позитивных эффектов при переезде [13]. Они менее востребованы за рубежом, чем ученые в области естественных и технических наук [36].

Мобильность исследователей в области социальных и гуманитарных наук затрудняется по нескольким причинам. Глубокое понимание социального контекста, высокий уровень владения языком являются необходимыми условиями

успешного проведения исследования, что ограничивает ученого в выборе изучаемого объекта [17; 41]. Для этих наук характерна высокая степень закрытости локальных профессиональных кругов, что затрудняет адаптацию и трудоустройство специалистов в новой стране, ограничивает публикационные возможности [40]. Поиск работы по специальности может стать проблемой из-за отсутствия подходящих вакансий, что характерно для социальных и гуманитарных наук в целом, особенно для академического рынка [26]. Кроме того, в отличие от обширного массива исследований по мобильности ученых естественно-научных и технических областей (STEM) [46], специфика долгосрочной мобильности представителей социальных и гуманитарных наук изучена недостаточно [28]. Данная работа призвана восполнить этот пробел, предлагая комплексный анализ адаптационных стратегий и влияний международной мобильности на профессиональную деятельность исследователей социальных и гуманитарных наук.

Актуальность данной темы обусловлена также внутристрановым контекстом, так как в последние годы наблюдается значительная трансформация в направлениях и контрагентах международного сотрудничества. При этом с 2022 г. неинституционализированная исходящая мобильность в ответ на геополитическую ситуацию усилилась [9]. По некоторым оценкам, возникла новая волна эмиграции научных кадров, сопоставимая по объемам с волной 1990-х годов [6; 16]. Как отмечают эксперты, исследователи, работавшие в России в иностранных организациях или в тех, где предполагалось зарубежное сотрудничество, оказались в состоянии неопределенности [10]. Эта неопределенность, как и опасения изоляции российской науки, ограничения академических свобод, спровоцировала отъезд многих представителей социальных и гуманитарных наук [5; 15; 20]. При этом данная волна отъезда обозначается экспертами как «специфическая» в силу ее спонтанности и преобладания профессиональных мотивов в качестве факторов отталкивания над традиционными экономическими причинами [2; 5; 32].

Новая волна эмиграции после 2022 г. отличается высокой гетерогенностью. Исследовательские выводы при изучении данного явления разнятся в оценках мотивов отъезда и степени влияния политического фактора: в ряде работ политический аспект обозначается в качестве ключевого [2; 32; 42], однако в других показано, что решения об отъезде имеют неполитическую основу (в частности, стремление сохранить карьерную траекторию, продолжить работу в условиях разрыва международных связей, ограничений технологической инфраструктуры и т. д.) [5; 18]. Расходятся эксперты и во мнениях об уровне сплоченности уехавших: одни из них свидетельствуют о слабо совместимых коллективных идентичностях и высокой степени внутренней фрагментации у эмигрантов [8], другие, напротив, отмечают возможную общность «глобальных россиян» [14; 32]. По вопросу поддержания связи с Россией также нет единомыслия: согласно некоторым интерпретациям целью является формирование альтернативной повестки у «оставшихся» [45]; при этом в большинстве работ, посвященных новой волне эмиграции, подчеркиваются психологические и социальные факторы в стремлении оставаться в тесной связи с российским сообществом [2; 7; 14].

Исходя из этого, актуальность исследования усиливается контекстуальной возможностью проанализировать профессиональную трансформацию наименее мобильной категории исследователей после переезда в другую страну в рамках новой — весьма специфической — миграционной волны.

В статье рассматриваются адаптационные стратегии ученых в области социальных и гуманитарных наук в ходе долгосрочной международной мобильности и соответствующие последствия для их профессиональной деятельности через призму трех карьерных измерений.

Три карьерных измерения исследователя

Теоретической базой исследования выступает *теория «трех карьер ученого»* (The Three-careers of an Academic), разработанная Йохеном Глэзером и Грит Лаудель [27]. Данная концепция возникла как альтернатива традиционным моделям, оценивающим научную карьеру через призму формальных критериев: количество публикаций, уровень занимаемых позиций и т. д. Авторы утверждают, что профессиональное развитие современного исследователя — многомерный и нелинейный процесс, одновременно разворачивающийся в трех взаимосвязанных, но автономных карьерных измерениях. Остановимся на каждом из них подробнее.

Когнитивная карьера (*Cognitive Career*) связана с производством и накоплением научного знания. Она отражает развитие ученого как профессионала: формирование его интеллектуального потенциала, уровня фундаментальной экспертизы; владение методологическим инструментарием и способность генерировать новые идеи. Ключевыми элементами выступают: уровень развития исследовательских компетенций и качество результатов, вовлеченность в актуальную повестку и др. Следует отметить, что мобильность может как активировать когнитивную карьеру за счет получения доступа к новым инфраструктурным и технологическим возможностям, так и привести к кризису, если исследователь не смог найти работу, соответствующую уровню своей экспертизы и тематического профиля.

Под *организационной карьерой* (*Organizational Career*) понимается формальная, институциональная сторона, связанная с занимаемой ученым позицией, должностью в организационной иерархии. Это наиболее очевидный и легко измеряемый критерий, индикаторами которого являются статус, уровень полномочий и ответственности, доступ к ресурсам, а также критерий стабильности (наличие постоянной позиции или временного контракта). Мобильность представляет наибольший риск для данного карьерного измерения, так как при переезде ученый может столкнуться с понижением организационного статуса из-за старта с более низкой позиции, лишения полномочий руководителя или академического веса. Получить постоянную позицию в новой стране весьма сложно, особенно это касается академического сектора занятости, что является дополнительным источником стресса.

Наименее формальным из трех карьерных измерений является *карьера в сообществе* (*Community Career*), которая определяется местом и ролью ученого в профессиональной сети. В зависимости от характера (национальная, глобальная) и степени разветвленности этой сети определяется статус исследователя. Принадлежность к закрытым экспертным кругам, неформальный авторитет и международное признание расширяют его карьерные возможности, а также позволяют минимизировать негативные эффекты при долгосрочной мобильности. Однако в ходе адаптации в новой среде ученые могут испытывать большие проблемы, связанные с болезненной «пересборкой» социального капитала: потерей одних сетей и постепенным построением других.

Необходимо подчеркнуть нелинейность развития в данных карьерных измерениях. Мобильность усиливает эти противоречия: исследователь может пожертвовать стабильной занятостью и высокой должностью ради когнитивного развития и расширения профессиональной сети. Таким образом, в рамках данной статьи теория «трех карьер ученого» предоставляет не просто перечень категорий, а динамическую систему координат, позволяющую провести всесторонний анализ влияния мобильности на профессиональную деятельность исследователей, диагностировать амбивалентные последствия, выходящие за рамки бинарных оценок (успех/неудача). В результате можно определить, какие аспекты профессиональной жизни ученого оказываются наиболее уязвимыми, а какие, напротив, усиливаются в ходе мобильности.

Методология

В исследовании использовался качественный подход. Сбор данных был реализован в период с 11 января 2024 г. по 3 мая 2025 г. при помощи такого механизма поиска информантов, как «снежный ком». В финальную базу вошло 21 глубинное полуструктурированное интервью. Критериями отбора информантов выступали: 1) занятость в исследовательской сфере (академический или неакадемический сектор)[2]; 2) дисциплинарная принадлежность к социальным или гуманитарным наукам; 3) наличие недавнего опыта долгосрочной международной мобильности[3]. Стоит отметить, что данные позволили охватить различные с географической точки зрения направления мобильности: в выборке представлены кейсы переезда в 16 принимающих стран как ближнего, так и дальнего зарубежья (см. табл. 1 Приложения). Страновая выборка во многом соответствует общей географии новой волны эмиграции после 2022 г. [16].

Итоговая выборка включает 15 женщин и 6 мужчин[4]; 14 — из академического, 7 — из неакадемического сектора[5]. На момент проведения исследования 11 информантов были в статусе начинающих исследователей, 10 являлись ведущими исследователями с многолетним опытом работы. Все интервьюируемые работают в области социальных и гуманитарных наук и рассматриваются как единая совокупность, из них 5 — представители гуманитарных наук, 16 — социальных наук (см. табл. 2 Приложения). В выборку вошли респонденты, уехавшие в 2022 г. и позже.

---

[2] Под академическим сектором понимается работа в области фундаментальных исследований в научных организациях, под неакадемическим — работа в сфере прикладных исследований в корпоративном секторе.

[3] Под долгосрочной международной мобильностью подразумевается отъезд ученых в другую страну — в целях учебы или работы — на срок более 2 лет [3], однако ввиду небольшой временной дистанции от даты фактического отъезда до проведение полевого этапа исследования, а также с учетом «специфики» самой волны отъезда [2; 5; 18] критерий был смягчен — в выборку включены уехавшие российские исследователи, постоянно проживающие за рубежом более одного года.

[4] Несмотря на то что более мобильной группой являются мужчины [4], среди представителей социальных и гуманитарных наук наблюдается существенный гендерный сдвиг в пользу женщин [11], в связи с этим выборку можно считать репрезентативной по данному критерию.

[5] Смена сектора в ходе мобильности зафиксирована в таблице 2 Приложения.

В ходе исследования было отмечено несколько методических сложностей при сборе качественных данных. Доступ в поле оказался специфичным: информанты, найденные при помощи личных контактов, откликались достаточно активно, однако «холодные» контакты, выход на которые осуществлялся посредством социальных сетей, электронной почты, не принесли отклика или привели к прямому отказу от участия в исследовании.

Ввиду высокой чувствительности темы и небольшой временной дистанции проведение интервью оказалось сложным и эмоционально затратным процессом для информантов и для интервьюера. В связи с этим был использован слабоструктурированный гайд, после пилотажного исследования ряд вопросов были исключены или переформулированы; некоторые информанты в целом преподносили свои истории в формате свободных нарративов, а важные моменты уточнялись при помощи дополнительных вопросов. Кроме того, короткая временная дистанция между фактическим отъездом и моментом проведения интервью позволяет проанализировать стадию адаптации, зафиксировать эффекты мобильности на профессиональную деятельность исследователей на начальном этапе. Однако не представляется возможным рассматривать полученные данные в качестве информативных свидетельств об устоявшихся карьерных трансформациях уехавших исследователей.

Для анализа качественных данных применялось тематическое кодирование [38]. Основные категории были заданы логикой исследовательских вопросов и тематикой гайда интервью. В итоговую систематизацию вошли 15 категорий, связанных со следующими смысловыми блоками: предыдущий опыт работы и карьерное положение; мотивы, контекст отъезда; факторы выбора новой страны; процесс поиска работы в новой стране, включая каналы трудоустройства; барьеры и способы решения возникающих проблем; оценка нового места работы (удовлетворенность карьерной позицией, соответствие области науки, сектору, специальности, уровню компетенций и т. д.); позитивные и негативные эффекты мобильности на профессиональную деятельность; оценка перспектив дальнейшего профессионального развития и планы на будущее. При анализе данных информация об интервьюируемых была ограничена следующим набором значимых параметров: пол, карьерная ступень, область науки, сектор занятости (до и после мобильности)[6]. Эти характеристики оказались содержательно важными при анализе специфики долгосрочной мобильности. Все это позволило типологизировать ключевые адаптационные стратегии переезда и оценить их влияние на профессиональную деятельность исследователей. Эффекты от долгосрочной мобильности представителей социальных и гуманитарных наук интерпретированы в разрезе теории «трех карьер ученого».

Основные результаты

В ходе исследования обнаружено, что адаптационные стратегии, которых придерживаются ученые в области социальных и гуманитарных наук в условиях долгосрочной мобильности, можно описать как разные способы «сборки» трех карьерных измерений, оказывающих различное влияние на их профессиональную деятельность.

[6] В случае, когда исследователь менял место работы в ходе мобильности, в подписи цитат для обозначения сектора занятости используется знак «→», если же продолжил работать в той же организации, указывался только один сектор.

Восстановление сетей и сохранение профессиональной деятельности

Первая из выявленных стратегий долгосрочной мобильности ориентирована на сохранение профессионального вектора, при этом продолжение работы в рамках специальности выступает принципиальным, определяющим фактором.

Основным ресурсом в рамках данной стратегии выступает карьера в сообществе: после переезда исследователи целенаправленно предпринимают попытки формирования новых социальных связей, с помощью которых они получают доступ к локальному контексту, расширяют возможности для потенциального сотрудничества и в перспективе получают доступ к постоянным позициям и грантам. Для исследователей социальных и гуманитарных наук это особенно важно, так как они ставят перед собой задачу не только легитимировать свой экспертный статус, но и изучить, как устроен локальный социальный контекст в новой стране. Для достижения этой цели они активно включаются в профессиональную и социальную жизнь, реализуют различные — в том числе нестандартные — стратегии адаптации в новой стране. Так, для одного из исследователей инструментом познания социальной среды стал импровизационный театр.

«Когда я переехал, у меня была четкая мотивация на поиск новых знакомых. Быть среди людей. Для этого я пошел в импровизационный театр. <…> Я понимал, что в клубке коллектива получу правильное ощущение жизни. Перформансы пронизаны местной фактурой, люди рассказывают про то, что происходит именно вот тут и сейчас. Очень быстро приходит чувство контекста, осознание, где ты вообще оказался» (муж., ведущий исслед., соц. науки, академ. → неакадем. сектор).

Реконструкция связей может реализовываться посредством как актуализации прежних рабочих контактов, так и установления неформальных знакомств, напрямую не связанных с профессиональной деятельностью.

«Я приехал, просто стал знакомиться с контекстом: ходить по старым друзьям, знакомым, общаться, вместе тусить. И в какой-то из дней мой хороший друг скидывает объявление о наборе в школу социологов… <…> говорят, ребята хорошие, и я пошел ради интереса, так и устроился» (муж., начинающий исслед., соц. науки, академ. → академ. сектор).

Таким образом, исследователи проводят осознанную работу по внедрению в новую среду. Подобная социализация является необходимым условием профессионального становления, поскольку многие исследовательские темы, проблематики и методы опираются на знание контекста — институционального, культурного и языкового. Погружение в среду становится не дополнительной задачей, а условием сохранения когнитивной карьеры, без которого оказывается сложнее получить доступ к данным, понять исследовательскую «повестку» принимающей страны и продолжать карьерное развитие.

«В Казахстане официальный язык русский, проблемы в бытовом плане нет. Но в профессиональном плане мне казахский очень нужен для того, чтобы лучше понимать контекст. Например, когда запускаем опрос, мы запускаем его на двух языках. И когда переводчик делает перевод анкет, я не могу проверить, правильно ли он понял. Мы выявляли, что одно и то же слово может передаваться по-разному» (жен., ведущий исслед., соц. науки, неакадем. → неакадем. сектор).

На уровне организационной карьеры стремление сохранить профессиональную деятельность нередко приводит к стратегии поддержания изначального места работы в удаленном формате. В целом жизнь по принципу «цифровых кочевников» [22] — популярное и весьма распространенное явление. Один из информантов отмечал, что сама специфика исследовательской деятельности предоставляет широкие возможности для удаленной работы.

«Кабинетными исследованиями и преподаванием можно заниматься в общем-то где угодно — хоть в Бишкеке, хоть на Бали, независимо от всего» (муж., начинающий исслед., соц. науки, академ. сектор).

Более того, мобильность способствует когнитивному росту исследователей.

«В этом особенности исследователя: что в одном контексте, в другом контексте — от этого только твои исследования становятся лучше» (жен., начинающий исслед., соц. науки, академ. → академ. сектор).

Однако стратегия сохранения работы в дистанционном формате имела различные последствия. Некоторые исследователи продолжали работать в удаленном режиме, они отмечали, что их личный KPI не уменьшился, а формат работы не представлял серьезных ограничений, так как практика онлайна была апробирована в период пандемии COVID-19:

«Я продолжила работу с той же продуктивностью. Не могу припомнить какие-то изменения. Реальные сложности были с введением дистанционки во время ковида; после все уже адаптировались к удаленной работе, и очень многие вещи онлайн эффективно проходят, к примеру, общение с дипломниками или аспирантами» (жен., ведущий исслед., соц. науки, академ. сектор).

В связи с сохранением работы в России некоторые из исследователей не предпринимали попыток поиска нового места работы за рубежом или же после неудачной попытки рассылки резюме задумались о возвращении в Россию.

Для других дистанционная работа в российских организациях выступала «буфером», который позволял преодолеть неопределенность и компенсировать негативные эффекты от переезда, не приостанавливая профессиональную деятельность. Ученые данной категории параллельно с удаленной работой предпринимали активные попытки поиска работы по специальности в новой стране. Следует отметить, что для социальных и гуманитарных наук, в частности для представителей академического сектора, возможность продолжения научной деятельности часто зависит от того, удается ли «перевести» предметную область и данные в релевантный для принимающего сообщества контекст. Ученые, которым удалось «переупаковать» исследовательскую тему или актуализировать ее глобальный контекст, смогли устроиться на программы PhD, получить гранты и в отдельных случаях — академические позиции как продолжение профессиональной стратегии.

«Я бесконечно писала заявки на PhD, и пока я не понимала, как здесь всё устроено, я не понимала, почему не получаю ответа. <…> В России моя работа строилась вокруг узкой области, которой я занималась. Здесь довольно специфичная школа социологии. И многие занимаются тем, что мне кажется умопомрачительно скучным, но пришлось подстроиться» (жен., начинающий исслед., соц. науки, академ. → академ. сектор).

Несмотря на издержки, связанные с мобильностью (в организационном плане и необходимость «пересборки» социальных связей в новой стране), трудоустройство на исследовательскую позицию указывается в качестве самого желанного результата: ученые, получившие гранты, оценивают свою карьерную ситуацию как успешную.

«*Понижение статуса неизбежно происходит. Но я знаю, что многие коллеги мне завидуют. Действительно, у меня еще хорошо все сложилось, потому что в своем профиле остался, позицию, пусть и временную, в Швейцарии получил*» (муж., ведущий исслед., гум. науки, академ. → академ. сектор).

При этом получение даже временного контракта в зарубежной академии сопровождается значительными барьерами и оказывается возможным только в исключительных случаях. Для многих информантов такая стратегия предполагала постоянную смену грантов.

«Когда мы уезжали, я поняла, что постоянной работы не будет. Будет хорошо, если мы с одной стипендии перепрыгнем на другую, из одной страны переедем в следующую — туда, где будет работа» (жен., ведущий исслед., гум. науки, академ. → академ. сектор).

Осознавая временный характер занятости, ученые стремились подавать заявки одновременно на несколько программ, параллельно пытаясь найти ставку на постоянную должность, что усиливало их тревожность и препятствовало укреплению связей и адаптации в новой стране[7].

Для исследователей из неакадемического сектора наиболее эффективной практикой сохранения профессиональной деятельности выступила релокация вместе с организацией, в том числе перевод в зарубежные филиалы компании. В данном случае значимой была установка на сохранение организационной составляющей карьеры в сообществе — места работы и сети корпоративных контактов, которые играют важную роль в жизни исследователей неакадемического сектора.

«Я уехала из-за компании, мне было все равно куда — я уезжала вместе с коллегами» (жен., начинающий исслед., соц. науки, неакадем. сектор).

При релокации негативные эффекты мобильности сглаживаются за счет институциональной поддержки — наличие корпоративных контактов и рабочих связей позволяет ускорить процесс адаптации.

«Я изначально не хотела переезжать, но теперь вижу в этом решении плюсы, к тому же нам помогает компания во многом, берет многие юридические вопросы на себя, закрывает финансовые проблемы» (жен., ведущий исслед., соц. науки, неакадем. сектор).

Отъезд вместе с компанией в ряде случаев не только позволил сохранить свою рабочую позицию, но и содействовал карьерному и личностному развитию. Так, одна из информанток отмечала, что релокация открыла новые возможности для организационного роста.

---

[7] Только одному из четырнадцати интервьюируемых (из числа академических исследователей) удалось найти постоянную позицию в новой стране (без смены сектора) на момент проведения исследования.

«Есть шанс, что меня включат в команду, которая сейчас работает в Лондоне. До этого и мечтать о таком не могла» (жен., начинающий исслед., соц. науки, неакадем. сектор).

Реконфигурация профессиональной деятельности

Вторая стратегия характерна в ситуации, когда сохранить прежнюю связку трех карьер не удается: доступ к локальным профессиональным сетям оказывается ограничен, постоянные позиции в принимающей стране недоступны, а имеющиеся навыки и результаты работы слабо конвертируются в новых условиях.

«В какой-то момент поняла, что искать работу по профилю — как кидать вещи в колодец и не слышать стука, в общем, бессмысленно. Я стала думать о том, как я могу себя здесь переделать с точки зрения моей специальности, российского образования» (жен., начинающий исслед., гум. науки, неакадем. → неакадем. сектор).

В ответ на кризис исследователи предпринимают действия, направленные на «пересборку» своей профессиональной деятельности: переход в другой сектор занятости или же расширение компетенций и методологического инструментария.

А. Поворот к прикладной, контекстно-нейтральной исследовательской деятельности

Первое направление «пересборки» предполагает переход от фундаментальных исследований к прикладным, что может выражаться в смене тематического вектора, сектора занятости (уход из академии) или в переключении с исследовательской деятельности на административную либо консалтинговую работу.

В ходе международной мобильности востребованными оказываются прежде всего специалисты в универсальных фундаментальных темах или в методологических исследованиях, тогда как высокий уровень экспертизы в узкой области, непосредственно связанной с российским контекстом и полем, по мнению самих информантов, хуже конвертируется в новой среде. Столкнувшись с трудностями при поиске релевантной позиции и небольшим количеством вакансий, исследователи склонны рассматривать мобильность как возможность для профессиональных перемен. Наблюдается переориентация на рынки, где спрос на компетенции представителей социальных (и реже — гуманитарных) наук высокий и меньше зависит от локальных национальных особенностей и бюрократического процесса.

«Для работы в местном вузе потребуется легализация документов, то есть слишком много усилий нужно, и не факт, что получится. Решил, что более релевантно себя реализовать в области местных маркетинговых, практикоориентированных исследований, тем более все необходимые для этого навыки у меня есть» (муж., ведущий исслед., соц. науки, академ. → неакадем. сектор).

Сдвиг к прикладной, контекстно-нейтральной работе чаще описывался информантами как прагматический способ конвертации исследовательских навыков (знание инструментов и методов проведения исследований, экспертизы и др.) в рыночные форматы (аналитика данных, оценка программ, исследования аудитории, консалтинг, подготовка отчетов для бизнеса и НКО).

Однако переход из академического в неакадемический сектор сопровождается некоторыми издержками, связанными в том числе со сложностью быстрого «перезапуска» карьеры в новой стране. Это особенно характерно для состоявшихся специалистов с развитой организационной карьерой и многолетним опытом работы. Одна из ведущих ученых, которой в связи с отсутствием релевантных вакансий в зарубежной академии пришлось трудоустроиться в бизнес-сектор, описывала последствия мобильности как понижение профессионального статуса и «схлопывание» академической части жизни.

«Я снизила профессиональный градус, у меня нет административной нагрузки, нет преподавания. Сейчас я занимаюсь социологией на стороне индустрии, но вещами, очень похожими на то, что я делала, например, в университете. Но, безусловно, у меня значительное сокращение активности, академическая часть жизни сошла на нет» (жен., ведущий исслед., соц. науки, академ. → неакадем. сектор).

Смена сектора в ходе мобильности на первом этапе означает разъединение когнитивной карьеры от карьеры сообщества: исследовательские навыки продолжают развиваться, а репутацию и социальные связи приходится выстраивать заново.

«Мне, как и большинству людей, приходится начать с более низкого старта. Мои экспертные подвиги здесь обнуляются. <…> Я исхожу из того, что деньги в консалтинге, в частном секторе – их больше, чем в академии, и в конечном счете это является приоритетом. Поэтому мне нужно по новой всего добиваться, создавать себе имя, и, конечно, это годы упорной работы» (муж., ведущий исслед., соц. науки, академ. → неакадем. сектор).

В долгосрочной перспективе возможно сохранение (или даже ускорение) организационной карьеры в новом секторе при существенной перестройке профессиональных связей и целей. Отметим, для исследователей, только начинающих карьерное становление, смена сектора сопряжена с меньшими издержками, чем для ведущих исследователей, «обнуление» карьеры которых несет риски профессиональной фрагментации и последующего кризиса.

Для представителей неакадемического сектора поиск места работы в ходе мобильности тоже оказывается трудоемкой задачей из-за дефицита вакантных позиций и специфики местного рынка труда, выраженной в различии требований к уровню компетенций и в характере задач по аналогичным должностным профилям. В связи с этим им также приходится «переупаковывать» свою профессиональную деятельность для трудоустройства в новой стране.

«Я потратила немало сил, прежде чем нашла работу. Изначально я стала подаваться по ключевым словам из моей должности и столкнулась с тем, что то, чем я занималась в компании Z в России, — это совершенно другие функции, чем то, что здесь [в Нью-Йорке] *подразумевается под этой должностью. К тому же здесь бешеный конкурс, и половина из имеющихся вакансий — это уже вакансии, скажем так, с выбранными кандидатами»* (жен., начинающий исслед., гум. науки, неакадем. → неакадем. сектор).

Б. Переквалификация, приобретение новых навыков

Второе направление профессиональной «реконфигурации» связано с переквалификацией и предполагает целенаправленное освоение новых навыков, которые выступают более универсальными и востребованными на рынке труда (например, data science — анализ данных, освоение языков программирования, ИИ-инструментов). Данная стратегия свойственна молодым исследователям, которые стремятся восстановить организационную карьеру через перезапуск когнитивного измерения; по мнению информантов, расширение компетенций повышает их шансы на трудоустройство и снижает зависимость от конкретной специальности и социального контекста.

Отметим, что некоторые исследователи принимали решение о переквалификации в ответ на кризис профессиональной реализации, связанный с эмоциональной перегрузкой.

«Сейчас получается так, что я не чувствую себя достаточно хорошим специалистом, чтобы найти постоянную работу в Европе. Проекты, в которые я включена, дают мне "отсрочку" на полгода, когда мне не надо принимать глобальные решения о смене карьеры. В своей ситуации я вижу единственным шагом — подучить Python и пойти работать дата-аналитиком» (жен., начинающий исслед., соц. науки, академ. → неакадем. сектор).

Для исследователей из социальных и гуманитарных наук переквалификация становится вынужденным ответом на двойной вызов. С одной стороны, они сталкиваются со сложностью поиска работы в рамках своей предметной области, что препятствует дальнейшему развитию их когнитивной карьеры, особенно когда доступ к источникам данных оказывается ограниченным после мобильности. В такой ситуации исследователи стремятся приобрести новые навыки, обучиться цифровым методам, улучшить управленческие навыки, знание иностранных языков и др., чтобы «переупаковать» свой когнитивный капитал под более широкий спектр возможных организационных позиций.

С другой стороны, языковые барьеры и закрытость профессиональной среды замедляют восстановление карьеры в сообществе, при этом в случае утраты контактов с бывшими коллегами после переезда исследователь рискует стать «невидимым» в профессиональных кругах. Освоение навыков в этой логике выступает попыткой компенсировать дефицит социального капитала в новой стране путем повышения универсальности своих компетенций. Отметим, что переквалификация также является попыткой интеграции в новые сети через формальные «входные билеты»: образовательные программы, сертификации, стажировки и др. Это позволяет частично компенсировать дефицит слабых связей и снижает зависимость от узкого круга контактов в новой стране.

Переход на низкоквалифицированные позиции (депрофессионализация)

Третье направление представляет наиболее проблемную стратегию адаптации, когда исследователи, не сумевшие найти работу по специальности, вынуждены заниматься деятельностью, которая не требует их высокого уровня квалификации. Наиболее общей тактикой для исследователей из академического сектора в данном случае был уход в преподавание в школах или

работа в учреждениях дополнительного образования. Специалисты стремились найти вакансии в близкой к ним предметной области, а те, кому это не удалось, устраивались преподавать русский язык как иностранный. Например, одна из информанток — востоковед указала, что благодаря личным связям ей удалось устроиться преподавателем китайского языка:

«Я устроилась здесь на работу только прошлой осенью в языковую школу, преподаю китайский язык. Исследовательскую деятельность пришлось забросить» (жен., начинающий исслед., гум. науки, академ. → неакадем. сектор).

Эта стратегия, в отличие от смены сектора или переквалификации, влечет вынужденное сокращение имевшихся навыков, что повышает потенциальные риски снижения в организационной карьере, сокращения профессиональных связей, обесценения имеющихся ресурсов в когнитивном измерении.

Отметим, что над решением о трудоустройстве на менее квалифицированную позицию задумывались не только начинающие, но и ведущие ученые, особенно представители гуманитарных наук (в силу специфики своих компетенций и тематик представители данной группы оказываются в более уязвимом положении, испытывая дополнительные трудности с профессиональной «пересборкой» в ходе мобильности). Отсутствие возможности долгосрочного планирования снижает карьерные перспективы, затрудняя организационный рост; частые переезды не позволяют сосредоточиться на росте когнитивной карьеры. В целом в связи с низкой мобильностью данной группы такие ритм и характер работы являются для них крайне нетипичными [4] и изматывающими. В интервью ведущие ученые признавались, что согласны на понижение карьерного статуса ради приобретения постоянной позиции.

«Я понимаю, что даже учительская позиция для меня была бы отличным вариантом. Если бы мне предложили должность преподавателя в хорошем лицее, то я бы согласилась» (жен., ведущий исслед., гум. науки, академ. → академ. сектор).

Необходимость постоянных переездов в поисках работы, отсутствие определенности оказывают негативное воздействие на исследователей, приводят к обесценению собственных профессиональных достижений, что повышает их лояльность к менее квалифицированной работе (в том числе с заметным снижением в когнитивном измерении).

В данном случае фиксируется одновременный разрыв во всех трех карьерных измерениях. Когнитивная карьера приостанавливается из-за отсутствия инфраструктурных возможностей и мотивации продолжать исследовательскую работу. Организационная карьера сужается до менее статусных, нередко временных позиций, не связанных с научной траекторией. Карьера в сообществе обрывается, потому что участие в профессиональных сетях требует ресурсов, которых у исследователей не остается. В связи с этим профессиональная деятельность оказывается под угрозой не только из-за потери статуса, но и в результате утраты «языка» общения с исследовательским сообществом. Отметим, что в случае социальных и гуманитарных наук грань между сменой сектора и депрофессионализацией проходит по линии возможности поддержания профессионального развития. Даже формально высококвалифицированная

занятость (например, преподавание) может переживаться как отказ от профессии, если она не позволяет продолжать исследовательскую работу и взаимодействовать с профессиональным сообществом.

Влияние мобильности на карьеру исследователей на разных этапах профессионального развития

В ходе исследования было выявлено качественное различие в оценке эффектов мобильности у начинающих и ведущих ученых. Начинающие карьеру информанты описывали мобильность как возможность для значительных личных и профессиональных трансформаций. Они подходили к поиску вакансий более гибко: рассматривали географически широкий перечь стран, в том числе предусматривали возможность последующего переезда в случае нахождения лучших условий работы; на начальном этапе соглашаясь на менее перспективные позиции, с меньшим объемом задач, релевантным уровню их компетенций. Также они использовали повышение квалификации и образование как социальный лифт — подавали заявки на участие в программах PhD и постдоков в зарубежные организации.

С точки зрения карьерных последствий такие практики давали преимущественно позитивный результат. В ходе мобильности многие информанты из числа молодых исследователей сумели не только найти работу по специальности, но и сохранили — а в некоторых случаях улучшили — свое положение: повысили должность, интегрировались в новую, более широкую профессиональную сеть, а также за счет разнообразного опыта работы усилили сквозные компетенции. Данная категория исследователей осталась довольна своим решением и видит для себя больше возможностей для карьерного развития за рубежом.

«Нидерландская академия гораздо ближе к ядру научного знания, чем в России. У меня есть возможность публиковаться в крупных журналах. Здесь через два рукопожатия получаешь ссылки на каких-то суперспециалистов и общаешься» (жен., начинающий исслед., соц. науки, академ. → академ. сектор).

Это можно объяснить тем, что степень интеграции начинающих исследователей в российскую науку и экономику до переезда была относительно низкой в силу небольшого опыта, поэтому негативные эффекты, связанные с разрывом контрактов, потерей статуса и предыдущих полномочий, оказались не столь существенными, что впоследствии облегчило процесс их адаптации и переориентации на построение карьеры в новой стране.

В свою очередь, ведущие исследователи, которые имели высокие позиции в России, оказались в абсолютно иной карьерной ситуации. Для данной группы мобильность оказалась не столько возможностью для потенциального роста, сколько испытанием их профессиональной деятельности. В связи с потерей высокого должностного статуса, вынужденным разрывом с национальным профессиональным сообществом, связи с которым складывались в течение многих лет, возникает необходимость заново завоевывать авторитет и приобретать репутацию в новой стране. За счет сложившихся международных связей ведущие исследователи имеют ряд привилегий в поиске работы и развитии карьеры за рубежом, в том числе в странах Европы и Америки. Однако в краткосрочной

перспективе после достаточно спонтанного переезда они вынуждены заниматься грантовой деятельностью из-за отсутствия вакантных мест на постоянные позиции в ведущих университетах и научных организациях. Временный характер трудовой занятости выступает для них триггером, что вынуждает чувствовать себя «турбулентно».

«Если раньше я имела десятилетние планы на жизнь вперед, то сейчас горизонт планирования чрезвычайно снизился. Я учусь с этим жить» (жен., ведущий исслед., соц. науки, академ. → академ. сектор).

Заключение

Применение теории «трех карьер ученого» [27] позволяет интерпретировать долгосрочную международную мобильность исследователей социальных и гуманитарных наук как проверку связности когнитивной, организационной карьер и карьеры в сообществе. Эмпирические материалы показывают, что переезд перераспределяет ресурсы между карьерными измерениями неравномерно и тем самым усиливает нелинейность профессионального развития. Эффекты зависят от карьерной ступени, уровня социального капитала, универсальности компетенций и др., а мобильность может как расширять карьерные возможности, так и приводить к кризису профессионального развития, что подтверждает выводы других исследований [24; 34; 39].

Выделены три ключевые адаптационные стратегии и влияние мобильности на профессиональную деятельность исследователей: «пересборка» профессиональных сетей при сохранении деятельности; реконфигурация профессиональной деятельности через прикладной «поворот» или переквалификацию; вынужденный переход на менее квалифицированные позиции, приводящий к депрофессионализации. Дисциплинарная специфика социальных и гуманитарных наук задает ключевые механизмы этих стратегий. Когнитивная карьера и карьера в сообществе в значительной степени зависят от языка и локального контекста, тогда как организационная карьера жестко привязана к национальным рынкам труда и локальным институциональным особенностям. Поэтому «пересборка» связей является не вспомогательной задачей адаптации, а условием продолжения исследовательской деятельности: без встраивания в локальные сети затрудняются и доступ к данным, и понимание исследовательской повестки, и конвертация профессиональных достижений в новой стране. «Пересборка» карьеры в сообществе задает условия для сохранения или реконфигурации когнитивной и организационной карьер после переезда: от степени интегрированности в новую социальную среду, сформированности социальных связей и отношений зависит возможность реализации профессионального потенциала исследователя в новой стране. Полученные результаты также согласуются с более широкими выводами, «сетевая связанность» может снижать риски «эрозии» карьеры сообщества и облегчать переход к стратегиям сохранения профессиональной деятельности или реконфигурации карьеры [7; 21]. Это особенно значимо для исследователей социальных и гуманитарных наук,

профессиональное положение которых наиболее уязвимо в ходе мобильности [26; 35; 39], а карьерные эффекты зависят от доступа к профессиональным связям, узнаваемости и репутации в сообществе.

Важен контекст «специфической» (спонтанной, слабоинституционализированной, гетерогенной) волны миграции после 2022 г. [2; 5; 18]: различные мотивы и контекст отъезда задают неодинаковые условия для восстановления организационной карьеры и карьеры в сообществе, адаптация и поиск работы в значительной степени обеспечиваются накопленным социальным капиталом, в связи с чем возникают бóльшие риски для сохранения профессиональной деятельности исследователя.

Тенденция трудоустройства ниже уровня квалификации и ослабление профессиональных связей, зафиксированные в ряде работ [5; 32], в терминах трех карьерных измерений соответствуют рискам разрыва организационной карьеры и эрозии карьеры в сообществе, которые создают угрозу стагнации когнитивного развития и депрофессионализации [13; 15; 20]. В этой логике депрофессионализация рассматривается как структурный риск (узость и сегментированность рынков труда, длительность адаптации и восстановления сетей), а не как результат индивидуальных ошибок.

Сотрудникам академического сектора оказывается сложнее сохранить свою профессиональную деятельность ввиду большей закрытости академического рынка [3; 12]. Поэтому ученые могут столкнуться с необходимостью использовать сквозные компетенции для перехода в прикладные исследования или прибегнуть к освоению новых, более универсальных навыков. Для исследователей из неакадемического сектора дефицит вакансий на зарубежных рынках труда, асимметрия в требованиях к рабочим обязанностям и компетенциям также затрудняют карьерное развитие в новой стране. Вместе с тем результаты исследования показывают, что исходящая мобильность на первом этапе адаптации может приводить к прекариатизации и снижению социального статуса у различных категорий исследователей, однако представителями академического сектора данный опыт переживается наиболее чувствительно ввиду тесной связи между их профессиональным и личностным развитием.

Начинающими исследователями переезд чаще воспринимается как окно возможностей: за счет большей гибкости они легче подходят к выбору места работы, внесению коррективов в профессиональную траекторию, активнее используют образовательные и грантовые «входы» в профессиональные поля и быстрее наращивают социальные связи. Для ведущих исследователей мобильность чаще становится испытанием их профессионального статуса. Высокие стандарты и требования, предъявляемые к условиям и месту работы, престижу организации, создают дополнительные препятствия для профессионального развития в ходе международной мобильности, в связи с этим переезд может повлечь ряд негативных эффектов в краткосрочной перспективе, выражающихся в снижении организационной карьеры, временности контрактов и необходимости заново выстраивать репутацию. Все это приводит к увеличению рисков наступления профессионального кризиса.

Ограничением исследования являются специфика доступа в поле («снежный ком», чувствительность темы) и небольшая временная дистанция между отъездом и моментом проведения интервью (фиксация начального этапа карьерного становления исследователей в новой стране), что сужает рамки обобщения результатов. Перспективным направлением дальнейшей работы выступает лонгитюдное отслеживание траекторий для выявления факторов, снижающих риск депрофессионализации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Список стран, куда была совершена исходящая мобильность российскими исследователями социальных и гуманитарных наук[8]

№ п/п	Название «принимающей» страны	Количество кейсов
1	Азербайджан	1
2	Армения	4
3	Германия	1
4	Грузия	2
5	Израиль	1
6	Индонезия	1
7	Казахстан	5
8	Кипр	2
9	Кыргызстан	2
10	Мексика	1
11	Нидерланды	4
12	Объединенные Арабские Эмираты	1
13	Соединенные Штаты Америки	2
14	Турция	1
15	Узбекистан	1
16	Швейцария	1

[8] В интервью некоторые исследователи указывали, что в ходе долгосрочной мобильности успели совершить несколько переездов и имели опыт жизни и работы сразу в нескольких странах; в таком случае фиксировались все страны, упомянутые информантом.

Таблица 2

Список информантов, принявших участие в исследовании

№ п/п	Пол	Карьерная ступень	Область науки	Сектор занятости до мобильности	Сектор занятости после мобильности
1	муж.	начинающий	соц. науки	академ.	академ.
2	муж.	ведущий	соц. науки	академ.	неакадем.
3	жен.	начинающий	соц. науки	академ.	академ.
4	жен.	начинающий	соц. науки	академ.	неакадем.
5	жен.	ведущий	соц. науки	неакадем.	неакадем.
6	жен.	начинающий	соц. науки	неакадем.	неакадем.
7	жен.	ведущий	соц. науки	академ.	академ.
8	жен.	начинающий	гум. науки	неакадем.	неакадем.
9	муж.	начинающий	соц. науки	академ.	академ.
10	жен.	начинающий	гум. науки	неакадем.	неакадем.
11	муж.	начинающий	соц. науки	неакадем.	неакадем.
12	жен.	начинающий	соц. науки	академ.	академ.
13	муж.	ведущий	соц. науки	академ.	неакадем.
14	жен.	начинающий	гум. науки	академ.	неакадем.
15	жен.	ведущий	соц. науки	академ.	неакадем.
16	жен.	начинающий	соц. науки	академ.	неакадем.
17	жен.	ведущий	гум. науки	академ.	академ.
18	муж.	ведущий	гум. науки	академ.	академ.
19	жен.	ведущий	соц. науки	неакадем.	неакадем.
20	жен.	начинающий	соц. науки	неакадем.	неакадем.
21	жен.	ведущий	соц. науки	неакадем.	неакадем.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маринина Елизавета Игоревна — младший научный сотрудник, аспирант, Лаборатория экономики инноваций, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (951) 746-20-00. **Электронная почта:** echefanova@hse.ru SPIN-код: 8041-4989

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 98–120. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.6

Research Article

ELIZAVETA I. MARININA[1]

[1] HSE University.
11, Myasnytskaya St., 101000, Moscow, Russian Federation.

International Mobility of Researchers in Social Sciences and Humanities: Adaptation Strategies and Consequences for Professional Development

Abstract. This article presents the results of a qualitative study of the impact of long-term international mobility on the professional development of researchers in the social sciences and humanities. Given a global intensification of competition for human capital, the mobility of scientists has become an integral feature of the modern academic landscape. However, unlike STEM disciplines, the specifics of social sciences and humanities, including language barriers, contextual rootedness and locality of academic markets, create additional challenges for their adaptation and professional development after mobility.

The analysis is based on the theory of the researcher's three careers (cognitive, organizational and community careers) by J. Glaser and G. Laudel. Using this approach helped us to learn that relocation affects these career dimensions unevenly: organizational career turns out to be closely related to the national and local context, community career depends on the branching of social and professional ties and the level of international recognition, while cognitive career is determined by the universality of competencies. The empirical database consists of 21 in-depth interviews with Russian researchers of social sciences and humanities who have left Russia and have been living abroad for more than one year.

Three key strategies of adaptation and effects on professional development after relocating were identified: reassembling the network of contacts; reconfiguration of professional identity (going into applied research or retraining); transitioning to less qualified positions. The analysis shows that long-term mobility can both stimulate professional growth and lead to deprofessionalization, stagnation of cognitive career and loss of social capital. The results highlight the need to develop targeted support measures for mobile researchers in the social sciences and humanities, taking into account their career stage and disciplinary specifics.

Keywords: international mobility of researchers; social sciences and humanities; adaptation strategies; effects on professional development; three careers of an academic.

For citation: Marinina, E.I. International Mobility of Researchers in Social Sciences and Humanities: Adaptation Strategies and Consequences for Professional Development. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 98–120. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.6

Acknowledgment. This article is an output of a research project HSE-BR-2025-014 implemented as part of the Basic Research Program at HSE University under the supervision of Alena I. Nefedova — PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, Laboratory for Economics of Innovation, HSE University, SPIN-код: 8041-4989

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta I. Marinina — Research Assistant, Doctoral Student, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, Laboratory for Economics of Innovation, HSE University. **Phone:** +7 (951) 746-20-00. **Email:** echefanova@hse.ru ORCID: 0000-0001-5747-9970

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Борусяк *Л.Ф.* Молодые интеллектуалы: почему они уезжают из России и собираются ли вернуться // *Вестник общественного мнения*. 2019. № 1–2 (128). С. 147–160. EDN: IZJMWS

   Borusyak L.F. Young intellectuals: why do they leave Russia and are they going to return? *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2019. No. 1–2 (128). P. 147–160. (In Russ.)

2. *Борусяк Л.* Новая волна высокообразованной эмиграции: почему они уезжают из России? // Palladion. 2022. № 3 (2). С. 98–115. DOI: 10.55167/29b32cb46280 EDN: TCAAMU

   Borusyak L. New wave of highly educated emigration: why do they leave Russia? *Palladion*. 2022. No. 3 (2). P. 98–115. DOI: 10.55167/29b32cb46280 (In Russ.)

3. *Гершман М.А., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. и др.* Международная мобильность ученых: угроза или благо?: Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Науч. ред. Л.М. Гохберг, Е.А. Стрельцова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей

школы экономики, 2022. — 46 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 25.04.2026. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/603102255.pdf

Gershman M.A., Gokhberg L.M., Dem'yanova A.V. et al. *International mobility of scientists: threat or benefit?* Report to the XXIII Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development, Moscow, 2022. Ed. by L.M. Gokhberg, E.A. Strel'tsova. Moscow: Publ. House of HSE, 2022. 46 p. Accessed 25.04.2026. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/603102255.pdf (In Russ.)

4. *Гершман М., Гохберг Л., Демьянова А. и др.* Международная академическая мобильность в России: актуальные оценки / Ред. Л. Гохберг. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. — 44 с.

   Gershman M., Gokhberg L., Dem'yanova A. et al. *International academic mobility in Russia: current assessments.* Ed. by L. Gokhberg. Moscow: ISSEK NRU HSE, 2024. 44 p. (In Russ.)

5. *Дежина И.Г.* «Академические переселенцы»: российские ученые в США после 2022 г. // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 87–110. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.5 EDN: IGVGCR

   Dezhina I.G. "Academic resettlers": Russian scientists in the USA after 2022. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 87–110. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.5 (In Russ.)

6. *Денисенко М.Б.* Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России: Социология, этнология. 2003. Т. 12. № 3. С. 157–169. EDN: GNDBDZ

   Denisenko M.B. Emigration from Russia based on foreign statistics. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. 2003. Vol. 12. No. 3. P. 157–169. (In Russ.)

7. *Костенко Н., Завадская М., Камалов Э., Сергеева И.* Российская ризома: социальный портрет новой эмиграции // Re: Russia. 11.01.2023 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.04.2026. URL: https://re-russia.net/expertise/045/

   Kostenko N., Zavadskaya M., Kamalov E., Sergeeva I. Russian Rhizome: a social portrait of new emigration. *Re: Russia*. 11.01.2023. Accessed 22.04.2026. URL: https://re-russia.net/expertise/045/ (In Russ.)

8. *Кулешова А.* Три души эмиграции. Почему уехавшие из страны россияне оказались в пространстве морального раскола // Новая газета. 19.11.2025. Дата обращения 22.04.2026. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2025/11/20/tri-dushi-emigratsii/

   Kuleshova A. Three souls of emigration. Why did Russians who left the country find themselves in a space of moral division. *Novaya gazeta*. 19.11.2025. Accessed 22.04.2026. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2025/11/20/tri-dushi-emigratsii/ (In Russ.)

9. *Ляшок В.* Рынок труда летом 2022 г.: тенденции и перспективы // Russian economic development. 2022. № 11 (29). С. 77–81. DOI: 10.2139/ssrn.4265915

   Lyashok V. Labor market in summer 2022: trends and prospects. *Russian economic development*. 2022. No. 11 (29). P. 77–81. DOI: 10.2139/ssrn.4265915 (In Russ.)

10. *Мендович Н.* Эмиграция из России-2022. Ч. 1. Анализ явления // Stan Radar. 2022 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.04.2026. URL: https://stanradar.com/news/full/50919-emigratsija-iz-rossii-2022-analiz-javlenija-chast-1.html\

    Mendovich N. Emigration from Russia 2022. Par 1. Analysis of the phenomenon. *Stan Radar*. 2022. Accessed 22.04.2026. URL: https://stanradar.com/news/full/50919-emigratsija-iz-rossii-2022-analiz-javlenija-chast-1.html (In Russ.)

11. *Миронова А.В., Ратай Т.В., Тарасенко И.И.* Женщины в науке: достижение и признание [электронный ресурс]. Дата обращения 22.04.2026. URL: https://issek.hse.ru/news/1135180436.html

Mironova A.V., Rataj T.V., Tarasenko I.I. *Women in science: achievements and recognition*. Accessed 22.04.2026. URL: https://issek.hse.ru/news/1135180436.html (In Russ.)

12. *Нефедова А., Чефанова Е., Слепых В., Иващенко А.* Эффекты участия во внутрироссийской мобильности для молодых ученых и преподавателей // Вопросы образования. 2024. № 1. С. 203–225. DOI: 10.17323/vo-2024-17186

    Nefedova A., Chefanova E., Slepykh V., Ivashchenko A. Effects of participation in domestic mobility for young scientists and teachers. *Voprosy obrazovaniya*. 2024. No. 1. P. 203–225. DOI: 10.17323/vo-2024-17186 (In Russ.)

13. *Нефедова А.И., Дьяченко Е.Л.* Эффекты участия в международной мобильности для российских ученых // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 1. С. 113–142. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.6 EDN: HEKVEP

    Nefedova, A.I., Dyachenko, E.L. The Effects of Participating in International Mobility for Russian Scientists. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 113–142. DOI: DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.6 (In Russ.)

14. *Пасхалюк К.А.* Глобальные россияне выходят на транснациональную арену // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 3–4 (25). С. 4–13. EDN: MCFVTW

    Paskhalyuk K.A. Global Russians enter the transnational arena. *Sociodigger*. 2023. Vol. 4. No. 3–4 (25). P. 4–13. (In Russ.).

15. *Руденкин Д.* Специальная научная эмиграция: почему из России уезжают ученые? // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 3–4 (25). С. 14–22. EDN: ZQXJIW

    Rudenkin D. Special scientific emigration: why do scientists leave Russia? *Sotsiodigger*. 2023. Vol. 4. No. 3–4 (25). P. 14–22. (In Russ.)

16. *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В.* География новой российской мобильности (по материалам опроса россиян, уехавших из России в 2022–2023 гг.) // Население и общество. 2025. № 1 (112). Дата обращения 22.04.2026. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/scientific_digest01.php

    Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V. Geography of the new Russian mobility (based on a survey of Russians who left Russia in 2022–2023). *Naselenie i obshchestvo*. 2025. No. 1 (112). Accessed 22.04.2026. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/scientific_digest01.php (In Russ.)

17. Ammon U. *The Dominance of English as a Language of Science: Effects on Other Languages and Language Communities*. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruy, 2001. 471 p. DOI: 10.1515/9783110869484

18. Barsukova S.Yu., Denisova-Schmidt E. New Russian Migrants in Armenia and Georgia: Challenges and Opportunities. *Mir Rossii*. 2026. No. 1. P. 106–139. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-106-139

19. Borini F., Lima M., Pereira R., Siekierski P. International Academic Mobility and Innovation: A Literature Review. *Journal of Global Mobility*. 2018. Vol. 6. No. 3–4. P. 285–298. DOI: 10.1108/JGM-04-2018-0019

20. Chankseliani M., Belkina E. Academic Exodus from Russia: Unravelling the Crisis. *Journal of Comparative & International Higher Education*. 2024. No. 16 (3). P. 97–105. DOI: 10.32674/jcihe.v16i3.6304

21. Ciumasu I.M. Turning Brain Drain into Brain Networking. *Science and Public Policy*. 2010. Vol. 37. No. 2. P. 135–146.DOI: 10.3152/030234210X489572

22. Cook D. Breaking the Contract: Digital Nomads and the State. *Critique of Anthropology*. 2022. No. 42 (3). P. 304–323. DOI: 10.1177/0308275X221120172

23. Courtois A., Sautier M. Academic Brexodus? Brexit and the dynamics of mobility and immobility among the precarious research workforce. *British Journal of Sociology of Education*. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 639–657. DOI: 10.1080/01425692.2022.2042195
24. Dietz J.S., Bozeman B. Academic careers, patents, and productivity: industry experience as scientific and technical human capital. *Research Policy*. 2005. Vol. 34 (3). P. 349–367. DOI: 10.1016/j.respol.2005.01.008
25. Fernández-Zubieta A., Geuna A., Lawson C. Researchers' Mobility and its Impact on Scientific Productivity. *SSRN Electronic Journal*. 2013. P. 1–35. DOI: 10.2139/ssrn.2244760
26. Flowerdew J., Li Y. English or Chinese? The trade-off between local and international publication among Chinese academics in the humanities and social sciences. *Journal of Second Language Writing*. 2009. No. 18 (1). P. 1–16. DOI: 10.1016/j.jslw.2008.09.005
27. Gläser J., Laudel G. The Three Careers of an Academic. *Discussion Paper*. Berlin: TU Berlin, Center for Technology and Society. 2015. No. 35. Accessed 22.04.2026. URL: https://www.tuberlin.de/fileadmin/f27/PDFs/Discussion_Papers/35_2015discussion_paper_Nr_35_Glaeser_Laudel.pdf
28. Horta H., Jung J., Santos J.M. Mobility and research performance of academics in city-based higher education systems. *Higher Education Policy*. 2020. Vol. 33 (3). P. 437–458. DOI: 10.1057/s41307-019-00157-x
29. Ilic D., Milosavljevic M. Brain drain: Propulsive factors and consequences. *Journal of Economic Development Environment and People*. 2018. No. 6 (4). P. 29–40. DOI: 10.26458/jedep.v6i4.567
30. Iversen M.J., Krishna V.V., Sen K. Brain drain or brain circulation? Return migration of scientists to India. *Science, Technology and Society*. 2019. Vol. 24 (3). P. 428–448.
31. Jacob M., Meek V.L. Scientific mobility and international research networks: trends and policy tools for promoting research excellence and capacity building. *Studies in Higher Education*. 2013. Vol. 38 (3). P. 331–344. DOI: 10.1080/03075079.2013.773789
32. Kamalov E., Kostenko V., Sergeeva I., Zavadskaya M. Russia's 2022 Anti-War Exodus: The Attitudes and Expectations of Russian Migrants. *IERES, PONARS Eurasia, Policy Memo*. 2022. No. 790. URL: https://hdl.handle.net/1814/76530 Accessed 22.04.2026.
33. Khakhalkina E.V., Grosheva G.V. Russian Migration Research in Transnational Discourse: Theoretical and Empirical Aspects. *Journal of International Migration and Integration*. 2021. Vol. 22. P. 1–20. DOI: 10.1007/s12134-019-00715-7
34. Kim T. Academic mobility, transnational identity capital, and stratification under conditions of academic capitalism. *Higher Education*. 2017. Vol. 73 (6). P. 981–997. DOI: 10.1007/s10734-017-0118-0
35. Kotsemir M., Dyachenko E., Nefedova A. Mobile young researchers and their non-mobile 'twins': who is winning the academic race? *Scientometrics*. 2022. Vol. 127 (12). P. 7307–7332. DOI: 10.1007/s11192-022-04488-2
36. Latova N.V., Savinkov V.I. The Influence of Academic Migration on the Intellectual Potentional of Russia. *European Journal of Education*. 2012. Vol. 47 (1). P. 64–76. DOI: 10.1111/j.1465-3435.2011.01508.x
37. Lee E. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3 (1). P. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
38. Morgan D., Nica A. Iterative Thematic Inquiry: A New Method for Analyzing Qualitative Data. *The International Journal of Qualitative Methods*. 2020. Vol. 19. P. 1–11. DOI: 10.1177/1609406920955118

39. Netz N., Hampel S., Aman V. What Effects Does International Mobility Have on Scientists' Careers? A Systematic Review. *Research Evaluation*. 2020. Vol. 29. No. 3. P. 327–351. DOI: 10.1093/reseval/rvaa007
40. Pajić D. Globalization of the social sciences in Eastern Europe: Genuine breakthrough or a slippery slope of the research evaluation practice? *Scientometrics*. 2015. Vol. 102. P. 2131–2150. DOI: 10.1007/s11192-014-1510-5
41. Petersen M., Shaw P. Language and disciplinary differences in a biliterate context. *World Englishes*. 2002. Vol. 21 (3). P. 357–374. DOI: 10.1111/1467-971X.00255
42. Rapoport E. Shock wave of Russian emigration and self-reflection of its representatives. *Russian Review of Social Research*. 2023. Vol. 15 (3). P. 33–45. DOI: 10.25285/2078-1938-2023-15-3-33-45
43. Saxenian A.L. *The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy*. Cambridge : Harvard University Press, 2006. 424 p. DOI: 10.2307/j.ctv1dp0ttd
44. Schweitzer F., Vaccario G., Verginer L. The mobility network of scientists: Analyzing temporal correlations in scientific careers. *Applied Network Science*. 2020. Vol. 5 (1). 36 p. DOI: 10.1007/s41109-020-00279-x
45. Turchenko M., Zavadskaya M. Mapping the Opposition in Exile. *Russian Analytical Digest*. 2024. No. 317. P. 6–9.
46. Yonezawa A., Horta H., Osawa A. Mobility, formation and development of the academic profession in science, technology, engineering and mathematics in East and South East Asia. *Comparative Education*. 2016. Vol. 52 (1). P. 44–61. DOI: 10.1080/03050068.2015.1125617

Статья поступила в редакцию: 09.02.2026; поступила после рецензирования и доработки: 22.04.2026; принята к публикации: 27.04.2026.

Received: 09.02.2026; revised after review: 22.04.2026; accepted for publication: 27.04.2026.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.7
EDN: MOVKSG

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ[1]

[1] Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА УНИВЕРСИТЕТА КАК ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Аннотация. Научное внимание к российскому высшему образованию в последние годы приобрело преимущественно практико-ориентированный характер. Теоретико-методологические проблемы исследования высшей школы российских вузов остаются малоизученными и малопривлекательными для социологов. Между тем реформирование университетского образования должно иметь в своей основе фундаментальное научное знание о его устройстве и функционировании. Именно в этой плоскости лежит вопрос о социальной структуре вуза, рассмотренный в статье. В перспективе он выводит на размышления о вузовских образовательных и поколенческих общностях как о важных субъектах трансформации вузов, их взаимодействии и ресурсности как источниках конкурентоспособности университетов, важности учета в жизнедеятельности и стратегиях вузов «неосновных», необразовательных общностей. В связи с этим в фокусе анализа оказывается социальная структура университета как теоретико-социологическая проблема. Цель статьи заключается в обосновании системно-структурного подхода к трактовке университета. Исследовательскими вопросами выступают: трактовка понятия социальной структуры вуза в контексте рассмотрения его как сложной организационной системы; выделение некоторых важных проблем ее анализа (горизонтальный и вертикальный срезы; взаимосвязь «ядерных» структурных образований); особенности и элементы общностной, поколенческой и ресурсной структур вуза; выбор уровня изучения социальной структуры университета. В центре научного анализа оказываются три главных вида социальной структуры: общностная, поколенческая, ресурсная. Он строится на интерпретации таких понятий, как образовательная общность, поколение в вузе, ресурсность образовательных и поколенческих общностей. «Ядерное» положение и значение названных структур обосновано их тесной взаимосвязью и сквозным характером для других видов структуры вуза. Сделан вывод: предложенный системно-структурный подход обладает возможностями существенно обогатить научные представления об

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00206. https://rscf.ru/project/25-18-00206/

устройстве вуза и создать научную базу для управления им как организационной системой. Благодаря такому подходу становится возможным вырабатывать и принимать необходимые управленческие решения для создания и реализации вузовских стратегий. В завершение статьи выделяются три перспективных направления дальнейшего социологического исследования социальной структуры вуза.

Ключевые слова: высшее образование; университет; социальная структура; общностная структура; поколенческая структура; ресурсная структура.

Для цитирования: *Зборовский Г.Е.* Социальная структура университета как проблема социологического исследования // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 121–138. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.7 EDN: MOVKSG

Введение

Среди социологических проблем высшего образования и университета как его основной организации одной из малоразработанных является трактовка социальной структуры вуза. Отсутствует обоснование такого положения дел в социологической науке, в том числе в социологии высшего образования, социологии науки, социологии управления. Ни в одной из названных трех отраслей социологического знания социальная структура научно-образовательных организаций не была поставлена как проблема или как исследовательская задача. Не нашел своего отражения этот вопрос и в фундаментальных монографиях [11; 21].

Можно высказать предположение, что ситуация вызвана исторически сложившейся традицией рассматривать социальную структуру на социетальном уровне — как феномен социального пространства общества, а не как конкретную проблему высшего образования и вузов. Другими словами, социальные структуры высшего образования (университета) оказываются несопоставимо малыми в сравнении с социальной структурой общества. Более того, они не просто «немасштабны», они другие по существу, форме и содержанию. Так, если в социальной структуре общества и системе социальной стратификации как ее составляющей принято выделять и рассматривать (по самым разным основаниям) классы, страты, слои, группы, то при изучении социальной структуры университета такой подход не можем использовать. В качестве основных элементов структуры вуза выделяют не классы, группы, слои, страты, а образовательные и необразовательные общности. К первой относят студентов, научно-педагогических и административно-управленческих работников (НПР, АУР). Ко второй — учебно-вспомогательный, инженерно-технический, административно-хозяйственный, производственный, обслуживающий персонал. К элементам социальной структуры университета следует также отнести различные поколенческие общности — представителей молодого, среднего, старшего поколений, поскольку они во многом определяют характер и направленность взаимодействия между образовательными и (отчасти) необразовательными общностями и внутри них.

Конечно же, в каждом университете есть представители определенных профессиональных и квалификационных групп в зависимости от подготавливаемых в вузе специалистов по тем или иным профилям. Разумеется, социальная структура в университете по набору элементов является менее сложной и дифференциро-

ванной, чем социальная структура общества и системы образования, но и она характеризуется широким разнообразием по должностным, квалификационным, демографическим, ресурсным и иным критериям.

Все сказанное свидетельствует о наличии общих черт, различий и неравенства между социальной структурой общества (включая его системы и подсистемы) и социальными структурами высшего образования и университетов. При этом социальная структура университета, являясь реальным социологическим фактом, как и социальная структура общества, нуждается в специальных социологических исследованиях, как теоретических, так и эмпирических.

Потребность в разработке проблематики социальной структуры вуза существует не только в социологической науке, но и в практике высшей школы. Ведь структура для университета — это своего рода «каркас», на котором строится, функционирует, «держится» вся его активность и эффективность. Образовательная, научная, воспитательная, управленческая деятельность, объединяющая тысячи и десятки тысяч «людей университета» (студентов, преподавателей, научных и административно-управленческих работников, сотрудников, занятых в сферах хозяйственного обеспечения и обслуживания), реализуется в рамках его системы и ее «ядра» — социальной структуры.

Более того, жизнь отдельных университетов по многим показателям напоминает жизнь целых городов. Особенно это касается наиболее крупных вузов, функционирующих по принципу кампусов, численность «населения» которых превышает 30–40 тысяч человек [14]. Ряд университетов распространяют свою активность на сферу дошкольного, школьного, среднего профессионального образования, медицины, культуры, спорта и др. В этом смысле индивиды и социальные общности, включенные в социальную структуру вуза, несут перед университетом ответственность (социальную, экономическую, научную, культурную) за его «жизнь», за взаимодействие различных социальных, образовательных, поколенческих общностей, за характер межпоколенческих и внутрипоколенческих, межобщностных и внутриобщностных отношений.

О необходимости изучения социальной структуры университета

В связи с постановкой проблемы социальной структуры вуза возникают важные исследовательские вопросы: можно ли говорить о действенности социальной структуры университета? О ее влиянии на внутреннюю и внешнюю социальную мобильность вузовских общностей? На все эти и иные вопросы мы бы ответили скорее утвердительно, чем отрицательно, ссылаясь на одно из доказанных положений теории структурации Э. Гидденса о взаимосвязи структуры и действия: структура действенна, действие структурировано [4].

В книге, посвященной теории структурации, британский социолог характеризует ряд ее важных особенностей. Во-первых, он раскрывает структурацию как процесс, как определенную протяженность структуры во времени. Такой подход представляет значительный интерес для интерпретации социальной структуры университета как развивающегося, трансформирующегося во времени феномена. Во-

вторых, в работе Э. Гидденса подчеркивается взаимосвязь структуры и действия (она выражена в приведенном выше тезисе «структура действенна, действие структурировано»). Именно взаимосвязь деятельности людей и социальных структур (по Гидденсу, в первую очередь правил и ресурсов) служит «нервом» теории структурации. Такой методологический подход важен для нас в силу того, что он становится необходимым инструментом дальнейшего нашего анализа проблем социальной структуры университета, ее общностной, поколенческой и ресурсной разновидностей.

Рассматривая соотношение системы и социальной структуры университета и систем и социальных структур общества, образования и высшего образования, мы понимаем, что ближайшей к вузу является система и, соответственно, социальная структура высшего образования, в которые он встроен непосредственно. Далее следуют системы и структуры образования в целом и общества, включенность вуза в которые имеет опосредованный характер.

Социологическое исследование социальной системы университета и ее социальной структуры в рамках более широких систем и структур помогает понять и использовать их связи и взаимодействия. Отношения между названными системами и их социальными структурами строятся, как правило, на взаимовыгодной основе получаемых результатов, охватывающих самые разные сегменты этих отношений: общностные и поколенческие, социальные и образовательные, научные и квалификационные, ресурсные и инновационные, территориальные и региональные, поселенческие и демографические и т. д. Детальное рассмотрение результатов таких связей и взаимодействий не входит в задачу нашей статьи. Оно должно последовать за анализом вуза как системы и его социальной структуры и, следовательно, может выступать самостоятельной научной проблемой.

Целью данной статьи является обоснование системно-структурного подхода к трактовке университета с акцентом на его вторую (структурную) часть, поскольку именно структурная характеристика образовательной организации позволяет осуществить детальное и дифференцированное исследование рассматриваемой системы.

Характеризуя университет как разновидность сложной социальной системы, мы трактуем ее как совокупность взаимосвязанных элементов. В качестве элементов системы выступают подразделения (ректорат, деканаты, департаменты, кафедры, учебные (образовательные), научно-исследовательские и проектные институты, лаборатории, конструкторские бюро, управления, отделы), образовательные общности (академические группы студентов, НПР, АУР) и необразовательные общности (учебно-вспомогательный, инженерно-технический, административно-хозяйственный, производственный, обслуживающий персонал), поколенческие общности (молодое, среднее, старшее поколения), разнообразные ресурсы (интеллектуальные, материальные, финансовые, исследовательские, публикационные, кадровые, символические, коммуникативные, темпоральные, образовательно-педагогические) и др. Университет как система является настолько крупным социальным образованием, что приведенный перечень элементов отнюдь не исчерпывает всего их разнообразия и без труда может быть далее конкретизирован.

Вуз как социальная система обладает рядом ключевых свойств, таких как целостность, иерархичность, интегративность, открытость, динамичность. Среди них особое место занимает структурность, выступающая прежде всего как наличие

структуры в качестве «ядра» способа существования университета. При этом нас интересует в первую очередь понимание социальной структуры как взаимосвязи элементов, обеспечивающей внутренний порядок соединения и функционирования в университете групп людей, их общностей, поколений и ресурсов.

Что означает «ядерное» положение социальной структуры в социальном пространстве университета? Прежде всего это понимание ее ключевой социальной роли и опорного социального значения в жизнедеятельности вуза. Особенно важно для университета это системное знание, понимание и учет его социальной структуры в повседневной (регулярной) деятельности административно-управленческих органов [1]. От знания и понимания социальной структуры вуза зависят возможность выявления социальных проблем университета и разработка эффективных стратегий его развития. Кроме того, такое знание и понимание способствуют всестороннему анализу взаимодействия «людей университета» друг с другом в плане осмысления выполняемых ими социальных ролей. Нельзя забывать и о том, что социальная структура вуза обусловливает выполнение ведущими для вуза образовательными общностями студентов, НПР и АУР их основных ролей, статусы и ожидания, что способствует их социализации и формированию университетской идентичности.

Таким образом, отметим, что трактовка социальной структуры университета основывается на определении базового для социологии понятия «социальная структура». Сразу подчеркнем, что мы не ставим задачу его специального рассмотрения. Для чего нам понадобилось обращение к категории социальной структуры, одной из определяющих в социологической науке? Представляется, что именно эта категория является ключевой в обосновании перехода от группы узловых понятий, раскрывающих смыслы и содержание основных, конкретизирующих построение общества подсистем, к понятиям, трактующим их базовые характеристики. В этом и заключаются роль и значение перехода от категории социальной структуры общества к понятию социальной структуры университета [2; 6; 15; 19; 23].

Социальная структура представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение общества и его различных систем и подсистем. В качестве таких элементов (их структур и подструктур) в литературе рассматривают социальные институты, социальные организации, социальные общности, социальные классы, группы, слои, страты, поколения и т. д. Важнейшей обобщающей составной частью социальной структуры общества нередко считается система социальной стратификации. Особенностью структурирования как процесса выделения отдельных элементов социальной структуры выступают действия и взаимодействие людей в каждом из них.

Исходя из общей трактовки социальной структуры, под *социальной структурой университета мы понимаем совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих его внутреннее строение, а также диспозицию различных сторон, систем и подсистем образовательной организации* [7]. Социальная структура вуза представляет собой сложный феномен, включающий многообразие видов различных конкретных структур. К ним отнесем общностную, поколенческую, ресурсную, демографическую (включая возрастную, гендерную, расовую), стратификационную, образовательную, должностную, квалификационную, научную, педагогическую, организационную, управленческую и др. Каждый из этих видов социальных структур обладает рядом

подвидов и элементов и формирует собственную структуру, взаимодействующую со смежными социальными структурами посредством большого количества связей и отношений. Причем каждая из названных структур обладает расположенными «внутри» горизонтальными и вертикальными построениями.

Социальная структура вуза нестатична — она постоянно меняется под воздействием социальных, экономических, политических и культурных факторов. Эти изменения могут приводить к трансформации социальных институтов, перераспределению ресурсов и изменению социальных ролей и статусов.

Некоторые теоретико-методологические вопросы исследования социальной структуры вуза

Рассмотрение социальной структуры университетов требует постановки ряда теоретико-методологических проблем. Первая группа включает проблемы понятийного аппарата исследования, дифференциации социальной структуры университета, результаты этой дифференциации в виде конкретных подсистем, подструктур и их элементов, появляющихся в процессе структурирования противоречий. Вторая группа исследовательских проблем охватывает широкий круг теоретико-методологических подходов и теорий, помогающих их осмыслить. Среди подходов выделим в качестве наиболее значимых для нас общностный, поколенческий, ресурсный, а среди теорий — теории социальной общности, поколений, ресурсной зависимости. На эти подходы и теории в дальнейшем обратим особое внимание. В данном же разделе остановимся на некоторых актуальных проблемах первой группы.

Одной из них является характеристика малоизученных общностной, поколенческой, ресурсной структур и взаимодействия в них между элементами (между видами и группами общностей, уровнями поколений, типами ресурсов). Здесь требуется выделение противоречий между вузовскими общностями и их поколениями, поскольку ресурсное обеспечение у них может оказаться весьма различным (у одних есть дефицит ресурсов, у других его нет; одни испытывают дефицит в тех ресурсах, которые в избытке у других).

Противоречия, возникающие на ресурсной основе, неизбежны. При этом происходит наложение одних отношений и противоречий на другие: противоречий поколенческих общностей — на образовательные и наоборот; младших поколений — на противоречия средних и старших и наоборот; одних образовательных общностей (НПР) — на другие (студентов и АУР) и наоборот. Значительная часть этих противоречий имеет в своей природе ресурсный дефицит, виды которого связаны с финансовыми проблемами, недостатком площадей и оборудования для учебных занятий и научно-исследовательских работ.

Из сказанного следует понимание особой роли университетского управления, которое должно учитывать и регулировать как процесс взаимодействия образовательных и поколенческих общностей, так и учет и использование ими ресурсных возможностей вуза. Важное значение имеет деятельность социологов вуза, соответствующих кафедр и лабораторий, научных секторов (если они имеют место в университете) по наблюдению и исследованию возникающих проблем.

Другая теоретико-методологическая проблема — решение вопроса об уровне исследования социальной структуры вуза. С позиций социологического подхода исследование университета предполагает, как минимум, наличие двух его уровней: во-первых, институционального и системного, во-вторых, организационного и структурного. В первом случае речь идет о социальном институте и системе высшего образования. Под вторым уровнем понимается трактовка университета в системе высшего образования как организации и структуры. Выбор уровня рассмотрения вуза и его социальной структуры определяется такими факторами, как цель, объект, предмет, характер, ожидаемые результаты. Так, для данного исследования интерес фокусировался на таком объекте, как малоизученные виды социальной структуры вуза (общностная, поколенческая и ресурсная). Предметом исследования стало взаимодействие трех указанных видов структур и возникающие в них противоречия, характеризующие, с одной стороны, межпоколенческие и межобщностные отношения, а с другой — внутрипоколенческие и внутриобщностные отношения в вузе. Еще один фактор выбора уровня исследования — его характер, отражающий проблемы и противоречия социальной структуры университета в ее современном состоянии и возможные перемены в ней. Наконец, мы говорим об ожидаемых изменениях, о тех из них, которые могут произойти в социальной структуре университета в исторически обозримом будущем.

В первую очередь нас интересуют виды вузовских социальных структур, которые существенно влияют на реализацию миссий университета и целей его деятельности. И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу об общностной, поколенческой и ресурсной структурах.

Социальная структура современного университета формируется и поддерживается в процессе взаимодействия двух типов вузовских общностей — образовательных (основных) и необразовательных (неосновных).

Изменения в социальной структуре вуза вызваны в первую очередь переменами в основных общностях университета — образовательных, причем как количественными, так и качественными. Это не значит, что другая группа общностей (не являющихся основными) никак не влияет на ситуацию в вузе. Далее эта проблема будет подробно рассмотрена. Сейчас же подчеркнем существенную роль в образовательных общностях молодого, среднего и старшего поколений, их соотношение.

При рассмотрении социальной структуры вуза необходимо выделять два ее вида — горизонтальную и вертикальную. В рамках горизонтальной структуры университетского сообщества отметим ее элементы, находящиеся на одном уровне и идентифицирующие себя с ним. Одним из таких уровней является поколенческий, который включает молодое, среднее и старшее поколения с конкретизацией каждого из них в рамках определенных возрастных групп.

В качестве другого примера горизонтальной социальной структуры приведем названных «людей университета» (студентов, НПР, АУР), но уже рассматриваемых как представителей общностной структуры. Здесь тоже в каждой образовательной общности существует возможность их дифференциации и анализа выделенных групп по различным основаниям (возрастным, гендерным, семейным, должностным, квалификационным, поколенческим и т. д.).

Что касается вертикальной социальной структуры, то в рамках университетского сообщества имеет место ситуация, когда одни слои (страты) занимают социальное (материальное, финансовое) положение более высокое/низкое, чем другие, и таким образом наблюдается социальная стратификация. Именно в границах вертикальной социальной структуры наиболее ярко проявляется социальное неравенство.

Таким образом, в качестве объекта данного исследования мы определили три недостаточно исследованные разновидности социальной структуры университета — общностную, поколенческую, ресурсную, поэтому рассмотрим каждую из них.

Общностная структура вуза

Социальную структуру вуза, по нашему мнению, следует начать рассматривать с трактовки общностной структуры и ее основного элемента — образовательной общности. В этом случае мы можем говорить о такой разновидности социальной структуры вуза, как образовательная. Мы особо выделяем эту структуру, поскольку именно образовательные общности составляют фундамент функционирования университета.

Сегодня университет без студентов, НПР и АУР, вероятно, может существовать только в утопиях или на бумаге. Несколько лет назад вокруг таких утопий разворачивались дискуссии, выдвигались предложения отдельных авторов (как зарубежных, так и российских) создавать новые типы вузов — онлайн-университеты и «университеты без преподавателей» [5]. В качестве моделей предлагались: глобальные проектные исследовательские университеты; университеты, которые будут учить в онлайновом режиме; университеты, создаваемые в отдаленных районах, где нет спроса на энергичную образовательную деятельность (разновидность корпунктов глобальных онлайн-ресурсов); университеты — центры профессиональных сообществ; корпоративные университеты. Эта дискуссия не получила дальнейшего теоретического и практического развития, чему способствовала активная противостоящая позиция, в том числе сформулированная автором данной статьи [6].

Рассматривая общностную структуру как разновидность социальной структуры вуза, необходимо сказать о ее родовой основе — социальной общности как таковой. Основатель теории социальной общности Ф. Тённис видел специфику последней в ее отличии от общества. Он писал: «... общность есть устойчивая и подлинная совместная жизнь, общество же — лишь преходящая и иллюзорная. И поэтому сама общность должна пониматься как живой организм, а общество — как механический агрегат и артефакт» [22, с. 11–12].

Мы полагаем, что социальную общность можно рассматривать как взаимосвязь людей, объединенных по ряду признаков. Среди них — демографические, экономические, социокультурные, религиозные, национальные (этнические), профессиональные, квалификационные, территориальные и др. Главными же признаками социальной общности мы считаем: во-первых, осознание людьми своей принадлежности к ней (то, что принято называть идентификацией и са-

моидентификацией); во-вторых, схожие условия жизнедеятельности; в-третьих, реализацию функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования; в-четвертых, относительную целостность [8, с. 110; 10, с. 19–20].

Разновидностью социальной общности является общность образовательная. В соответствии с общностным подходом, рассмотренным в наших ранних работах, образовательные общности представляют собой взаимосвязи людей, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обусловливающей сходство целей, задач, интересов, а также относительной однородностью состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими социальными общностями [9, с. 192].

Если характеризовать образовательную общность кратко, то необходимо отметить образовательную деятельность как доминанту ее образа жизни. В связи с этим образовательная общность рассматривается как совокупность (объединение, взаимосвязь, взаимодействие) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы совместной деятельности как малых, так и больших вовлеченных в образование групп людей [10, с. 66].

Между тем образовательные общности проявляют активность в самых разных сферах академической деятельности — не только в образовании, но и в научных исследованиях, воспитательной работе, досуге, управлении различными направлениями вузовской жизни и др. Если в вузе функционирует профессиональная общность научных работников (обычно не очень многочисленная, кроме крупных университетов и технических вузов), то она может примыкать к образовательным общностям, когда ее представители привлекаются к преподаванию. К образовательным общностям также относим ту часть АУР, которая принимает участие в образовательной и научной деятельности.

Наряду с образовательной социальная структура вуза включает структуру, состоящую из нескольких необразовательных общностей. Они крайне редко выступают объектом социологических исследований, но имеют большое значение для организации учебного процесса и научной деятельности в университете [16]. В настоящее время численность представителей необразовательных общностей российских вузов впечатляет. Согласно статистическим данным, общая их численность (включая внешних совместителей) составляла в 2023/2024 учебном году 311 200 человек [13, с. 323]. Это несколько превышает численность НПР, которых, по последним данным, в стране было 287 300 человек [13, с. 326–327].

По нашему мнению, особенно значимым среди последних является учебно-вспомогательный персонал, к которому относятся методисты, лаборанты, заведующие кабинетами, секретари кафедр и иных подразделений. Численность этих работников самая большая по сравнению с инженерно-техническим, административно-хозяйственным, производственным, обслуживающим персоналом. От успешности работы неосновного персонала во многом зависят результаты деятельности образовательных общностей, эффективность использования ими отдельных видов ресурсов. Исходя из этого проблема взаимоотношения и взаимо-

действия образовательных и необразовательных общностей будет привлекать все больше внимания, и одним из средств оптимизации социальной структуры вуза станет ее решение.

По сути, возникает новая проблема социальной структуры вуза — активизация взаимодействия двух разных (основных и неосновных) видов массовых вузовских общностей.

Поколенческая структура университета

При анализе поколенческой структуры вуза мы используем методологию поколенческого подхода. Он опирается на хорошо развитый понятийный аппарат, многообразие трактовок поколения, результаты глубоких и содержательных эмпирических исследований, набор аналитических моделей, предложенных на их основе. Разработка методологии поколенческого подхода привела к возможности его применения в исследовании поколенческой проблематики в системе высшего образования, а также в практиках университетского управления поколенческим разнообразием.

Поколенческий подход к исследованию социальной структуры вуза опирается на классическую теорию поколений К. Мангейма. В его работах поколение характеризуется не только как возрастная когорта, но и как особая общность людей, объединенных поколенческой идентичностью, сформировавшейся в одном историческом и социокультурном контекстах. В частности, он отмечал: «...для вывода относительно общности местоположения в некоем поколении простого сосуществования во времени недостаточно... Для того чтобы по местоположению находиться в одном и том же поколении, иными словами, чтобы пассивно или активно пользоваться привилегиями (или, наоборот, испытывать затруднения), свойственными местоположению некоего поколения, нужно быть рожденным в одном и том же историческом и культурном ареале. Как реальность поколение подразумевает даже нечто большее, чем просто соприсутствие в подобном историческом и социальном ареале. Чтобы действительно составлять поколение, необходимо дополнительное звено: участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности» [17, с. 36].

В одной из наших последних работ [7, с. 21] мы отмечали, что идеи К. Мангейма придали в перспективе XX–XXI вв. новый импульс развитию теории поколений, — но именно в перспективе, причем не ближней. Уже тогда возникло понимание сложности устройства университетского сообщества, в котором живут и взаимодействуют представители разных поколений. Но до практических шагов использования идей Мангейма дело не дошло. Сформулировав общеметодологический подход, сам К. Мангейм при жизни не увидел реализацию своих идей. Отсутствие интереса к ним еще долгие годы сдерживало и создание системного знания о поколениях в университетах. Строго говоря, это обстоятельство и сейчас продолжает мешать исследованию и практическому решению поколенческой проблематики в вузах.

В.В. Радаев исходит из того, что различия между поколениями не являются главным критерием социальной дифференциации. Вместо этого, по его мнению, можно использовать категории класса, статуса, этнические группы. Так, в своей книге он отмечает, что «в определённые периоды тот или иной способ социальной дифференциации может выходить на передний план, в то время как другие, по крайней мере частично, утрачивают свою актуальность» [20, с. 40]. Мы полагаем, что предложенные категории важны в исследовании социальной дифференциации в вузе, но исключать из него категорию поколения считаем нецелесообразным.

Если в отношении поколенческой динамики общества существуют довольно развитые представления благодаря разработке общетеоретических подходов и проведению эмпирических исследований социологов, демографов, историков, культурологов, антропологов, то поколенческие исследования в высшем образовании ограничены изучением особенностей студентов разных поколений и в основном в рамках теории поколений В. Штрауса и Н. Хау [27], зачастую используемой в ее упрощенной научно-популярной форме [3].

Мы полагаем, что понятие поколения в вузе отличается от понятия поколения вообще. По нашему мнению, *поколение в вузе — это объективно складывающаяся, реально существующая, эмпирически фиксируемая, относительно единая и самостоятельная социальная общность близких по возрасту людей, объединенных в вузе демографическими, социокультурными, образовательными характеристиками, решением конкретных социально определенных задач, полностью или частично занятых обучением, научными исследованиями, управлением процессами университетской жизни в схожих условиях социализации, реализации потребностей, интересов, ценностных ориентаций, идентифицирующих себя с определенным поколением*.

Основными составляющими поколенческой структуры университета являются молодое, среднее, старшее поколения. В свою очередь, каждое из них характеризуется наличием ряда более дробных структурных элементов. Их выделение связано с периодизацией поколений вузовских образовательных общностей, означающей определение этапов и периодов их существования и смены. Эта периодизация основана на критерии использования количественных различий и выделения возрастных когорт (молодое, среднее, старшее поколения) на базе их возрастной дифференциации. В каждом из поколений могут быть выделены конкретные группы. Так, к поколениям студентов вуза будем относить молодое (до 23 лет включительно), среднее (24–34 года), старшее (35 лет и старше), к поколениям НПР и АУР — молодое (до 35 лет), среднее (35–59 лет), старшее (60 лет и старше).

Для анализа поколенческой структуры вуза наряду с количественными показателями поколений и поколенческих групп целесообразно использовать их качественные характеристики. Они связаны с основными признаками каждого поколения, представленными в дефиниции поколения в вузе, его ролью и значением в жизни университета. У каждого поколения в вузе есть свои задачи, функции, ресурсы, потенциал. Поколение выступает специфическим социальным субъектом, обладающим рядом характеристик. Оно занимает особое место в социальном пространстве и социальном времени вуза. Все эти характеристики, параметры, ресурсы поколений имеет смысл рассматривать во взаимосвязи с образовательными общностями вуза. Иными словами, требуется рассмотреть вопрос о связи поколенческой и общностной структур, об их взаимодействии [18].

Ресурсная структура вуза

Связь и взаимодействие поколенческой и общностной социальных структур вуза базируются на его ресурсной основе. Совокупность ресурсов разных образовательных и необразовательных общностей формирует ресурсную структуру. Понятно, что задачам ее изучения релевантны различные теории и концепции, сложившиеся в рамках ресурсного подхода. Среди них теории человеческого капитала (Г. Беккер) [24], некогнитивного человеческого капитала (Дж. Хекман) [25], ресурсной зависимости (Дж. Пфеффер, Дж. Саланчик) [26], положения теории структурации Э. Гидденса об аллокативных и авторитарных ресурсах [4]. Эти теории позволяют выделить и структурировать ресурсы вузовских общностей, провести их сравнительный анализ, рассмотреть возможности их мобилизации, актуализации и капитализации.

Для анализа феномена ресурсности важно понимание ее общей структуры и структуры каждого ресурса в отдельности, а также связей и взаимозависимостей между ресурсами. Исходя из ресурсного подхода в предыдущих исследованиях [12] нами разработаны классификация и содержательное обоснование различных видов ресурсов научно-педагогического сообщества (НПС). Эта классификация включает:

- *исследовательский ресурс* (активность и/или готовность участия в грантовых и инициативных проектах, хоздоговорных работах, способность получать значимые научные результаты и др.);
- *публикационный ресурс* (публикационная активность, ее качество, степень вовлеченности в нее различных групп НПС и др.);
- *ресурс научно-педагогической квалификации* (реальный уровень научно-педагогической квалификации, активность НПС в области академического развития);
- *символический ресурс* («продуктивность» званий, научных степеней, наград, экспертных статусов и др.);
- *«идеологический» ресурс* (уровень знания, понимания, принятия целей стратегии развития университета, а также готовности НПС к участию в ее реализации в новых условиях общества травмы);
- *ресурс научных коллективов* (наличие научных коллективов, школ и групп, их традиции и социальный капитал);
- *коммуникативный ресурс* (качество и плотность научных коммуникаций и др.);
- *темпоральный ресурс* (ресурсы социального времени НПС, возраст и др.);
- *ресурс наставничества* (ресурсы НПС, необходимые для воспроизводства научно-педагогических кадров, в том числе мотивация, компетенции наставничества и др.);
- *образовательно-педагогический ресурс* (ресурсы НПС, необходимые для формирования кадров новой экономики, включая профессиональную и академическую мобильность, взаимодействие с практиками, современное знание отрасли) и др.

В то же время понятно, что разные вузовские общности (образовательные, необразовательные, поколенческие и др.) обладают своей особой ресурсностью. Не требует доказательств, что публикационный ресурс у НПР значительно богаче, чем у студентов, а исследовательский ресурс научных работников превышает аналогичный показатель других образовательных общностей. Можно утверждать, что АУР распоряжаются ресурсами других общностей гораздо активнее и свободнее, чем остальные вузовские общности. Если рассматривать на организационном уровне интеграцию ресурсности каждой общности, то получим системное представление о ресурсной структуре вуза. Методология ресурсного подхода востребована в том случае, когда возникает задача оценки ресурсной структуры и ресурсного потенциала разных поколений НПР, АУР и студентов при рассмотрении их как объектов университетского управления.

Основное внимание было уделено трем структурам вуза — общностной, поколенческой, ресурсной — не случайно. Мы полагаем, что любые иные виды социальной структуры вуза можно рассматривать в сопряжении с ними, то есть сквозь призму общностного, поколенческого и ресурсного измерений.

Заключение

Исследования современного университета, представляющего собой сложную организационную систему, постоянно сталкиваются с необходимостью поиска и апробации новых теоретико-методологических оптик. Системный подход — один из часто используемых — по определению требует применения структурного принципа. Для социологии высшего образования, в отличие от других научных дисциплин и отраслей социологии, он оказался малоиспользуемым. Предлагая системно-структурный взгляд на университет, мы попытались показать его богатые инструментальные возможности. Они выражаются в выделении многообразных структурных измерений и одновременно в фокусировке на тех из них, которые обладают сквозным и системообразующим характером (речь идет об общностной, поколенческой и ресурсной структурах). В обоснование важности и продуктивности системно-структурного подхода мы предложили возможности изучения «элементарных частиц» вуза — различных видов социальных общностей (образовательных, необразовательных, основных, вспомогательных, поколенческих и др.) и в то же время связей и взаимодействий между ними.

Проведенный анализ социальной структуры университета показал методологическую состоятельность сочетания дифференцированного и интегративного векторов рассмотрения «людей университета». В статье была раскрыта объективная необходимость анализа именно трех названных выше разновидностей социальной структуры университета. Эти разновидности, охарактеризованные как порознь, так и в единстве, определили возможности и теоретического, и практического анализа разработки проблематики социальной структуры вуза. Важно отметить, что необходимость и потребность в такой разработке существует и в социологической науке, и в практике высшего образования. Структурный подход дает возможность осуществить широкую интерпретацию различных их сторон с точки зрения решения задач каждой из образовательных общностей на уровне и молодого, и среднего, и старшего поколений.

Как показано в статье, существенную роль и особое значение для исследования социальной структуры университета имеет вывод о развитии и использовании трех структур — общностной, поколенческой, ресурсной. Есть все основания полагать, что поиски взаимодействия именно этих структур смогут способствовать решению сложных социальных проблем развития основных сегментов университетской жизни — образовательного, научного, воспитательного, управленческого. Такое исследование позволяет существенно улучшить научные представления о социальной структуре вузов и обнаружить «болевые точки» образовательных организаций для выработки и принятия необходимых политических и управленческих решений с целью развития стратегии и тактики современного высшего образования.

Проведенное исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, оно охватывает не все многообразие видов социальной структуры вуза. Во-вторых, статья имеет исключительно теоретический характер, что обосновано необходимостью теоретического обобщения проблемы, но требует в дальнейшем и эмпирической верификации. Данные ограничения определяют перспективы реализации в будущих исследованиях основных положений статьи. Они видятся в трех направлениях. Во-первых, это теоретико-эмпирический анализ общностной, поколенческой, ресурсной структур вуза как порознь, так и во взаимосвязи с последующим переходом (или сочетанием) к демографической, научно-квалификационной, управленческой структурам. Во-вторых, возможна дальнейшая разработка методологии и методики исследования социальной структуры вуза. И, в-третьих, необходим поиск межвузовских коллабораций для проведения совместных исследований социальной структуры организаций высшего образования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com SPIN-код: 9068-9732

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 121–138. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.7

Research Article

Garold E. Zborovsky[1]

[1] Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. bl. 19, Mira str., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

The Social Structure of the University as a Problem of Sociological Research

Abstract. Scientific attention to Russian higher education has become predominantly practice-oriented in recent years. The theoretical and methodological problems of higher educational facility research in Russian universities remain poorly studied and unattractive to sociologists. Meanwhile the reform of university education should be based on fundamental scientific knowledge about its structure and how it functions. It is in this plane that the question of the social structure of the university, presented in the article, lies. Subsequently it leads to

considering university educational and generational communities as important subjects of the transformation of the university, their interaction and resource potential as sources of university competitiveness, the importance of taking into account "non-core", non-educational communities in the life and strategies of universities. In this regard the analysis focuses on the social structure of the university as a theoretical and sociological problem. The purpose of the article is to substantiate a systematic and structural approach to the interpretation of the university. Research issues include the interpretation of the concept of the social structure of the university in the context of considering it as a complex organizational system; highlighting some important problems of its analysis (horizontal and vertical cross-section; interrelation of "nuclear" structural formations); features and elements of community, generational and resource structures of the university; choosing the level of study of the social structure of the university. The scientific analysis focuses on three main types of social structure: community, generational and resource. Their analysis is based on interpreting such concepts as the educational community, the generation at the university, the resourcefulness of educational and generational communities. The "core" position and importance of these structures is justified by their close relationship and pervasive nature for other types of university structures. It is concluded that the proposed system-structural approach has the potential to significantly enrich scientific ideas about the structure of the university and create scientific underpinnings for its management as an organizational system. Thanks to this approach it becomes possible to develop and make the necessary management decisions for creating and implementing university strategies. At the end of the article three promising areas of further sociological research of the social structure of the university are highlighted.

Keywords: higher education; university; social structure; community structure; generational structure; resource structure.

For citation: Zborovsky, G.E. The Social Structure of the University as a Problem of Sociological Research. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 121–138. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.7

Acknowledgements. The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation № 25-18-00206, https://rscf.ru/project/25-18-00206/
The author would like to thank the reviewers for their valuable recommendations, which made it possible to improve the article.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Garold E. Zborovsky — Doctor of Sociological Sciences, Research Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com ORCID: 0000-0001-8153-0561 ResearcherId: E-6142-2014

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Алекменская В.С.* Теория поколений как фактор управления персоналом в сфере образования // Вестник науки. 2024. № 5. С. 120–126. EDN: CLJJFH

   Alekmenskaya V.S. Theory of generations as a factor of personnel management in the field of education. *Vestnik nauki*. 2024. No. 5. P. 120–126. (In Russ.)

2. *Амбарова П.А.* Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4 EDN: ZQSCCU

   Ambarova P.A. Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of a sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 1. P. 41–51. DOI: DOI: 10.31857/S013216250017229-4 (In Russ.)

3. *Васильева В.А.* Теория Штрауса — Хау и другие поколенческие концепции как основа для анализа феномена плагиата в студенческой среде // Социально-гуманитарное знание. 2023. № 7. С. 13–18. EDN: VDUBRP

   Vasilyeva V.A. Strauss-Howe theory and other generational concepts as a basis for analyzing the phenomenon of plagiarism among students. *Sotsial'no-gumanitarnoe znanie*. 2023. No. 7. P. 13–18. (In Russ.)

4. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структурации. М.: Академический проспект, 2003. — 525 с. EDN: QOBZKN

   Giddens A. *The organization of society. An essay on the theory of structuration*. Moscow: Akademicheskiy Prospekt publ., 2003. 525 p. (In Russ.)

5. *Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9 EDN: IZTYSH

   Drobizheva L.M. All-Russian national identity: searching for definition and distribution dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 8. P. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9 (In Russ.)

6. *Зборовский Г.Е.* Можно ли быть вместе, находясь врозь: студенты и преподаватели в вузе // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 49–58. DOI: 10.31857/S013216250001958-6 EDN: YMRIMP

   Zborovsky G.E. Is it possible to be together, being apart: students and teachers at the university. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 9. P. 49–58. DOI: 10.31857/S013216250001958-6 (In Russ.)

7. *Зборовский Г.Е.* О методологии исследования общностной и поколенческой структуры вуза // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 3. С. 10–34. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.1 EDN: DCBJED

   Zborovsky G.E. On the methodology of the community and generational university structure research. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2025. Vol. 13. No. 3. P. 10–34. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.1 (In Russ.).

8. *Зборовский Г.Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. — 304 с. EDN: QOKBWV

   Zborovsky G.E. *Theory of social community.* Ekaterinburg: Humanitarian University publ., 2009. 304 p. (In Russ.).

9. *Зборовский Г.Е.* Характеристика поведенческих стратегий образовательных общностей в условиях трансфера их человеческого капитала // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 1. С. 190–200. DOI: 10.15826/izv1.2021.27.1.021 EDN: TTGGPI

   Zborovsky G.E. Characteristics of behavioral strategies of educational communities in the context of the transfer of their human capital. *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2021. Vol. 27. No. 1. P. 190–200. DOI: 10.15826/izv1.2021.27.1.021 (In Russ.)

10. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Научно-педагогические работники в современной России: теория и биография социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2024. — 430 с. EDN: PNLXLU

    Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Research and pedagogical staff in modern Russia: theory and biography of social community*. Ekaterinburg: Humanitarian University publ., 2024. 430 p. (In Russ.)

11. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Социология высшего образования. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. — 539 с. EDN: XRTKJM

    Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Sociology of Higher Education*. Ekaterinburg: Humanitarian University publ., 2019. 539 p. (In Russ.)

12. *Зборовский Г.Е., Кеммет Е.В.* Ресурсность вузовских научных коллективов и научных школ: проблемы стратегии развития и управления // Вопросы управления. 2023. Т. 17. № 3. С. 46–58. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-3-46-58 EDN: JDQATI

Zborovsky G.E., Kemmet E.V. Resource capacity of university research teams and scientific schools: problems of development strategy and management. *Voprosy upravleniya*. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 46–58. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-3-46-58 (In Russ.)

13. Индикаторы образования: 2025: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2025. — 452 с.

    Education indicators: 2025: Statistical collection. Moscow: National Research University Higher School of Economics publ., 2025. 452 p. (In Russ.)

14. *Касаткина С.С.* Университет как институциональный феномен городской идентичности // Визуальная антропология — 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда: Материалы III Международной научной конференции (Великий Новгород, 28–30 августа 2019 г.). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2020. С. 400–410. DOI: 10.34680/visant-2020-400-410 EDN: PKUHVW

    Kasatkina S.S. University as an institutional phenomenon of urban identity. *Visual Anthropology 2019. University City: Living Space and Visual Environment: Proceedings of the III International Scientific Conference (Veliky Novgorod, August 28–30, 2019)*. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise publ., 2020. P. 400–410. DOI: 10.34680/visant-2020-400-410 (In Russ.)

15. *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Социальная структура глазами россиян: проблемы легитимности // Социологические исследования. 2025. № 8. С. 80–93. DOI: 10.31857/S0132162525080074 EDN: SYKTJP

    Kryshtanovskaya O.V., Lavrov I.A. Social structure through the eyes of Russians: problems of legitimacy. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2025. No. 8. P. 80–93. DOI: 10.31857/S0132162525080074 (In Russ.)

16. *Лазарев А.И.* Учебно-вспомогательный персонал вузов: структура, функции и роль в обеспечении образовательной деятельности // Устойчивое развитие науки и образования. 2022. № 8. С. 19–22. EDN: MMSMZY

    Lazarev A.I. Educational staff of universities: structure, functions and role in ensuring educational activities. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya*. 2022. No. 8. P. 19–22. (In Russ.)

17. *Мангейм К.* Очерки социологии знания. Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. — 164 с. EDN: LAFQOX

    Mannheim K. *Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations — competitiveness — economic ambitions*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS publ., 2000. 164 p. (In Russ.)

18. *Нархов Д.Ю.* Взаимодействие вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 2. С. 9–30. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30 EDN: IFUCUU

    Narkhov D.Yu. Interaction of educational communities of higher education in the university scientific area. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2024. Vol. 33. No. 2. P. 9–30. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30 (In Russ.)

19. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2022. — 422 с. DOI: 10.55604/9785777708731 EDN: XJGBFE

    Society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia. Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' mir publ., 2022. 422 p. DOI: 10.55604/9785777708731 (In Russ.)

20. *Радаев В.В.* Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. — 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 EDN: STOTFS

Radaev V.V. *Millennials. How Russian society is changing.* Moscow: Higher School of Economics publ., 2019. 224 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 (In Russ.)

21. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Под ред. А.В. Тихонова. М.: Канон+, 2014. — 560 с. EDN: UXNTEZ

    Sociology of management: fundamental and applied knowledge. Ed. by A.V. Tikhonov. Moscow: Kanon+ publ., 2014. 560 p. (In Russ.)

22. *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. — 450 с.

    Tennis F. *Community and society. Basic concepts of pure sociology.* Moscow: Fond Universitet publ.; SPb.: Vladimir Dal' publ., 2002. 450 p. (In Russ.)

23. *Тощенко Ж.Т.* Эволюция идей социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 62–73. DOI: 10.31857/S013216250021404-7 EDN: RLFJMM

    Toshchenko J.T. The evolution of ideas of the social structure of Russian society. *Sotciologicheskie issledovaniya.* 2022. No. 10. P. 62–73. DOI: 10.31857/S013216250021404-7 (In Russ.)

24. Becker G. *Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education.* N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1964. 187 p.

25. Heckman J. Policies to foster human capital. *Research in Economics.* 2000. Vol. 54. P. 3–56. DOI: 10.1006/reec.1999.0225

26. Pfeffer J., Salancik G.R. *The external control of organizations: a resource dependence perspective.* Stanford University Press, 2003. 300 p.

27. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069.* N.Y.: William Morrow & Co, 1991. 538 p.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025; поступила после рецензирования и доработки: 23.03.2026; принята к публикации: 10.04.2026.

Received: 09.12.2025; revised after review: 23.03.2026; accepted for publication: 10.04.2026.

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.8
EDN: PRTWHM

М.А. КОЗЛОВА[1], Е.Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА[1]
[1] НИУ «Высшая школа экономики».
101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20.

ДРУЖЕЛЮБНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В КОНТЕКСТЕ ТАРГЕТИРОВАННОГО УНИВЕРСАЛИЗМА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ[1]

Аннотация. Статья представляет концептуальную модель дружелюбной образовательной среды. Обоснование ее необходимости базируется на двух типах аргументов. Во-первых, с опорой на результаты анализа трансформации идеи инклюзивного образования в ее репрезентации в российском публичном пространстве демонстрируются ограничения таргетированной образовательной политики. Во-вторых, на основе краткого обзора академических публикаций эксплицируется внутренняя противоречивость ряда сложившихся подходов к исследованиям феномена дружелюбной школы. Статья демонстрирует потенциал преодоления ограничений как универсального, так и таргетированного подхода в сфере образовательной политики. Показаны преимущества такого подхода, как таргетированный универсализм, который сочетает следование универсальным принципам и учет вариативных особенностей и потребностей, воплощаясь в идее дружелюбной образовательной среды. Такой подход позволяет разделяемые всеми участниками образовательного процесса широкие общие цели воплощать в стратегиях, учитывающих интересы и потребности индивидов и групп. Предлагаемая модель дружелюбной образовательной среды основана на двух измерениях, где структурные, содержательные и реляционные аспекты образовательной среды рассматриваются на трех уровнях: культуры, политики и практик. На основе серии экспертных интервью предлагается возможное наполнение сформированной концептуальной матрицы примерами, почерпнутыми из опыта российских школ. Представленная модель может служить основой разработки инструментария, предназначенного для решения исследовательских задач как фундаментальной, так и прикладной направленности, в том числе применяться школами для целей самообследования и корректировки направлений организационной политики. Часть аспектов, заложенных в матрицу, относятся к вопросам, решение которых требует от образовательных организаций выстраивания устойчивых партнерских отношений внутри- и межсекторного характера. В этом случае предлагаемая матрица может использоваться для определения точек развития дружелюбной культуры и распространения инклюзивных социальных практик через развитие локальных сообществ.

Ключевые слова: инклюзивное образование; концептуальная модель дружелюбной образовательной среды; таргетированный универсализм; дружелюбная культура; политика; практики.

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-070). Благодарим кандидата психологических наук С.Г. Косарецкого, кандидата социологических наук Н.В. Большакова, Р.Д. Кариха за помощь в сборе данных и вдохновляющие комментарии при обсуждении полученных результатов.

Для цитирования: *Козлова М.А., Ярская-Смирнова Е.Р.* Дружелюбная образовательная среда в контексте таргетированного универсализма: теоретическая модель и практическая релевантность // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 139–162. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.8 EDN: PRTWHM

Введение

Инклюзия как принцип обеспечения социального благополучия для всех и социальная ценность была обозначена политическим императивом в 1995 г. на Всемирном саммите по социальному развитию в Копенгагене[2]. С тех пор инклюзия входит в политическую повестку на уровне национальных[3] и надгосударственных[4] структур. Образование при этом закономерно становится одним из самых обсуждаемых институтов, в чьи функции входит трансляция обществу ценности и социальной нормы инклюзии. В Российской Федерации образовательная инклюзия закреплена вступившим в силу 1 сентября 2013 г. Федеральным законом «Об образовании»[5]. Однако ее полноценная реализация актуализирует вопросы трансформации культуры школы и общества в целом, а также распространения разнообразных практик организации школьной повседневности, направленных на обеспечение равенства в доступе к качественному школьному образованию.

В фокусе данной статьи — концепт дружелюбной образовательной среды (ДОС), который позволяет, с нашей точки зрения, применить принципы разнообразия, равенства и инклюзии к теоретической рефлексии и выработке стратегических ориентиров образования. Начнем концептуализацию этого феномена, последовательно рассмотрев международные конвенции и российский контекст инклюзии, чтобы показать ограничения таргетированных (адресных, от англ. *target* — цель) программ образовательной политики. Затем обозначим перспективы особого подхода в построении образовательной среды — таргетированного универсализма (ТУ), который позволяет широкие общие цели, связанные с защитой прав, инклюзией, поддержанием благополучия и другими крупными ориентирами, воплощать в мероприятиях, системах вмешательств или в стратегиях, учитывающих интересы и потребности индивидов и групп [27]. Далее наметим измерения, в которых может аналитически рассматриваться комплексный феномен ДОС, и на основе серии интервью с экспертами в области образования предложим операционализацию концепта. В завершение опишем возможности применения предлагаемой модели ДОС для решения исследовательских задач и развития образовательной среды школ в логике ТУ.

---

[2] United Nations. Copenhagen Declaration on Social Development and Programme of Action of the World Summit. Copenhagen, 6–12 March 1995. — URL: https://training.itcilo.org/actrav_cdrom1/english/global/law/wssd.htm (дата обращения 19.05.2026).

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 363. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» [электронный ресурс]. — URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0 (дата обращения 19.05.2026).

[4] United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 6 July 2017. Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development. — URL: https://undocs.org/A/RES/71/313 (дата обращения 19.05.2026).

[5] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 21.12.2012 № 273-ФЗ. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745 (дата обращения 19.05.2026).

Инклюзивное образование и особые образовательные потребности: российская специфика трактовки понятий

Первый документ об инклюзии — Международная декларация «Образование для всех»[6] — не определяет конкретные особенности учащихся, требующих особой поддержки, речь идет о доступности базовых образовательных услуг для всех. Саламанкская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями[7] тоже настаивает на том, что школы должны быть открыты для всех детей независимо от их физических, умственных, эмоциональных, языковых и иных особенностей, включая детей с инвалидностью, одаренных, детей улиц и работающих, проживающих в удаленных поселениях или кочевых условиях, относящихся к этническим, языковым или культурным меньшинствам, представителей иных маргинализированных районов или групп. Тем не менее в одном из разделов Саламанкской декларации акцент сделан на «особых образовательных потребностях» детей и молодежи с инвалидностью и трудностями в обучении[8]. Копенгагенская декларация о социальном развитии определяет широкий спектр категорий граждан, нуждающихся в создании специальных условий для получения доступа «к доходам, ресурсам, образованию, здравоохранению или питанию», и утверждает необходимость «предоставить всем детям и подросткам возможность обучаться в школах и завершать школьное образование»[9]. Таким образом, в глобальной повестке инклюзивное образование рассматривается как необходимое для охвата всех учащихся посредством реагирования на текущие вызовы, связанные с растущим разнообразием в классе и в обществе в целом [13; 16].

Ратификация Российской Федерацией Конвенции ООН о правах людей с инвалидностью в 2012 г. инициировала комплекс стратегических усилий, направленных на формирование доступной среды и разработку законодательной базы социальной — в частности, образовательной — инклюзии. Так, Закон «Об образовании в РФ» в ст. 2 определяет инклюзивное образование достаточно универсально — как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей»[10]. При этом в п. 5 ст. 5 упоминается «инклюзивное образование лиц с ограниченными возможностями здоровья» (далее — ОВЗ) и фокусируется более

---

[6] UNESCO. World Conference on Education for all: Meeting Basic Learning Needs, 5-9 March 1990, Jomtien, Thailand. — URL: https://digitallibrary.un.org/record/100741 (дата обращения 19.05.2026).

[7] UNESCO. The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education. Salamanca, Spain, 7–10 June 1994. — URL: https://www.right-to-education.org/sites/right-to-education.org/files/resource-attachments/Salamanca_Statement_1994.pdf (дата обращения 19.05.2026).

[8] Там же.

[9] United Nations. Copenhagen Declaration on Social Development and Programme of Action of the World Summit. Copenhagen, 6–12 March 1995. — URL: https://training.itcilo.org/actrav_cdrom1/english/global/law/wssd.htm (дата обращения 19.05.2026).

[10] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 21.12.2012 № 273-ФЗ. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745 (дата обращения 19.05.2026).

широкое понятие на аспектах здоровья. И хотя в 2021 г. Министерство просвещения РФ опубликовало письмо с методическими рекомендациями, где понятие инклюзивного образования разъясняется в соответствии с широкой трактовкой инклюзии, заложенной Саламанкской декларацией, и содержатся указания относительно работы общеобразовательных организаций в направлении языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан[11], такое ви́дение инклюзии является, скорее, исключением. Так, на официальном сайте Министерство просвещения РФ определяет учащихся с особыми образовательными потребностями (далее — ООП) исключительно как детей с ОВЗ/инвалидностью[12].

На то, что сегодня инклюзивное образование в России чаще рефлексируется относительно детей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, косвенно указывают итоги нашего небольшого эксперимента, в ходе которого были сделаны ряд поисковых запросов в Google Scholar, вариативно дополняя лексему «инклюзивное образование». В итоге получилась следующая картина: 24500 результатов со словом «инвалидов», 32400 — с аббревиатурой ОВЗ, 9720 — со словом «бедность», 8510 — «мигрантов», 7740 — «гендер», 4980 — «сирот», 465 — «инофонов». Как видим, в академическом дискурсе инклюзивное образование трактуется в разных аспектах, но со значительным перевесом в сторону инвалидности и ограничений по здоровью.

В отношении прикладных разработок, имеющих государственную поддержку, наблюдается сходная ситуация. Так, мы проанализировали фокусировки проектов — победителей конкурсов Фонда президентских грантов[13], в названии или формулировках целей которых использовалась лексема «инклюзивное образование». Из 46 подобных проектов, обнаруженных с 2017 г. по текущий год, лишь один не фокусируется на детях с ОВЗ или инвалидностью, а выбирает своей целевой группой учащихся из малообеспеченных, многодетных и замещающих семей, из семей беженцев и вынужденных переселенцев. Остальные 45 проектов сосредоточены на развитии образовательной инклюзии для детей с аутизмом, нарушениями слуха и зрения, опорно-двигательного аппарата и ограничениями по здоровью.

Итак, с определенной долей уверенности можно утверждать, что введение и развитие системы инклюзивного образования на уровне российской государственной политики приобрели таргетированный характер и репрезентируются в публичном пространстве как система мер, направленная на улучшение положения конкретной уязвимой категории — детей с инвалидностью.

---

[11] Министерство просвещения Российской Федерации. Письмо от 16.08.2021 № НН-202/07 «О направлении Методических рекомендаций». — URL: https://iro23.ru/wp-content/uploads/2022/06/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE_%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%BE%D1%82_16_08_2021_N_%D0%9D%D0%9D_202_07_%D0%9E.pdf (дата обращения 19.05.2026).

[12] Дети с особыми образовательными потребностями // Министерство просвещения Российской Федерации. — URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health (дата обращения 19.05.2026).

[13] Фонд президентских грантов. — URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/ (дата обращения 19.05.2026).

Социальная теория, усматривая в таргетированной трактовке инклюзии источник возможных конфликтов, в осмыслении феномена инклюзии движется от дихотомии «инклюзия —эксклюзия» к критике бинарной логики в системном и конструктивистском подходах [28]. В частности, Н. Луман и Р. Штихве настаивали на том, что инклюзия и эксклюзия — не оппозиции, указывая на разнообразные сферы и уровни включения и исключения, а также на исключающую инклюзию и включающую эксклюзию [25; 30]. Как показал Роб Имри в своей критике понятия универсального дизайна, нацеленность на инклюзию конкретных групп легко может подвергнуть эксклюзии другие группы [24]. Кроме того, исследования убеждают: фрагментированная логика инклюзии, помноженная на приверженность сложившимся в образовании канонам, ведет к углублению противоречий и конфликтов [29].

В российской публичной сфере политика инклюзивного образования порой представляется в этом — потенциально конфликтном — ключе: как программа с бинарным дизайном, когда члены целевых групп получают выгоду, а члены прежде доминировавших групп, с их точки зрения, лишаются «законных» привилегий. Так мотивированы восклицания, подобные следующему (лексика и синтаксис сохранены): *«Почему за счет нормальнотипичных (так Вы исковеркали здоровых детей?!) детей, их психики государство решает проблему развития детей с особенностями. Надо услышать мнение специалистов, которые, также, против помещения детей с особенностями в обычные коллективы. Ну, и экономический эффект весьма сомнительный, от того, что двое родителей налогоплательщиков заменяются тьютором и переподготовкой всего персонала образовательного учреждения»* (из комментариев читателей к статье [6]).

Как любая таргетированная программа социальной политики [27], инклюзивное образование оценивается представителями доминирующей группы как попрание их интересов в угоду интересам уязвимой группы. Представители групп благополучателей и сами нередко скептически относятся к принимаемым мерам не только ввиду их низкой эффективности, но и потому, что получать эти блага они вынуждены в атмосфере явной или скрытой неприязни со стороны представителей доминирующих групп [3; 23]. В результате идея инклюзивного образования, изначально направленная на преодоление неравенства в доступе к качественному образованию для всех [14], подвергается коррозии ввиду, во-первых, гиперфокусировки на одной категории проблем, а во-вторых, ее редуцирования к бинарной логике «включение одних = исключение других» в общественном сознании. Универсальное содержание инклюзии требует своей реактуализации в российском публичном, академическом, политическом и педагогическом дискурсах. Именно эта задача формирует проблемное поле данной статьи. Мы полагаем, что в качестве релевантной концептуальной рамки, прочно связывающей инклюзию с равноправием, разнообразием и безопасностью, может выступить дружелюбная образовательная среда (ДОС). В следующем разделе рассмотрим происхождение концепта ДОС и предложим аналитическую матрицу осмысления и операционализации этого феномена.

Дружелюбная образовательная среда как аспект таргетированно-универсалистской повестки трансформации образования

В качестве альтернативы таргетированным стратегиям, узкофокусированным на запросах какой-либо целевой группы, и универсальным, избегающим учета «особых потребностей», выступает таргетированный универсализм (ТУ) [27]. ТУ подразумевает реализацию стратегий, которые ставят универсальные цели, а для их достижения используют индивидуализированные процессы, учитывающие потребности и ресурсы конкретных индивидов, семей или групп. ТУ поощряет сообщества к постановке общих амбициозных, но разумных целей, которые улучшили бы положение каждого, а затем углубляется в реальные проблемы населения, чтобы найти необходимые индивидуальные решения для достижения этих целей [26; 18]. С нашей точки зрения, этому подходу комплементарна концептуальная рамка дружелюбной образовательной среды (ДОС). Рассмотрим это понятие подробнее.

Ключевая часть ДОС — «образовательная среда» — давно известна педагогике (см. обзоры: [4; 5]) и связывается с понятиями атмосферы, окружения, климата, культуры [1; 11], раздвигая представления о качестве образования от академических результатов до качества жизни. В одном из недавних определений школьная среда представлена как «совокупность возможностей для развития личности учащегося, возникающих под влиянием педагогически спроектированных организационно-технологических и пространственно-предметных условий, а также случайных факторов в контексте событийного взаимодействия членов школьного сообщества» [12]. В это определение, как видим, встроен уровень управления организацией и образовательным процессом — то есть политика, а также повседневные практики, реализуемые в контексте школьного сообщества — «событийное взаимодействие». При этом ценностно-символическое своеобразие образовательной среды в приведенное определение не закладывается. Такой взгляд является ценностно-нейтральным, он исключает аспекты культуры организации или школьного сообщества и технологизирует среду. Ценностный контекст актуализируется, если к концепту «школьная среда» или «образовательная среда» добавляется эпитет «дружелюбная» («дружественная»). Кроме того, средовой подход в педагогике, начиная с работ Л.С. Выготского [2], представляет собой метод обучения и воспитания, развития личности [8], тогда как концепт дружелюбной образовательной среды выступает основой развития инклюзивности и оценки на всех уровнях школьной системы.

Концептуализацию ДОС мы развиваем, исходя из определения, впервые представленного в 1999 г. Отделом образования Программного офиса ЮНИСЕФ. В этой рамке понятие «дружественная детям школа» базируется на трех ключевых принципах: центрированность на ребенке, демократическое участие и инклюзивность[14]. ДОС должна обеспечивать: 1) эффективные в академическом плане и актуальные в жизни навыки; 2) здоровье, безопасность и защиту как в психосоциальном, так и в физическом аспекте; 3) права человека, инклюзию, защиту в аспектах

[14] UNICEF. The child friendly school manual. N.Y.: UNICEF Division of Communication, 2009. — URL: https://www.unicef.org/documents/child-friendly-schools-manual (дата обращения 19.05.2026).

этнических, культурных, социально-экономических уязвимостей и с точки зрения способностей и ограничений по здоровью, инвалидности; 4) гендерную сенситивность и равноправие; 5) участие школьников, их семей и сообществ в демократических процессах управления школой[15].

В дальнейшем авторы предлагали разные комбинации аспектов ДОС [7; 15; 19], однако подходы, представляющие списки показателей, не дают ясной концептуальной схемы, позволяющей аналитически развести разные компоненты и очертить отношения между ними. Предлагаемые показатели можно объединять с другими, выделять или добавлять новые, при этом они пересекаются между собой, и не всегда понятно, какими теориями они инспирированы. Делались также попытки сгруппировать списки аспектов ДОС, чтобы придать им системность и упорядоченность. В частности, Годфри с соавторами [21] сфокусировались на трех аспектах восприятия школьниками условий обучения, предлагая использовать их для оценки ДОС, в том числе в межстрановых сравнительных исследованиях: 1) климат эмоциональной поддержки, где измерялись внимание и забота, оказываемая детям со стороны взрослых; 2) учебная среда, ориентированная на успехи, интерес и активное участие детей; 3) безопасный, инклюзивный и уважительный климат школы, включая физическую и эмоциональную безопасность детей. На наш взгляд, ограничениями данного подхода являются, во-первых, содержательное пересечение первого и третьего аспектов, сфокусированных на эмоциональном проживании школьного опыта, и, во-вторых, учет восприятия образовательной среды только одной группой участников процесса — учащимися. Соглашаясь с тем, что качество образовательного опыта ребенка является ключевым в оценке образовательной среды, полагаем важным учет восприятия школьного климата всеми участниками: учащимися, членами их семей и представителями локальных сообществ, педагогами, руководителями образовательных организаций, поскольку только при условии консенсуса между разными участниками можно достичь формулировки универсальных целей и выстроить таргетированные под особые запросы стратегии их достижения.

Чтобы избежать опасности взаимных пересечений разных показателей, можем рассматривать ДОС как систему, включающую три типа компонентов: 1) структурные компоненты, которые определяют формальную доступность качественного образования для разных категорий учащихся; 2) содержательные компоненты, характеризующие непосредственно контент обучения и воспитания; 3) реляционные компоненты, которые отражают качество отношений между всеми участниками образовательного процесса. Все перечисленные компоненты реализуются на трех уровнях, идентичных предложенным Т. Бутом и М. Эйнскоу для оценки инклюзивности образовательной среды [14].

Уровень, задающий всей системе качество дружелюбности, — дружелюбная *культура* — это единство осознаваемых всеми участниками образовательного процесса целей и ценностей, универсальный компонент, объединяющий всех участников и все реализуемые в школе программы и отдельные инициативы принципами разнообразия, равенства и инклюзии.

---

[15] Chabbott C. UNICEF's Child-Friendly Schools Framework: A Desk Review. 9 March 2004. — URL: https://www.academia.edu/16523393/UNICEFs_Child_Friendly_Schools_A_Desk_Review; UNICEF. The child friendly school manual. N.Y.: UNICEF Division of Communication, 2009. — URL: https://www.unicef.org/documents/child-friendly-schools-manual (дата обращения 19.05.2026).

Стратегический уровень — это дружелюбная *политика* школы, основанная на принципах ответственности, осознанности и эксплицитности норм и правил. Политика воплощается в наличии нормативных документов, специализированного персонала, в особым образом — архитектурно, технологически — обустроенной среде и системах организационной коммуникации. Регуляции и оснащенность такой среды могут меняться быстро решением «сверху». При этом общий курс развития может определяться универсально — «образование для всех», но способы достижения могут и должны быть таргетированы.

Политические решения имплементируются с участием всех акторов образовательного процесса в дружелюбных *практиках*. Это уровень повседневных взаимодействий в различных формальных и неформальных ситуациях. Практики имеют черты конкретных контекстов, где требуется активное соучастие всех, но каждая из практик опирается на принципы равенства, разнообразия, инклюзии. На этом уровне важную роль играют учебные методики, инструменты, но дело не только в их формальном наличии, но и в каждодневном применении. В результате успешно реализуемых дружелюбных практик ценности укореняются в организации, подпитывая и укрепляя дружелюбную культуру.

Мы предлагаем концептуализировать дружелюбную образовательную среду как совокупность возможностей эффективного и качественного преподавания и обучения, личностного роста и социального благополучия для всех, возникающих под влиянием совместно проектируемых организационно-технологических и пространственно-предметных условий, где каждый участник воспринимает себя частью сообщества, получая внимание и поддержку, а связи строятся на доверии и взаимных обязательствах, участников объединяют общие интересы, нормы, ценности. В такой концептуализации универсальная цель (*эффективное и качественное образование, личностный рост и социальное благополучие*) дополнена таргетированным аспектом (*каждый участник*) для предотвращения или конструктивного разрешения конфликтов интересов разных акторов, действующих в образовательном пространстве.

Предложенная концептуализация позволяет на каждом из перечисленных уровней — культуры, политики и практики — рассмотреть совокупность компонентов дружелюбной среды: структуру, содержание и качество отношений участников (в таблице 1 для наглядности приведена матрица, которая будет заполнена в специальном разделе статьи).

Таблица 1

Уровни и компоненты дружелюбной образовательной среды

Уровни	Компоненты		
	структурные	содержательные	реляционные
Дружелюбная образовательная культура			
Дружелюбная образовательная политика			
Дружелюбная образовательная практика			

К структурным компонентам относим аспекты обеспечения доступности качественных образовательных услуг для разных категорий учащихся и управления образовательным процессом с опорой на принципы ДОС. Эти компоненты мы рассматриваем на нескольких уровнях: 1) эксплицитная система целей и ценностей всей организации, формулируемая руководством, подкрепляемая организационным символизмом [10], признающая низовые инициативы и участие; 2) реализуемая на принципах партисипаторности система управленческих решений о мерах развития доступной, безопасной, дружелюбной среды школы в целом, включая помещения, оборудование, ассистивные технологии; 3) обеспечение качества человеческих ресурсов и учебных планов.

Содержательные компоненты ДОС охватывают аспекты, связанные с освоением учебного материала в соответствии с ФГОС (в том числе стандарты обучения детей с ОВЗ, интеллектуальными нарушениями). На трех уровнях они отражают: 1) разделяемые ценности по поводу содержания и методов обучения с учетом принципов прав человека и инклюзии; 2) принятие конкретных решений о содержании учебного процесса, в том числе с участием детей и родителей, с учетом обратной связи и инициативы как педагогов, так и учащихся; 3) разработку и применение подходов и дидактических материалов с учетом своеобразия потребностей и возможностей учащихся.

Разложим реляционные компоненты по уровням: 1) ценности доверия, уважения прав и принятия индивидуального и группового (культурного, семейного и проч.) опыта всех участников образовательного процесса; 2) явным образом на уровне всей школы принятые правила доброжелательных отношений, организованные управленческими решениями условия безопасности и эмоциональной поддержки; 3) использование существующих и формирование новых моделей отношений на принципах равноправия, сплоченности, инклюзии.

В следующем разделе, опираясь на серию экспертных интервью с представителями академической среды, региональных органов управления образованием, родительских сообществ и администраций школ, наполним предложенную концептуальную модель ДОС эмпирическими примерами в соответствии с включенными в нее компонентами: 1) структурные компоненты, включая организацию физической среды; 2) содержание учебной и внеучебной деятельности; 3) качество отношений между всеми участниками образовательного процесса.

Сферы деятельности экспертов — участников интервью охватывают все ее типы, потенциально участвующие в создании дружелюбной образовательной среды: органы государственной власти (3 эксперта), академическая сфера (8 экспертов), общественные организации, в том числе родительские сообщества (5 экспертов), администрация учебного заведения (7 экспертов).

Перечень вопросов для экспертного интервью сконструирован по принципу топик-гайда, то есть представлял собой перечень тем, которые предполагается обсудить в ходе интервью. Детализация и формулировка вопросов непосредственно в ходе интервью происходили ситуативно, в зависимости от ответов экспертов на предшествующие вопросы и направленности беседы. Интервью проводились дистанционно (онлайн, на платформе Яндекс.телемост). От каждого эксперта получено согласие на видеозапись интервью. Все транскрипты направлялись экспертам по электронной почте и включались в анализ после утверждения транскрипта

и получения от эксперта согласия на его использование в исследовательских целях. Продолжительность интервью — от 62 до 83 минут. Использован базовый метод анализа качественных данных — тематический анализ, удобный в отношении процедуры и универсальный в практическом применении. Анализ подготовленных транскриптов интервью проводился «вручную», без использования программного обеспечения.

Структурные аспекты ДОС

Ключевую роль в выстраивании ДОС эксперты отводят формированию единой ценностной среды, которая, по сути, и определяет специфические свойства дружелюбной школы: «*Дружелюбная среда — это какое-то атмосферное качество. Прямо на входе в школу я могу почувствовать, насколько правила и регламенты этой организации ориентированы на уважение ко мне*» (эксперт 2, академия). Размышления об атмосфере обращают внимание на уровень организационной культуры, которая формирует контекст всех взаимодействий в школьной среде и фреймирует складывающиеся отношения и практики: «*...в хорошем рассоле огурцы просаливаются. То есть некоторые “просаливаются” в одном с нами ценностном поле, а некоторые уходят, это очень редко, но происходит*» (эксперт 1, администрация школы). Метафора рассола, подмеченная и в наших предыдущих исследованиях (см., например: [22]), подразумевает естественный способ формирования и поддержания дружелюбной школьной культуры. Однако спонтанность этих процессов не стоит переоценивать. Культурные инициативы оказываются неустойчивыми и ситуативными без подкрепления соответствующей школьной политикой, предполагающей эксплицитное представление ценностей, норм и правил и достижение в отношении них консенсуса между всеми участниками образовательного процесса. «Политический» компонент задает «атмосфере» вектор устойчивого развития.

Дружелюбность образовательной среды определяется воплощаемым уже в физическом пространстве школы и прилегающих территорий вниманием ко всем участникам образовательного процесса. При этом управление школой организуется таким образом, что инициативы снизу становятся слышны и могут приносить пользу всему школьному сообществу. Те, для кого строится или трансформируется школа, должны быть непосредственными участниками планирования, реализации замысла и экспертизы воплощенных решений: «*Позвонила мама ребенка с инвалидностью, говорит: “А давайте сделаем инклюзивную школу, где дети на колясках смогут появиться”. И мы так вместе с ней и ее ребенком по стройке и ходили. Мы разбивали пороги, расширяли проходы, построили пандус, подъемник, бассейн*» (эксперт 1, администрация школы).

Отмечаемый многими экспертами принципиально важный аспект и коммуникации, и формирующейся субъектной позиции всех участников, но в первую очередь детей и членов их семей — правовая грамотность, способность и готовность отстаивать свои права (и права своего ребенка). К сожалению, экспертами эта тема рассматривалась в формате актуального дефицита: «*У нас вообще права ребенка пока очень редко включены в систему образования педагогических вузов. Эта тема в целом есть, но этого мало — должны быть отдельные модули по правам детей*» (эксперт 4, академия).

С одной стороны, принятие решений о физической, материальной и технологической доступности образовательной среды должно соотноситься с идеями универсального дизайна в логике «образования для всех» — для учащихся с различными особенностями и дарованиями, для детей и взрослых. С другой стороны, архитектурные и образовательные стандарты и нормативы должны учитывать конкретные особенности отдельных групп. Эксперты указывали на противоречия, характерные для реализации таргетированных стратегий: оценка повышенного внимания к потребностям отдельных категорий представителями традиционно доминирующих групп как несправедливого «игнорирования» интересов большинства, с одной стороны, и как невозможность учесть все нюансы для удовлетворения потребностей недопредставленных групп — с другой: «*...создать среду "для кого-то" крайне сложно. Формализация инклюзии как раз проходит ровно по этой границе, когда мы создаем "условия для..." . Мы вроде условие создали, а это условие никому не нужно*» (эксперт 2, академия).

Ситуация меняется, если от таргетированного подхода, ориентированного на создание специальных условий для конкретных групп, мы переходим к восприятию каждого ребенка или взрослого как носителя уникального опыта. Опыт — это не проблема, которую надо решить, или недостаток, который необходимо скорректировать. Опыт можно ценить, и им можно обмениваться, и в этом отношении, по мнению экспертов, важна реализация политики поддержания разнообразия внутри педагогического коллектива. Так, педагогический коллектив может стать своего рода площадкой для выстраивания и «отработки» приемов и технологий деятельности в разнообразной социальной по сути и образовательной по функционалу среде: *«У нас есть сотрудники с особенностями и представители разных культур, в этом смысле разнообразие педагогического коллектива развивает и воодушевляет учащихся»* (эксперт 7, администрация школы).

Каркас ДОС — это подготовленные педагоги и другие специалисты, а также релевантные принципам инклюзии и нацеленные на академическую успешность, но при этом индивидуализированные учебные планы и программы. Особые запросы учащихся, обусловленные состоянием здоровья, миграционным опытом, социально-экономическим статусом семьи и другими факторами, требуют включения в состав педагогического коллектива специалистов сопровождения: «*Пришел в школу ребенок, например, инофон — прописывают логопеда и преподавателя русского как иностранного. Пришел ребенок с СДВГ — ему прописывают сопровождение психолога и коррекционного педагога, пришел аутист — ему тьютора прописывают*» (эксперт 5, НКО).

Далеко не всегда школа может позволить себе такую «роскошь», о чем эксперты упоминали неоднократно, предлагая такие альтернативные варианты, как повышение квалификации педагогов в вопросах, требующих особого внимания, и наставничество сверстников: «*Допустим, ребенок не владеет русским, мама и папа тоже, что делать? Мы решили, что можно найти наставника в школе среди других детей мигрантов, которые приехали раньше: он будет и переводить, и рассказывать, объяснять. То есть такой посредник, языковой барьер тут уже разрушается*» (эксперт 3, НКО). Институциализация наставничества сверстников — важный инструмент создания дружелюбной среды, воспитывающий субъектность и у сопровождающего, и у сопровождаемого ученика. Так формируются навыки осознания

и вербализации собственных интересов, сложностей, потребностей, фокусировка своего запроса и способность услышать чужой, рефлексия опыта, коммуникативные навыки и т. д.

Однако эксперты подчеркивают возможную недостаточность для поддержки ДОС энергии и потенциала, сосредоточенного внутри школы: *«В школе мы поддерживаем это, развиваем, воплощаем в деятельности, и действительно формируем сознание участников процесса, исходя из этой идеи, а потом выходим за границы школы и встречаемся с тем, что социальная среда недружелюбна»* (эксперт 2, академия). Это противоречие внутренней и внешней сред может быть разрешено только при условии открытости школы и принятия ею позиции культурного центра локального сообщества.

«Школа воспринимается очень часто как осажденная крепость, но это заведомо проигрышная ситуация. Школа должна и может себя воспринимать как форпост изменений. Мы можем и должны влиять на ту среду, которая вокруг, иначе среда начнет доминировать над нами. Влиять в любом случае она будет, но это вектор взаимного влияния. Те ценности, которые мы разделяем, мы должны развивать на как можно большем пространстве» (эксперт 13, администрация школы).

Таким образом, открытость школы и интегрированность школьной жизни в жизнь локального сообщества видятся экспертам одним из важнейших как факторов, так и эффектов имплементации ДОС.

Направления и приемы взаимодействия школы и локального сообщества могут быть в исследовательских целях дифференцированы.

Первое направление связано с вовлечением семей учащихся в развитие внутришкольной среды. Первоочередная задача в этом направлении, как и в отношении вовлечения самих учащихся в развитие пространства школы и отношений внутри нее, — формирование субъектной родительской позиции, выстраивание отношений сотрудничества между школой и родителями. Это невозможно в случае, если родители не уверены в том, что их мнение имеет значение, их позиция принимается и обсуждается, а их вклад в образовательный процесс имеет вес.

«Если не удастся выстроить всю полноту этого дружелюбия внутри школы, общая атмосфера будет подтачиваться другой культурой, если ее не формировать специально со стороны родителей» (эксперт 12, администрация школы);

«Выходя к родителям, я всегда говорю: это — наша с вами общая история» (эксперт 15, администрация школы).

Второе направление предполагает вовлечение жителей района независимо от наличия у них родственных связей с учащимися.

«...в вечернее время в школу могут прийти местные жители, например заниматься спортом. У нас есть клуб людей серебряного возраста, у нас есть академия, где дети-подростки и учителя помогают с финансовой грамотностью, информационной грамотностью» (эксперт 13, администрация школы).

Так школа становится культурно-образовательным центром жилого района, что, вероятно, особенно важно в небольших городах и сельской местности, где школа является естественным средоточием наиболее образованного населения, а внешкольная среда — не всегда, но часто — обеднена в плане доступности образовательных и культурных сервисов. Однако и в крупных городах выполнение школой такого рода просветительской миссии может иметь разноплановый и дол-

говременный эффект. Во-первых, открытость и активность школы способствуют росту ее собственного статуса в глазах местного населения и уважения к учителям. Во-вторых, жители района органично интегрируются вокруг увлекающих их занятий, что способствует повышению безопасности места жительства, а значит, повышению качества жизни в районе. В конечном итоге, это делает и район, и школу привлекательными для инвестиций и вовлекает бизнес в развитие школы и пришкольных территорий в достаточно широком радиусе.

«У нас есть оборудование, которое передано государством или получили мы его в рамках гранта через НКО, и дети выполняют на нем определенные заказы реальные, то есть не учебные проекты, а реальные дела. При этом все риски трудоустройства несовершеннолетних берет на себя некоммерческая организация, которая аккумулирует заказы, делает расчеты и платит детям зарплату. При этом есть еще НКО, благотворительный фонд, куда дети могут по своему свободному выбору перечислять средства на поддержку детей, своих одноклассников с особенностями здоровья, могут зарабатывать, а могут чем-то делиться, сделать чью-то жизнь лучше. Для них это очень важная значимая деятельность, которая позволяет им чувствовать себя совсем по-другому, не как объекты воздействия, а как субъекты деятельности, которые влияют и меняют этот мир» (эксперт 13, администрация школы).

По мнению экспертов, межсекторное сотрудничество (школа — локальные сообщества — «третий сектор» — бизнес — государство) должно быть ориентировано на взаимную поддержку инициатив и делегирование образовательных функций широкому спектру акторов. Так, эксперты — представители общественных организаций рассказывают о собственном опыте консультирования и проведения образовательных встреч, вебинаров для педагогов и руководителей школ, приводят различные примеры сотрудничества с государственными и негосударственными культурными учреждениями (музеями, художественными галереями, театрами). Такого рода коллаборации существенно расширяют горизонты не только детей, но и родителей, и педагогов, демонстрируют в первую очередь детям масштабный диапазон жизненных, в том числе профессиональных, траекторий, а взрослым позволяют «скорректировать настройки», уточнить интерпретации ценностных и целевых аспектов образовательной среды. Внешние акторы, вовлекаемые в образовательный процесс, могут, кроме того, выступать в роли посредников, экспертов, осуществлять адвокацию интересов взаимодействующих сторон в случае необходимости.

«В случае интеграции детей с миграционным опытом национально-культурные объединения, диаспоральные организации становятся участниками формирования этой дружелюбной среды или какого-то улучшения климата, разрешения и предотвращения конфликтов. Это происходит потому, что, как правило, там есть люди, уровень образования которых позволяет привести в соответствие требования образовательной организации и то, как это воспринимают родители из числа тех же трудовых мигрантов. Получается, они действуют как посредники» (эксперт 9, НКО).

При этом, как специально подчеркивают эксперты, контролирующее взаимодействие — в первую очередь государства — со школой желательно минимизировать.

«Чем больше времени государство даст школе для того, чтобы понять, что такое дружелюбная образовательная среда, без своего участия, тем быстрее и лучше мы это поймем. Как только заработает государственный маховик, появятся какие-то

государственные нормы, формулировки, мы потеряем время для осмысления и попадем в тот же социокультурный разрыв, что и с инклюзивным образованием: с точки зрения правовой рамки мы все скрепки положили, но любая норма должна быть принята людьми, только тогда она будет реализовываться» (эксперт 8, академия).

При этом публичную дискуссию, поддерживающую и развивающую перспективы межсекторного партнерства в деле создания дружелюбной школы, напротив, следует активизировать: «*Важно, чтобы школа говорила об этом <...> — плохо, хорошо, по-разному, с вопросами, с ответами, но об этом нужно говорить»* (эксперт 8, академия).

В таком случае, когда спектр акторов, заинтересованных в продвижении идеи дружелюбной школы, будет расширен, инструменты отчетности школ возможно будет переориентировать: они перестанут работать как инструменты ведомственного контроля и давления и будут выполнять функции информирования общества о достижениях и сложностях, что потенциально позволит обеспечить и адресность поддержки в решении конкретной школой конкретных задач. Так, аспекты ДОС, аналитически относимые к типу «структурных», обнаруживают связи с реляционными и содержательными аспектами, не только облегчая доступ к получению образовательных услуг, но и способствуя формированию метапредметных компетенций, обозначенных во ФГОСе [9], и интеграции школьного, и шире — локального, сообщества.

Таким образом, структурные компоненты ДОС включают эксплицитное представление миссии организации и позиции руководства в русле ДОС. Это становится ориентиром для поддержки ценностно-смыслового единства школьного коллектива и распространения школьных ценностей во внешнюю среду; для создания безбарьерной среды школ, пришкольных территорий и иных инфраструктурных объектов, использование которых необходимо, чтобы любой ребенок, педагог и родитель мог попасть в школу и использовать ее помещения, прилегающие территории и оборудование. Структурные компоненты ДОС ответственны также за обеспечение образовательного процесса учебниками и пособиями, учитывающими возможности, потребности и опыт ребенка и членов его семьи; включение в штат образовательной организации широкого круга специалистов психолого-педагогического сопровождения, а также постоянное повышение квалификации в сфере управления социальным и культурным разнообразием всех сотрудников; правовую поддержку участников образовательного процесса в выдвижении и отстаивании их интересов и потребностей.

Содержательные аспекты ДОС

Несмотря на то что содержание учебной деятельности задается ФГОСами, возможность для реализации принципа партисипаторности может быть найдена и в этом направлении. Наши собеседники подчеркивают значение общественной экспертизы при планировании практической подготовки учащихся и профориентационной работы, в которую вовлекаются представители партнерских организаций, локальных сообществ, выпускники, родители и, конечно, педагоги и учащиеся. Некоторым из наших собеседников на практике удается создать условия

для формирования у учащихся опыта планирования и реализации собственных образовательных траекторий. В одной из школ перешли от классно-урочной системы к поточно-групповой, там старшеклассники сами составляют свой учебный план, где гибко могут сочетаться предметы гуманитарного, естественно-научного и других профилей: *«Учащиеся выбирают предметы и уровень их освоения — профильный или базовый. Для этого у каждого ребенка есть тьютор. Когда есть право и возможность выбора, возникает совершенно иная мотивация, иное качество жизни, это не навязанная жизнь, а собственный выбор»* (эксперт 1, администрация школы). Несмотря на сложность организации, эксперт уверен, что эту технологию вполне можно распространить.

Наши собеседники подняли тему рефлексивности как способности осознавать собственные потребности и цели, а также интересы партнеров по общению. Это требует развития не только когнитивных функций, но и эмоциональной сферы, чем школа зачастую пренебрегает, а в некоторых случаях целенаправленно этому противится: *«Так построены программы и системы оценивания, что у ребенка в школе нет шансов научиться самовопрошанию, то есть “а что я хочу? а что я могу? к чему я стремлюсь?”. А не поняв себя, человек других не будет даже пытаться понять»* (эксперт 5, академия).

Впрочем, в отношении рамок, определяющих как содержание учебной деятельности, так и критерии оценки, эксперты выражают значительную обеспокоенность в связи с тем, что не все достижения детей могут быть признаны, по крайней мере, с формальной точки зрения. Информант называет болезненным и неправильным, что *«только внимание, память, способность воспроизвести что-то ценятся, а если я совершенно замечательно выражаю себя через пластику тела или способен нарисовать какую-то невероятную картину, то это так, дополнительное, можете развлекаться, когда все выучите»* (эксперт 1, администрация школы).

Сходная риторика характерна и для высказываний в отношении эффективности обучения детей, чьи образовательные потребности связаны с медицинскими, культурными, социально-экономическими особенностями ребенка и его/ее семьи. Эксперты упоминают возможности переориентации инструментов оценки эффективности образования с результата на процесс: «*...увидеть шире, масштабнее, не только как результаты сдачи ЕГЭ»* (эксперт 2, академия). При этом некоторые опрошенные подчеркивали роль учебной и трудовой мотивации детей: *«Мне кажется, главное, что у ребенка есть в глазах интерес к чему-то происходящему в школе. Пусть у него будут тройки, но он отлично поет, пилит, сажает пришкольные огороды. Ценности физического труда, помощи другим важны в формировании дружелюбной среды»* (эксперт 4, академия).

Большинство экспертов подчеркивали особую роль и значимые эффекты внеурочной образовательной деятельности в концепции дружелюбной школы. Особенно акцентировали эксперты роль кружков и клубов по интересам в социальной инклюзии детей с ООП независимо от того, какого рода особенностями эти потребности обусловлены: состоянием здоровья, особенностями развития, миграционным опытом или социально-экономическим статусом семьи: *«Любой кружок помогает оставаться внутри школы, и если ты даже не знаешь язык, то можешь заниматься спортом, посещать компьютерный курс, что угодно... Чтобы коммуникация была, чтобы у тебя появился круг друзей, оттуда уже постепенно*

начинаешь становиться увереннее, успешнее» (эксперт 3, НКО). Эффекты этой внеурочной деятельности для детей с ООП связаны, таким образом, с формированием идентичности как результата обретения возможности самостоятельного осознанного выбора деятельности. Реализуя эту возможность, дети получают опыт ответственности за сделанный выбор, а также принятие, признание и дружеские связи, окрыляются опытом успешности в деятельности, которая для них оказывается близкой и значимой.

Содержательные аспекты ДОС, таким образом, предполагают гибкость, доступность и комплексность представления материала, возможности реализации индивидуальных образовательных траекторий, дифференциацию подходов к оценке образовательных результатов, включение в учебный процесс и внеурочную деятельность программ и элементов социального и эмоционального воспитания и поддержки.

Реляционные аспекты ДОС

В высказываниях экспертов речь шла о взаимном признании других участниками образовательного процесса как залоге внимания к интересам и запросам каждого и психологической безопасности школьного пространства в целом: *«Это то, чего пока, в принципе, не хватает нашей системе образования: к большому сожалению, личность ученика, ребенка, не всегда должным образом признается педагогом. И наоборот тоже»* (эксперт 4, академия). При этом эксперты отмечали дефицит навыка признания субъектности и ценности как проявление структурного неравенства участников образовательного процесса. Одна из наших собеседниц обращает внимание на травмирующие эффекты агрессивного и обесценивающего стиля восприятия и коммуникации: *«...когда твоего ребенка в школе ругают, а ты не находишь слов и аргументов, ты просто стоишь и плачешь, как бывшая ученица этого учителя, который тебя ругает. Школа, в которой ты провел десять лет или восемь, она и на твое психологическое состояние нанесла огромный отпечаток»* (эксперт 5, НКО).

Задача педагога и тем более администратора школы: остановить распространение этих кругов давления и принуждения. И если повседневная задача педагога — работая с собственным эмоциональным состоянием, исключить обвинительный дискурс из взаимодействия с учениками, членами их семей и коллегами (*«Педагог должен... уметь преодолевать напряжение»* (эксперт 1, администрация школы)), то цель школьного лидера (как правило, эта роль отводится экспертами директору школы) — вывести субъектность и ценность каждого в область ключевых ориентиров политики образовательной организации: «*...у директора роль определяющая. Именно он несет в школу идеологию, если он не только на рейтинг ориентирован и понимает всю совокупность задач, которая стоит перед школой как перед институтом судьбы каждого»* (эксперт 7, администрация школы).

Различия, которые оцениваются участниками образовательного процесса как нетривиальные, могут быть вынесены в публичное обсуждение, переинтерпретированы и прожиты таким образом, чтобы это позволило представить их как ценность, предмет и основание социальной интеграции, а не как барьер для взаимопонимания. Так, в приводимых нашими собеседниками примерах вместо «создания специальных условий для кого-то» разворачиваются процессы совместного творчества: «*Мы решили, что строить школу надо не для детей, а вместе с ними,*

собрали детей, родителей, учителей и сделали общественные слушания об образе школы мечты. Дети разные интересные идеи выдвигали, и почти всё это мы реализовали» (эксперт 1, администрация школы).

Участники взаимодействий в дружелюбной школе, по мнению экспертов, должны быть способны отстаивать собственные интересы и конструктивно взаимодействовать в конфликтной ситуации. Наши собеседники полагают, что задачи школы в тесном сотрудничестве с семьей заключаются, во-первых, в формировании представлений о конфликтах как об источниках развития, которые необходимо разрешать, а не гасить; во-вторых, в обучении учащихся конструктивным формам поведения в конфликтной ситуации, что актуализирует все ранее названные условия — взаимное уважение, рефлексивность, самоконтроль и ролевую гибкость; в-третьих, в формировании у учащихся чувства самоэффективности, которое станет базой для столь же конструктивного поведения в конфликтах вне школьных стен: «*На самом деле сама дружелюбность должна иметь внутри себя опыт проживания и разрешения конфликтной ситуации. Но этот принцип сотрудничества — это определенная стратегия в разрешении конфликтов»* (эксперт 2, академия).

Однако полноценная реализация этого аспекта требует существенных ценностно-целевых трансформаций: с одной стороны, принятия идеи субъектности ребенка, а с другой — выращивания в детях чувства самоэффективности в коммуникации со всеми субъектами образовательного процесса – от сверстников до администрации, уверенности в том, что их голоса будут услышаны: «*...если воспринимать детей как объект воздействия, конечно, они будут агрессивно относиться к среде, потому что их сюда заставили прийти, и они ни на что не влияют. А если они могут повлиять на среду, они могут здесь что-то изменить, то это уже не навязанная история, а их собственная»* (эксперт 1, администрация школы). Необходима и ролевая гибкость, без которой взрослеющему человеку сложно интегрироваться в социум: «*Для меня многообразие ролей, которые человек может прожить в своей образовательной среде, — это залог того, что он научится понимать этот мир*» (эксперт 2, академия).

Основными механизмами формирования коммуникативных позиций в формате ДОС, с точки зрения экспертов, становятся: а) персональный пример учителей; б) включение педагогов, детей, родителей в совместную внеурочную деятельность: *«...концерт, например, где только дуэты “учитель и ученик” могут петь»* (эксперт 1, администрация школы), *«...играем в футбол или просто ходим гулять, на лодке катаемся. Это важно: у ребят память остается, что-то общее формируется»* (эксперт 3, НКО); в) предоставление учащимся возможности делать что-то значимое самостоятельно, получить опыт выбора и принятия ответственности за него. Это принципиально важный аспект, формирующий по большому счету самую суть дружелюбной образовательной среды.

Итак, реляционные компоненты ДОС направлены на: поддержание социального и культурного разнообразия во всех взаимодействиях в образовательном пространстве; формирование коллективной идентичности и чувства принадлежности в атмосфере дружелюбия и поддержки; сплочение школьного коллектива, развитие равноправных отношений всех акторов, включенных в образовательный процесс; уважение индивидуального и семейного опыта учащихся и педагогов, партисипаторность и сотрудничество в отношениях; учет разнообразия в школьной системе коммуникации, в том числе в медиасреде; развитие ценностей и навыков отношений на принципах инклюзии и равноправия в рамках и вне учебного процесса.

Наполнение концептуальной модели ДОС

На основании интервью с экспертами предложенная нами двумерная модель ДОС наполняется примерами культурных диспозиций, политических принципов и повседневных практик (табл. 2).

Таблица 2

Концептуальная модель дружелюбной образовательной среды

Уровни ДОС	Компоненты ДОС		
	Структурные: доступ, регуляция	**Содержательные: академические компетенции и знания, профессиональные практики**	**Реляционные: социальные взаимодействия, идентичность, принадлежность**
Дружелюбная культура	Эксплицитное представление миссии школы в соответствии с принципами разнообразия, равенства и инклюзии. Поощрение низовых инициатив	Общественная экспертиза. Признание ценности индивидуального, семейного, группового опыта	Общие ценности и нормы. Доверие и взаимные обязательства
Дружелюбная политика	Поддержка социального и культурного разнообразия в составе трудового и ученического коллектива школы. Развитие правовой грамотности всех участников. Эксплицитный, ясный, учитывающий интересы всех акторов план развития	Доступность для школы качественной методической литературы по работе в разнообразном классе. Процессуальная (динамическая) оценка качества образования. Согласованность позиций в отношении перспектив и содержания образования	Репрезентация разнообразия в школьных медиа. Партисипативность, коллаборативность, осведомленность. Сообразность возрасту, гендеру, избегание (минимизация) универсальных решений
Дружелюбные практики	Доступность для ученика и учителя ресурсов внутри и вне школьного здания. Доступность школы для сообщества. Гибкость расписаний/пространств. Поддержка повышения квалификации педагогов	Применение методик, адаптированных дидактических материалов, учебников и учебных пособий (в том числе цифровых). Использование разнообразных типов оборудования. Интегративность (кластерность) изложения материала. Индивидуальные траектории	Поддержка сверстников. Безопасность, здоровый психологический климат. Поливекторность коммуникации (предметно и технологически)

Представленная модель является достаточно общей схемой. В реальности каждая школа имеет свою атмосферу или культуру, которая определяет стиль управления и организацию обучения. Процессы, методы, инструменты и показатели, используемые для мониторинга и оценки самообучения, должны быть гибкими и соответствовать организационной культуре школы и местному контексту. Школы могут проводить самооценку или привлекать исследователей, чтобы определить, по правильному ли пути они продвигаются и есть ли реальные шансы на успешное внедрение ДОС. Кроме того, для проведения подобных обследований важно интегрировать различные точки зрения, достигать триангуляции перспектив. Речь идет об учете мнений детей, родителей, учителей, администраторов и общественных лидеров. Например, в то время как дети могут ассоциировать ДОС с интересными, актуальными учебными планами, совместным обучением, возможностями управления, дисциплиной, руководство школы, общественные организации и родители, как правило, уделяют больше внимания школьным помещениям, оборудованию, коммуникации, здоровью, безопасности, защите и инклюзивности.

Мы полагаем, что представленная модель применима для решения как исследовательских, так и практических задач. Научные задачи могут быть поставлены для точечных, лонгитюдных и сравнительных исследований и решаться с применением разных методов сбора и анализа данных. На основе предложенной матрицы операционализации могут быть сконструированы анкеты для оценки установок на создание ДОС, для выявления ожиданий и для оценки актуального качества образовательной среды в школах, применимые для опроса всех категорий участников образовательного процесса: представителей педагогического коллектива, учащихся и членов их семей. С помощью качественных интервью и фокус-групп можно оценивать качество среды, объединяющей разные группы акторов.

Школы могут использовать представленную модель как матрицу индикаторов для самообследования: чек-лист для оценки дружелюбности внутренней образовательной среды и обнаружения лакун, требующих заполнения, а также для выявления барьеров, которые необходимо преодолеть, и мониторинга для оценки успешности своего пути устойчивого развития. Соотнесение предложенной матрицы с результатами самообследования может стать концептуальной основой для разработки программы развития школы, включая проработку аспектов, связанных с установлением внешних партнерств.

Часть аспектов, заложенных в матрицу, относятся к вопросам, которые школы не могут решить самостоятельно или такое самостоятельное решение будет слишком обременительно для них. В таких случаях образовательные организации должны выстроить устойчивые партнерские отношения как внутри сферы образования (с органами управления образованием, другими школами и организациями среднего профессионального и высшего образования), так и с организациями иной направленности (с государственными и негосударственными производственными организациями, учреждениями культуры и спорта, общественными организациями). В свою очередь, ориентация школы на запросы и возможности внешней социальной среды, взаимодействие с внешними организациями, которые выступали бы в качестве социальных партнеров, обеспечивающих поддержку по спектру образовательных задач, становится фактором аккумуляции и эффективной конвертации ресурсов на уровне школы и возможного ослабления

образовательного неравенства [20]. В этом случае предлагаемая матрица может использоваться для выявления зон, требующих партнерской поддержки или, напротив, вдохновляющего и фасилитирующего действия со стороны школы. Так, культурный (ценностное единство) и политический уровни ДОС в части институциализации социальных партнерств позволяют школе не только обеспечивать неизменное дружелюбие внутри, но и способствовать трансформации окружающей социальной среды через формирование и развитие локальных сообществ. Это актуализирует потенциал партнерства школы и локального сообщества для разрешения социальных проблем и преодоления образовательного неравенства, который остается не до конца осмысленным и используемым как в российской, так и в мировой практике [17], что задает перспективы дальнейших исследований.

Заключение

По мнению экспертов, если «инклюзивность» предполагает адресность (ясное понимание конкретных запросов конкретной целевой группы), то «дружелюбность» ставит в центр внимания субъекта, носителя уникального опыта, несводимого к привычным категориям. Этот универсалистский аспект, отсылающий к внеприкладным или надприкладным аспектам образования, представляется чрезвычайно важным для определения ценностно-целевых компонентов дружелюбной среды. Уходя от бинарных оппозиций в определении целевых групп (дети/взрослые, ученик/учитель, особые потребности/нормотипичность), дружелюбная школа становится актором преодоления социокультурного неравенства и обеспечивает каждому субъекту возможность представить и реализовать свои интересы и потребности.

Как любая модель, двумерная модель ДОС представляет собой аналитическую абстракцию, что делает ее применимой для решения широкого круга исследовательских и практических задач. В реальности все уровни и компоненты системы ДОС взаимосвязаны: ценности разнообразия, равенства и инклюзии, составляющие уровень культуры, получают возможность воплощения в повседневных практиках, только будучи артикулированы в системе управленческих решений и документах, репрезентирующих и регламентирующих образовательную политику организации. Детализация связей между компонентами ДОС и оценка эффектов синергии или рассогласованности внутри и между уровнями представляет собой перспективы дальнейших — преимущественно количественных — исследований.

Однако анализ экспертных мнений уже на этом этапе позволяет утверждать, что ключевой конфликт, который призвана разрешить идея ДОС, — противоречие между универсальностью требования доступности качественного образования и ориентацией на инклюзию учащихся с особыми образовательными потребностями — решается на уровне политики образовательной организации, которая опосредует имплементацию универсальной дружелюбности культуры в таргетированных дружелюбных практиках. Именно на уровне дружелюбной политики универсальность целей и прозрачность механизмов их достижения задаются в сочетании со специфичностью и вариативностью форм их реализации в зависимости от особых потребностей разных участников образовательного процесса, в первую

очередь учащихся. Воплощением таргетированно-универсальной организационной политики становится программа развития школы, раскрывающая перспективы и удаленные цели, понимание которых, укрепляя чувство сопричастности, становится важнейшим мотиватором признания общих и индивидуальных успехов и преодоления барьеров на пути развития дружелюбной школы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козлова Мария Андреевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 доб. 12471. **Электронная почта:** makozlova@hse.ru SPIN-код: 8701-3834

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, PhD по социальной работе, профессор, заведующий Международной лабораторией исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 доб. 12471. **Электронная почта:** eiarskaia@hse.ru SPIN-код: 7679-2047

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 139–162. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.8

Research Article

MARIA A. KOZLOVA[1], ELENA R. IARSKAYA-SMIRNOVA[1]

[1] HSE University.
20, Myasnytskaya St., 101000, Moscow, Russian Federation.

A Friendly Educational Environment in the Context of Targeted Universalism: A Theoretical Model and Practical Relevance

Abstract. This article presents a conceptual model of a friendly educational environment. The rationale for whether it is a necessity is based on two types of arguments. Firstly, based on the results of analyzing the transformation of the idea of inclusive education in its representation in the Russian public space, the limitations of targeted educational policy are demonstrated. Secondly, based on a brief review of academic publications, the internal inconsistency of a number of established approaches towards researching the phenomenon of friendly schools is explicated. The article demonstrates the potential to overcome the limitations of both universal and targeted approaches in the field of educational policy. Targeted universalism, embodied in the idea of a friendly educational environment, allows broad common goals shared by all participants of the educational process to be implemented in strategies that take into account the interests and needs of individuals and groups. The proposed model of a friendly educational environment is based on two dimensions, where the structural, substantive and relational aspects of the educational environment are considered at three levels: culture, policy and practices. Based on a series of expert interviews, a possible filling of the formed conceptual matrix with examples drawn from the experience of Russian schools is proposed. The presented model can serve as the basis for developing tools designed to solve research problems of both fundamental and applied orientation, including the use by schools for the purposes of self-study and adjustment of organizational policy directions. Some of the aspects embedded in the matrix relate to issues which in order to be resolved require educational organizations to build sustainable intra- and intersectoral partnerships. In this case the proposed matrix can be used to identify the points of development of a friendly culture and the dissemination of inclusive social practices through the development of local communities.

Keywords: inclusive education; conceptual model of a friendly educational environment; targeted universalism; friendly culture; policy; practices.

For citation: Kozlova, M.A., Iarskaya-Smirnova, E.R. A Friendly Educational Environment in the Context of Targeted Universalism: a Theoretical Model and Practical Relevance. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 139–162. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.8

Acknowledgements. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-070).
We would like to thank Sergey Kosaretsky, PhD in Psychology, Nikita Bolshakov, PhD in Sociology, and Roman Karikh for their help in collecting data and inspiring comments when discussing the results.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Kozlova — Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, International Laboratory for Social Integration Research, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 add. 12471. **Email:** makozlova@hse.ru ORCID: 0000-0001-5516-2611 ResearcherID: H-6101-2015
Elena R. Iarskaya-Smirnova — Doctor of Sociological Sciences, PhD, Professor, Head of the International Laboratory for Social Integration Research, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 add. 12471. **Email:** eiarskaia@hse.ru ORCID: 0000-0002-3139-5215 ResearcherID: I-5080-2015

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Александров Д.А., Иванюшина В.А., Ходоренко Д.К., Тенишева К.А.* Школьный климат: концепция и инструмент измерения. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 103 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1737-6 EDN: UQERJI

   Alexandrov D.A., Ivanyushina V.A., Khodorenko D.K., Tenisheva K.A. *School climate: a concept and a measurement tool*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 103 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1737-6 (In Russ.)

2. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / Под. ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. — 479 с.

   Vygotsky L.S. *Pedagogical Psychology*. Ed. by V.V. Davydov. Moscow: Pedagogika publ., 1991. 479 p. (In Russ.)

3. *Горяйнова А.Р., Ярская-Смирнова Е.Р.* Инклюзивное образование: общественное мнение и опыт инсайдеров // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 98–110. DOI: 10.17223/15617793/453/12 EDN: NXEQNB

   Goryainova A.R., Iarskaya-Smirnova E.R. Inclusive education: public opinion and the experience of insiders. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. No. 453. P. 98–110. DOI: 10.17223/15617793/453/12 (In Russ.)

4. *Григорьева М.В.* Понятие «Образовательная среда» и модели образовательных сред в современной отечественной педагогической психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2010. Т. 3. № 4. С. 3–11. DOI: 10.18500/2304-9790-2010-3-4-3-11 EDN: NSEEEV

   Grigorieva M.V. The concept of "Educational environment" and models of educational environments in modern Russian pedagogical psychology. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 3–11. DOI: 10.18500/2304-9790-2010-3-4-3-11 (In Russ.)

5. *Журавлева С.В.* Исторический обзор становления понятия «образовательная среда» в педагогической науке // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 3 [электронный ресурс]. Дата обращения 19.05.2026. URL: https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1497 EDN: WLYGFL

   Zhuravleva S.V. A historical review of the formation of the concept of "educational environment" in pedagogical science. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*. 2016. No. 3. Accessed 19.05.2026. URL: https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1497 (In Russ.)

6. *Залогина А.* Как дети с особенностями развития учатся в обычных школах. И что для этого нужно. Из комментариев читателей к статье (дата размещения комментария 28.10.2023). Тинькофф-журнал. 19.11.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения: 19.05.2026. URL: https://journal.tinkoff.ru/inclusive-education/

   Zalogina A. How children with special needs study in ordinary schools. And what is needed for this. From the readers' comments to the article (the date of posting the comment is 28.10.2023). *Tinkoff Magazine*. 19.11.2021. Accessed 19.05.2026. URL: https://journal.tinkoff.ru/inclusive-education/ (In Russ.)

7. *Зубарева Н.Н., Рухленко Н.М., Пашкова Г.И.* Стратегия «Доброжелательная школа»: проектирование инновационной образовательной среды региона // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 2. С. 216–226. DOI: 10.18413/2712-7451-2020-39-2-216-226 EDN: KORLQV

   Zubareva N.N., Rukhlenko N.M., Pashkova G.I. The "Friendly School" strategy: designing an innovative educational environment in the region. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 2020. Vol. 39. No. 2. P. 216–226. DOI: 10.18413/2712-7451-2020-39-2-216-226 (In Russ.)

8. Мануйлов Ю.С. Средовой подход в воспитании. М.; Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2002. — 157 с. EDN: HZLJIQ

   Manujlov Yu.S. *Environmental approach in education*. Moscow; N. Novgorod: Publ. House of the Volga-Vyatka Academy of Public Administration, 2002. 157 p. (In Russ.)

9. *Пинская М.А., Михайлова А.М.* Компетенции «4К»: формирование и оценка на уроке: Практические рекомендации. М.: Российский учебник, 2019. — 76 с.

   Pinskaya M.A., Mihajlova A.M. *"4K" competencies: formation and assessment in the lesson: Practical recommendations.* Moscow: Rossiiskii uchebnik publ., 2019. 76 p. (In Russ.)

10. *Романов П.В.* Культурные символы в социально-антропологических исследованиях организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 3. С. 192–206. EDN: OPRNPP

    Romanov P.V. Cultural symbols in socio-anthropological studies of organizations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2002. Vol. 5. No. 3. P. 192–206. (In Russ.)

11. *Ясвин В.А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. — 365 с. EDN: OFJKFI

    Yasvin V.A. *Educational environment: from modeling to design*. Moscow: Smysl, 2001. 365 p. (In Russ.)

12. *Ясвин В.А.* Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление. М.: Народное образование, 2019. — 448 с. EDN: BHGICT

    Yasvin V.A. *The school environment as a subject of measurement: expertise, design, management*. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2019. 448 p. (In Russ.)

13. Ainscow M. *The UNESCO Salamanca Statement 25 years on Developing inclusive and equitable education systems.* Discussion paper prepared for the International Forum on inclusion and equity in education – every learner matters. UNESCO, Cali, 2019. Accessed 19.05.2026. URL: https://www.tandfonline.com/toc/tied20/23/7-8?nav=tocList

14. Booth T., Ainscow M. *Index for Inclusion: developing learning and participation in schools*. Center for Studies on Inclusive Education, 2002. 114 p. Accessed 19.05.2026. URL: https://www.eenet.org.uk/resources/docs/Index%20English.pdf

15. Brixi H. Reconstructing Well-being After a Disaster: Bringing Public Service to Those Who Need Them Most in China. *Working papers 0906*. N.Y.: UNICEF Division of Policy and Strategy, 2009. 34 p. Accessed 19.05.2026. URL: https://econpapers.repec.org/paper/ucewpaper/0906.htm

16. Cerna L., Mezzanotte C., Rutigliano A., Brussino O., Santiago P., Borgonovi F., Guthrie C. Promoting inclusive education for diverse societies: A conceptual framework. *OECD Education Working Papers*. No. 260. Paris: OECD Publishing, 2021. DOI: 10.1787/94ab68c6-en
17. Cleveland B., Backhouse S., Chandler P., McShane I., Clinton J.M., Newton C. (eds.). *Schools as Community Hubs*. Singapore: Springer, 2023. 335 p. DOI: 10.1007/978-981-19-9972-7_3
18. Farmer T.W. Centering the Margins: Dynamic Systems, Targeted Universalism, and Special Education. *Review of Research in Education. 2023.* Vol. 47. No. 1. P. 213–217. DOI: 10.3102/0091732X231218883
19. Fitriani S., Istaryatiningtias I. Promoting child-friendly school model through school committee as parents' participation. *International Journal of Evaluation and Research in Education*. 2020. Vol. 9. No. 4. P. 1025–1034. DOI: 10.11591/ijere.v9i4.20615
20. Gali Y., Schechter C. NGO involvement in education policy: principals' voices. *International Journal of Educational Management*. 2020. Vol. 34. No. 10. P. 1509–1525. DOI: 10.1108/IJEM-02-2020-0115
21. Godfrey E.B., Osher D., Williams L.D., Wolf Sh., Berg J.K., Torrente C., Spier E., Aber J.L. Cross-national measurement of school learning environments: Creating indicators for evaluating UNICEF's Child Friendly Schools Initiative. *Children and Youth Services Review*. 2012. Vol. 34. No. 3. P. 546–557. DOI: 10.1016/j.childyouth.2011.10.015
22. Iarskaia-Smirnova E., Goriainova A. Inclusive Education in Today's Russia: Room for Manoeuvre. *Europe-Asia Studies*. 2022. Vol. 74. No. 3. P. 426–448. DOI: 10.1080/09668136.2021.1918062
23. Iarskaia-Smirnova E., Prisiazhniuk D., Kosova O. Cultural Context of Inclusion: Media Representations and Activism. *Inclusive education in the Russian Federation: Scoping International and Local Relevance*. Ed. by E. Iarskaia-Smirnova, M. Tsediso, M. Kozlova. Springer, 2024. P. 247–267. DOI: 10.1007/978-3-031-57700-0_12
24. Imrie R. Universalism, universal design and equitable access to the built environment. *Disability & Rehabilitation*. 2012. Vol. 34. No. 10. P. 873–882. DOI: 10.3109/09638288.2011.624250
25. Luhmann N., Rasch W. *Theories of Distinction: Redescribing the Descriptions of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2002. 226 p. DOI: 10.1515/9781503619340
26. Miller M., Passarelli M., Zucker S., Ake W., Martini-Carvell K., Dworkin P. Help me Grow: A Model of Targeted Universalism to Advance Equity and Promote the Well-Being of All Children. *Social Innovations Journal*. 2023. No. 20. Accessed 19.05.2026. URL: https://socialinnovationsjournal.com/index.php/sij/article/view/6595
27. Powell J., Menendian S., Ake W. *Targeted universalism: Policy & Practice*. Haas Institute for a Fair and Inclusive Society. Berkeley: University of California, 2019. 49 p.
28. Rapp A.C., Corral-Granados A. Understanding inclusive education — a theoretical contribution from system theory and the constructionist perspective. *International Journal of Inclusive Education*. 2021. No. 28. P. 423-439. DOI: 10.1080/13603116.2021.1946725
29. Slee R., Allan J. Excluding the included: A reconsideration of inclusive education. *International Studies in Sociology of Education*. 2001. Vol. 11. No. 2. P. 173–192. DOI: 10.1080/09620210100200073
30. Stäheli U., Stichweh R. Editorial: Inclusion/Exclusion. Systems Theoretical and Poststructuralist Perspectives. *Soziale Systeme*. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 3–7. DOI: 10.1515/sosys-2002-0102

Статья поступила в редакцию: 05.05.2025; поступила после рецензирования и доработки: 28.02.2026; принята к публикации: 13.03.2026.

Received: 05.05.2025; revised after review: 28.02.2026; accepted for publication: 13.03.2026.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.9
EDN: RYACGY

К юбилею Б.З. Докторова

6 июня 2026 года свое 85-летие отмечает доктор философских наук, профессор Борис Зусманович Докторов, член редколлегии и постоянный автор «Социологического журнала». Его работы, посвященные историко-биографическому исследованию советской/российской социологии, истории американской социологии и изучения общественного мнения в США, хорошо известны нашим читателям. В публикуемом интервью Б.З. Докторов рассказывает о новом направлении своего социально-научного творчества — автобиографических и автоэтнографических исследованиях, а также о становлении интереса к ним в течение последних десятилетий.

Дорогой Борис Зусманович, коллектив «Социологического журнала» сердечно поздравляет Вас с юбилеем! Отличного здоровья Вам на долгие годы, жизнелюбия и оптимизма, творческого энтузиазма и новых научных находок!

(Автор фото — В. Паниотто, 2008 г.)

***Б.З. Докторов*[1], *Л.А. Козлова*[2]**

[1] Независимый исследователь.
Foster City, USA.
[2] Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

ОПЫТ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ И АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ИНТЕРВЬЮ С Б.З. ДОКТОРОВЫМ

Аннотация. После многих лет исследований истории советской/российской социологии и развития методологии опросов общественного мнения в США в последние годы Б.З. Докторов сконцентрировал свою научную деятельность на новых направлениях — в области автобиографического и автоэтнографического анализа. В интервью Л.А. Козловой он раскрывает причины, характер и процесс освоения литературного портала Проза.ру, обозревает содержание размещенных там материалов. Это полтысячи воспоминаний и документальных рассказов, охватывающих российскую и американскую жизнь Б.З. Докторова, его уникальный профессиональный путь. Свой подход и полученные результаты он обозначает термином «нелинейная автобиография».

Ключевые слова: Докторов Борис Зусманович; Проза.ру; автобиографические и автоэтнографические поиски; нелинейный автобиографический анализ; лирическая социология; граф Калиостро; Б.Г. Кузнецов; арабески; рэгтайм.

Для цитирования: *Докторов Б.З., Козлова Л.А.* Опыт автобиографических и автоэтнографических исследований: интервью с Б.З. Докторовым // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 163–178. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.9 EDN: RYACGY

Дорогой Борис, мне приятно со страниц журнала еще раз поздравить тебя с 85-летием! Дата круглая, за десятилетия работы ты сделал для социологии очень многое. Но что-то новое только начинаешь делать. Хотелось бы поговорить о твоей работе двух-трех последних десятилетий, когда определились научные интересы, которыми ты живешь сейчас, связанные с автобиографическими и автоэтнографическими исследованиями. Число занимающихся ими российских социологов близко к нулю. Буду обращаться на «ты», поскольку после почти четверти века тесного сотрудничества и общения по-другому не получится даже в случае интервью для журнала.

Итак, с начала 2000-х ты опубликовал много работ по историко-биографическому исследованию советской/российской социологии, создал обширную базу профессиональных интервью с социологами, разработал собственные методы историко-социологического и биографического исследований, нашел свой стиль научного повествования и т. д. В последние несколько лет ты покинул эту дисциплинарную нишу, прочно переместившись в поле автоэтнографических исследований. Свои работы этого жанра ты публикуешь на литературном сайте Проза.ру. Первый мой вопрос: почему от многолетних историко-биографических исследований ты перешел к автоэтнографическим?

Спасибо, Лариса, за возможность побеседовать с тобой в преддверии весомого юбилея и обозреть сделанное в последние годы. Но прежде всего назову наше тесное сотрудничество и общение многолетней дружбой, весьма плодотворной в моей отшельнической жизни. Мне хотелось перечитать все интервью, которые ты провела со мною, но я не решился искать их и просто прикинул количество — получается порядка полудюжины.

Ты отметила мое историко-социологическое исследование советской/российской социологии, уверен, мы коснемся его позже. Однако замечу, что столь же объемна, многотемна и еще более продолжительна моя «гэллапиада», то есть изучение комплекса вопросов, связанных со становлением и развитием научных методов анализа общественного мнения в США. Этот проект начался в 1999 г. с газетной статьи о жизни и творчестве Джорджа Гэллапа и насчитывает десятки статей и семь книг, две из которых вышли в двух изданиях.

А год назад гэллапиада пополнилась совсем уникальной историей. Моя статья о Джордже Гэллапе, написанная в 2001 г., и книга «Джордж Гэллап. Биография и судьба» [7], изданная исследовательским холдингом РОМИР в 2011 г. на русском и английском языках, активно содействовали становлению общественного движе-

ния по созданию музея в доме, где родился и вырос Гэллап. Это небольшой город Джефферсон в штате Айова, жители которого, можно сказать, ничего не знали о своем великом земляке.

Отмечу еще одну тематику научных поисков, долгое время скрытую от внешних наблюдателей, она спонтанно заявила о себе в нашей первой беседе 2007 г. и, по большому счету, вывела на автоэтнографию. В то время наша беседа была озаглавлена весьма необычно для научной статьи: «Захочет ли граф Калиостро встретиться с моими героями?»[1] [3] и поэтому не существует в бумажном формате. Граф Калиостро известен многим по фильму Марка Захарова, но здесь граф не столько маг, сколько интеллектуал, встречавшийся с Аристотелем и Данте, Пушкиным и Эйнштейном и многими другим гигантами науки и культуры. Он задал мне методологическую оптику. Будет указано несколько причин перехода в пространство Проза.ру, пока лишь скажу, что без Калиостро мое существование на этом литературном портале если бы и было, то принципиально иным. В частности, мои воспоминания о людях, встречавшихся мне по жизни, были бы значительно беднее, что несправедливо, ведь каждый из них вложил в меня нечто значимое. К тому же никто бы о них сейчас уже не узнал, а ведь они жили и оставили добрый след.

Борис, расскажи, пожалуйста, что за портал Проза.ру, как ты на него вышел и почему на нем «прижился»?

Лариса, мы говорим о Прозе.ру (Proza.ru) как о чем-то всем известном, но это совсем не так. Хотя этот российский литературный портал, дающий авторам возможность свободной публикации своих произведений, работает уже четверть века, с 2000 года, сейчас на нем зарегистрировано 300 тыс. авторов и размещено 10 млн текстов. Это произведения всех форм — от романов и повестей до миниатюр и многих прозаических жанров, включая научные. Ежедневно портал посещают 100 тыс. человек, а его ежемесячная аудитория — 3 млн.

Я узнал о Прозе.ру осенью 2017 г. в процессе свободной переписки, сопровождавшей мое интервью с нашим коллегой Леонтием Бызовым, чья жизнь была многогранной и трагичной. Беседа проходила настолько интересно и обстоятельно, что по ее итогам Леонтий издал книгу-интервью [1].

Здесь следует задержаться, так как и в ответах Леонтия на мои вопросы, и в его материалах на Прозе.ру[2] я увидел хорошо знакомую мне, но редко встречавшуюся глубокую личностностную рефлексию. Подобное было характерно для моего коллеги и друга Андрея Алексеева и наиболее ярко отражено в его четырехтомнике «Драматическая социология и социологическая аутоферлексия»[3].

Интервью с Леонтием началось 2 августа 2017 г., а уже 15 августа я, нарушив все собственные правила — не показывать «незавершенку», просил Алексеева посмотреть текст, в нем — «...интереснейшая семейная хроника, масса известных нам людей, оценка многих политических событий...». Приведу фрагменты

---

[1] Беседа впервые была опубликована в 2007 г. на странице «Международная биографическая инициатива» (http://cdclv.unlv.edu//archives/Comments/doktorov_kozlova.html) сайта Университета Невады, которая сейчас недоступна для российских читателей.

[2] См. страницу Леонтия Бызова на сайте Проза.ру: URL: https://proza.ru/avtor/avt440857 (дата обращения 01.06.2026.)

[3] Анализ личностной социологии А.Н. Алексеева см. в нашей статье [8]; там же в списке литературы приводятся полные библиографические описания всех четырех томов. — *Прим. Л. К.*

ответа Алексеева: «Л. Б. — человек интереснейший и рассказчик изумительный. Генеалогическая часть его интервью отлично сочетается с биографической. По части первой — в твоей коллекции, пожалуй, нет равноценных аналогов. Что касается биографической, то твой герой оказался в самом солнечном сплетении современного отечественного обществознания. И сам сумел внести в него достойный вклад, при всем свалившемся на него 20 лет назад тяжком нездоровье[4]. Его рассказ "о себе", действительно, предстает ценным историко-науковедческим эссе, фракталом социологии "в лицах". Критичная и самокритичная рефлексия, героями которой, кроме него самого, оказывается такой букет исторических персон».

Уже по первым страницам будущей книги Алексеев занес ее в раздел социологии, обозначенный им как «Драматическая социология». И драматизм здесь проявляется в двух форматах. Драма — как напряженное действие, совокупность конфликтов и поисков выхода из них. И драма – как жизненная трагедия автора книги, кардинально изменившая всю его жизнь, но не сломившая его дух.

Уже в то время я внимательно прочел тексты Леонтия на Прозе.ру, увидел во всем этом собственную перспективу, но, естественно, не бросился туда сразу. Во-первых, я продолжал — оказалось, еще три года — биографическое интервьюирование, во-вторых, слово «проза» глушило мою активность, я не относил и не отношу себя к писательскому цеху.

Лариса, в твоем вопросе ты попросила меня рассказать, почему я ушел в автоэтнографию и, в частности, в пространство Проза.ру. Ответ получается довольно развернутым.

Да, конечно, Борис, я понимаю, что это твое решение, вызванное многими обстоятельствами, было очень непростым. Идем дальше…

Спасибо за понимание, в дороге многое раскрывается.

Важной чертой организации портала Проза.ру является то, что каждый текст, размещаемый на нем, автоматически датируется, поэтому сейчас без труда восстанавливается траектория моего движения. Да и я помог себе, придумав легко расшифровываемый сетевой адрес: https://proza.ru/avtor/bdbd80 — подарок себе на 80-летие. Было это в конце июня 2021 г., и мой первый текст появился здесь 27 июня в 20:54 по московскому времени, у меня это было утро того же дня.

Простое, но честное и во многом всеобъемлющее обстоятельство перехода на Проза.ру — моя усталость и определенная исчерпанность тематики, которую я исследовал с начала века. Ты знаешь, я рассказывал в интервью моим друзьям-социологам: Наталье Мазлумяновой, Елене Рождественской, Борису Фирсову и Владимиру Ядову, да и сам писал о первом тяжелом, по-настоящему драматическом американском десятилетии, когда не было ясно, вернусь ли я в профессию. Этот период, который я смело могу назвать «ямой», — безусловно ядро названной усталости, но именно в событиях и переживаниях того времени я вижу содержание, характер и многие черты моих последующих исследований.

К 2021 г. мои публикационные возможности заметно сократились. Тяжелая болезнь заставила Михаила Илле прекратить издание журнала «Телескоп», в котором с конца 2004 г. я вел рубрику по истории современной российской социологии

---

[4] На пустом шоссе пьяный водитель грузовика сбил Л. Бызова, сделав его тяжелым инвалидом. — *Прим. Б. Д.*

и практически в каждом из шести ежегодных номеров публиковал по крайней мере один текст. В 2017 г. не стало А.Н. Алексева, который в своем блоге на портале Когита.ру регулярно размещал мои материалы. В 2020 г. серьезные обстоятельства вынудили Франца Шереги, опубликовавшего ряд моих бумажных и сетевых книг, законсервировать свой уникальный социологический портал socioprognoz.ru. Формат «Социологического журнала», продолжавшего публиковать мои историко-социологические и биографические статьи, в силу своей академичности ставил для меня определенные рамки, за которые хотелось выйти.

Наверное, в 2017–2018 гг. я начал чувствовать давление сделанного и памяти; сделанное хотелось собрать, а память — несколько разгрузить. Поскольку я нигде не служу, то не очень тщательно составлял список своих публикаций, особенно сетевых. Здесь же не спеша стал искать и составлять коллекцию. Что касается нового, то писал в формате, приемлемом для Фейсбука[5]. Создавая свою нишу на Прозе.ру, я рассматривал ее как платформу для свободной публикации уже написанного и новых материалов.

Борис, недавно ты присылал мне свой очерк, в котором относил свои новые тексты к автоэтнографии. Но твои новые тексты — по формату, стилю, настрою — продолжение того, что ты делаешь уже много лет. Очевидно, ты шел к автоэтнографии и вырабатывал свой стиль постепенно. Что (или кто) этому способствовало? Как бы ты этот стиль охарактеризовал?

Время летит быстро, это «недавно» было в конце февраля 2023 г., через полтора года после начала освоения Прозы.ру, тогда здесь было 240 рассказов различного направления и мою страницу посмотрели 15 000 читателей. Естественно, у меня было стремление понять, что же в целом складывается. Текст, который ты вспомнила, называется «Проза.ру 15 000. И все же это автоэтнография», из его содержания следует, что он мог быть написан несколько раньше, мог — много позже, я не привязывал его к какому-либо событию. Но в своем вопросе ты абсолютно права, я долго шел к осознанию, а затем к манифестации того, что ищу нечто свое в рамках автоэтнографии.

Первым обратил внимание на специфику стиля моих историко-биографических текстов (тогда это были повествования об американских аналитиках общественного мнения) Валерий Голофаст, в юности и ранней молодости отдавший много лет поэзии. В январе 2004 г. он писал мне: «Но ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-постмодернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков». Вскоре Валерия не стало, мне не удалось обсудить с ним его наблюдения. В моем рассказе «Потому-то мне и пишется в охотку» приведено одно из последних писем Голофасту (24 сентября 2004 г.), многое объясняющее и в моей американской реальности, и в том, что, вообще говоря, я много пишу. И как вывод: «...я — самый молодой социолог среди всех моих российских и американских коллег. С начала 1994-го по лето 1999 г. я не написал ни одной строчки, не опубликовал ни одной статьи, моя профессиональная направленность вообще была под вопросом. Я все начал СНАЧАЛА осенью 1999 г. Вот где-то в эти дни — всего четыре года, потому-то мне и пишется в охотку. Я никому не советую воспользоваться моим опытом, но так, для общего понимания ситуации».

---

[5] Принадлежит компании Meta, запрещенной на территории РФ. – *Прим. ред.*

Борис, расскажи о том, как формировалась методология твоих автоэтнографических исследований. Я знаю, что она развивалась непосредственно в опыте — в процессе интервьюирования и интерпретации историко-биографических материалов. Как это происходило, как в таком опыте сочетались интуитивное и рациональное? У меня нет сомнения, что опыт, питавший эту методологию, был не только научным, но и жизненным.

Наверное, в 2007 г. я задумался о специфике моего ви́дения истории социологии и о характере ее изложения. Уже было создано много «портретов» выдающихся американских копирайтеров и пионеров опросов общественного мнения в США, и я постепенно углублялся в прошлое российской послевоенной социологии. В 2004 г. была написана биография Б.А. Грушина, в 2007 и 2008 гг. — статьи о Г.В. Старовойтовой и В.Б. Голофасте с общим элементом заголовков: «Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”». В моем понимании «история с человеческим лицом» не противопоставлялась институциональному подходу к истории, но компенсировала его недостаточность, ограниченность. Главным в динамике науки объявлялся исследователь, историко-социологический поиск во многом сводился к биографическому анализу. Исходно были написаны «портреты» людей, которых я не видел, в обстоятельствах, не известных мне по собственному опыту (американских создателей рекламы и полстеров-пионеров), а также моих российских коллег. Затем начался длительный период интервьюирования на базе электронной почты. Поначалу это не было заметно, но позже я стал обнаруживать, что опыт создания биографий проникает в процесс интервью. Важно заметить: я часто говорю о беседе и собеседнике, но не об интервью и респонденте.

В России я многие годы концентрировался на изучении методологических и методических проблем прикладной социологии. В Америке я не отошел от них, они продолжали оставаться в поле моего внимания, но отмечу два обстоятельства. Первое: эта проблематика касалась особенностей познания истории российской социологии и проведения биографических, то есть глубоко личностных интервью. Второе: у меня не было ни возможностей, ни времени для подготовки специальных методолого-методических публикаций, я вплетал результаты анализа этой тематики в тексты иной природы. Так, уже публикуя первое интервью (с Б.М. Фирсовым, 2005 г.), я предпослал ему краткое введение, эта практика закрепилась. Иногда введения составляли несколько предложений, иногда они были более развернутые, но почти всегда содержали лишь представления моего респондента (собеседника). Но на исходе 2014 г. вводный текст к интервью с тюменским профессором Верой Гаврилюк начался заявлением: «Вводка к интервью — это моя “зона свободы”, здесь я разрешаю себе писать те или иные размышления, которые связаны с завершенным интервью». В своих исследованиях я всегда был во всем свободен. Здесь же расширил свое понимание вводного текста и в полной мере «присвоил себе» право решать, что такое связь с завершенным интервью.

Прошло совсем немного времени, и в первых числах марта 2015 г. было завершено 108-е интервью, это был разговор с петербургским профессором социологии Ириной Григорьевой. В моем сопроводительном тексте отмечалось, что настало время для изучения сделанного за десять лет, и даже уточнялось: «Найдена и “площадка” для изложения предпрограммных положений исследования — это традиционные

вводки к интервью...» До начала интервью я не знал Ирину, но мне рекомендовала побеседовать с нею уважаемая мною коллега, и я знал дочь Ирины, социолога, с которой ранее проводил интервью. Таким образом, существовала личностная база нашего общения, были и другие факторы, определявшие тональность беседы. Именно это и фраза из ее письма (*...как поживаете, как погода зимой в Калифорнии? В Англии дождь, как всегда. Я немного подправила 1-ю часть, предбиографию, и дописала свои "хождения по работам" до 1979 г. Боюсь, получается не биография, а социальная этнография, слишком подробная*) заставили меня вспомнить событие не очень отдаленного прошлого, напрямую относящееся к собственной социальной этнографии.

Как уже было сказано, с приезда в Америку в 1994 г. до середины 1999 г. я вообще не занимался наукой, да и письма в Россию были редки. Затем, потихоньку осваивая окружавшее меня пространство, я стал писать письма, позже переделанные в короткие рассказы о небольшом городке Foster City, в котором я и сейчас живу, о людях, встречавшихся мне, о ситуациях, казавшихся мне интересными. В 2010 г. многое было собрано и опубликовано в журнале «Телескоп». Неожиданно для меня послесловие в несколько строк написал Андрей Алексеев: «...И опять новый жанр на страницах "Телескопа"! Жанр-кентавр, я бы определил его как лирико-социологический. Борис Докторов — математик "по происхождению", социолог по призванию, на этот раз окончательно разрушает границу между "физикой" и "лирикой". Примечательно, однако, как он это делает. Прежде всего, это проза "настроения", а не описания, переживания, а не анализа, причастности, а не деяния. Автор всматривается, вслушивается, вдыхает мир вокруг себя и дарит этот мир, вроде далекий, нам, уже как понятный и близкий. При чем же тут социология? А при том, что в свободном полете памяти и чувства ну никак не обойтись автору без строгой фиксации обстоятельств места, времени, встреч на "хайвее" и на "обочине" жизни, и каждое его эссе — оно же "случай", кейс, когда "один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка" (Ясунари Кавабата)».

Удивительно, как точно Андрей Николаевич определил дух и жанр твоей автоэтнографической прозы...

Вспомнив и об этом послесловии Алексеева, и о письме Ирины Григорьевой, я отправил Андрею мой вводный текст к интервью с ней и несколько сопроводительных строк: «...помимо этого я написал вводку к интервью с Ириной Григорьевой... в которой впервые попытался поразмышлять по поводу лирической социологии... будет время, пожалуйста, глянь (приложил)» (07.04.2015). Мое обращение и свой ответ Андрей опубликовал в своем блоге на Когита.ру: «Жанр твоих вводок к биографическим интервью становится относительно самостоятельным и являет собой настоящий образец "социологической ауторефлексии" (автоэтнографии, по Д. Рогозину, но вполне оригинальной и "нетрадиционной").

Хронологическая последовательность этих вводок к сотне с лишним твоих интервью из книги "Биографические интервью с коллегами-социологами" могла бы составить что-то вроде "дневника социолога". А дневник, как известно, жанр, сочетающий сугубую личностность с документальностью.

Я прошу твоего разрешения поместить этот текст на Когите, вместе с твоим последним личным письмом о "редкостном дне". Придумалось и название: "Личностная, или лирическая, социология Бориса Докторова"» (07.04.2015).

Заметка о Голофасте, упоминаемая выше, была доработана и в начале 2008 г. опубликована в «Телескопе» под названием «Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [5]. Несколькими месяцами ранее в том же журнале увидела свет моя статья «Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [6]. Таким образом, получается, что установка на создание истории советской/российской социологии — истории, в которой центральная роль принадлежала бы ее создателям, которая писалась бы многими и была многолюдной (это и означает ее «человеческое лицо»), в практике исследования реализуется в рамках так называемой личностной, или лирической, социологии.

Борис, ведь «присматриваться» к автоэтнографическим занятиям ты начал еще до Прозы.ру — с небольших этнографических рассказов-зарисовок об американской жизни?

Так и есть, вся история движения к социографии и автоэтнографии началась с моих заметок о Foster City, период «ямы» был временем внутренней переоценки сделанного до эмиграции и вглядывания в новый мир. И вехой на пути к автоэтнографии стала онлайновая книга «Foster City — это и есть моя Америка. Социографические очерки», изданная Францем Шереги в 2019 г. [4] (вот ее адрес: http://www.sociologists.spb.ru/files/2019Foster_City03F.pdf). Книга была собрана через десять лет после публикации рассказов в «Телескопе». Заметно, с какой осторожностью я относился к определению ее жанра: с одной стороны, страшновато было отходить от академической социологии, с другой — я не знал, как отнесется к написанному мое профессиональное окружение. Помню, я не спеша рассылал рассказы близким мне по духу социологам и с трепетом ждал их реакции. Фрагменты их рецензий собраны в разделе названной книги: «Если бы не поддержка друзей...». Процитирую отзывы четырех авторов — профессиональных социологов, обладающих литературной подготовкой и опытом работы с текстами. А.Н. Алексеев — журналист по базовому образованию и значительному опыту работы в ленинградской прессе; Ю.М. Беспалова — филолог, автор ряда биографических книг; Л.А. Козлова — заместитель главного редактора «Социологического журнала», редактор научных монографий, автор серии интервью со мною и рецензий на мои книги; Д.Л. Константиновский — журналист, писатель, редактор, член редколлегий научных и литературных журналов, член Союза писателей.

«...Интересно, что твои американские истории обличают социолога в авторе. Ты, действительно, делаешь не столько психологические или литературные, сколько социологические зарисовки. “Немного модельные” ситуации, как ты сам замечаешь. Ты тут “наблюдающий участник”, только твое воздействие на среду минимально, а жизнь сама предлагает тебе “моделирующие ситуации”, только надо их углядеть, что ты и делаешь» (А. Алексеев).

«Если некоторые прежние твои “американские истории” я называл “экзистенциями”, то тут — чистейший “протокол жизни”, в моем смысле, т. е. концептуализированное, информативное описание. Жанр, как я считаю, сугубо социологический» (А. Алексеев).

«...подумала о твоих будущих работах. Надо твои прекрасные эссе вставить в научные книги. Так писал Умберто Эко, любимый тобой Хэм, Хайдеггер (по-моему), постмодернисты. Время классической манеры научного письма подходит к концу. Сейчас время письма нарративного. Есть исторический нарратив, почему не быть социологическому нарративу» (Ю. Беспалова).

«...ты, оказывается, еще и поэт! Какая чудесная заметка! Читая, я почувствовала все описанные запахи, увидела все картинки. Замечательно. Можно написать цикл заметок о чувственном восприятии Америки. Ведь там, в Калифорнии, и вправду должны быть и звуки, и краски, и запахи, отличающиеся от российских, особенно северных, питерских. Если про утренние звуки написать трудно, напиши про утренние краски. Или про дневные звуки. Или про озеро в разное время суток. Про все, что вызывает настроение и вдохновение» (Л. Козлова).

«...рассказик — просто чудесный, поэтический. Со светлым предпраздничным настроением... Как-то странно, что у вас там до сих пор тепло и солнечно... Вообще-то мне показалось, что это рассказик о кружении жизни: уже седой дяденька, ты стоял и глядел на разъезжающие машины, и тебе вспоминались юность и юношеские предчувствия радости, счастья: пригласит — не пригласит... Здесь я мысленно беру бокал, и раз уж скоро наступают Рождество и Новый год, говорю тост: за кружение жизни — от радости к радости... Ты совсем уже стал писать как поэт. Тренируй этот жанр — и для души, и, как говорят писатели и журналисты, для “твердости пера”. В науке пригодится... А потом, может, и роман напишешь...» (Д. Константиновский).

Лариса, прежде чем продолжить тему движения к автоэтнографии, замечу, что ты — одна из тех, кто самым явным образом указал мне этот путь. Поэт — не поэт, но ты не только отметила содержание рассказа «Запахи утра», но и почувствовала мое восприятие того момента. А это и есть то, что я хотел передать в тексте.

В заключении книги о Foster City, названном «Немного о специфике социографических очерков», слегка раскрыт характер этих материалов. Приведу написанное моему другу в конце августа 2009 г.: «Я прекрасно понимаю, насколько я выжат делами и заботами... я отдаю себе отчет в том, что еще полгода-год такого ритма доведут меня до творческого истощения... мои новые американские истории — это не добавление, не расширение того, что я делаю, это просто естественный канал выплескивания массы того, что сидит во мне, в силу моего отшельничества не находя выхода...»

Письма, которые я писал друзьям, постепенно трансформировались в очерки-рассказы. Готовя их первую публикацию, я предпослал ей такое введение: «Короткие заметки о некоторых сторонах моей жизни в Америке я хочу назвать “социолого-обывательскими”. Социологическая составляющая присутствует в них “по умолчанию”. Человек, многие годы работающий в социологии, смотрит на все окружающее как социолог. Профессия очерчивает пространство наблюдений, выбирает сюжеты, фокусирует внимание на людях. Обывательские — потому, что в них нет попытки критического анализа описываемых ситуаций, нет стремления к обобщениям, нет поиска причин, порождающих то, что выбирает и фиксирует сознание. Все сугубо личностно, ограничено границами крошечного калифорнийского городка Фостер-Сити и его ближайшего окружения. Все описываемое происходило со мною и во мне. Писать такие заметки сложно, но заманчиво. Сложно, потому что нарративность не вполне отвечает изложению социологических наблюдений. Заманчиво, так как в хождении по краю чего-то всегда есть вызов» [4, с. 156].

Лариса, по-моему, я честно и достаточно подробно изложил, почему и как я оказался на Прозе.ру.

Да, Борис, вижу, непростым и долгим был твой путь, но все же пять лет назад ты оказался в этом пространстве. Можно сказать, что в твоих текстах сочетаются личное видение (чувства, память, понимание, настроения, собственный жизненный опыт, знания) с документальностью описаний и анализа. В очерках на Прозе.ру ты и повествуешь о биографиях — не только социологов, но и разных интересных и просто запомнившихся людей, с которыми сводила судьба, — и анализируешь «среду своей жизни». Это и есть автоэтнографическое исследование. В нем ты не только ведешь социологическую аналитику, но и в силу своей натуры проявляешь небеспристрастность, лиричность, чувственность. Через свой жизненный мир ты показываешь людей, обстоятельства, социально-историческое время, но делаешь это деликатно, избегая субъективной предвзятости. Не доминируя, не «подгоняя» и не «правя» их под свою, если выразиться философски, уникальную экзистенцию. От этого пережитое тобой становится правдивым и зримым. Как тебе удается в своей автоэтнографии, или «лирической социологии», по Алексееву, соблюдать баланс между внутренним и внешним, личностным и объективным? Это, наверное, сродни искусству и не поддается рациональному объяснению. Но вспомни, как ты «обживал» пространство Прозы.ру: как его структурировал, какими сюжетами и героями?

Можно, Лариса, я несколько переделаю твой вопрос? *Как ты его обживаешь?* Технически ответить на него несложно, но содержательные проблемы остаются. Портал Проза.ру позволяет автору объединять тематически близкие тексты в сборники, я этим пользуюсь, и сейчас совокупность 17 сборников определяет геометрию содержания. При этом сборник «Отметины моего долгого пути на портал Proza.ru» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=13) оказывается гидом по моему автоэтнографическому пространству. Приведу названия некоторых рассказов, в них зафиксировано движение: «Проза.ру — 1000 читателей», «Проза.ру — 3000 читателей», «Проза.ру — 15 000 читателей. И все же это автоэтнография», «Проза.ру. 300 страниц о прожитом», «4 года на Проза.ру. Нелинейная автобиография». И вот — последний рассказ этого блока — «Первая четверть XXI в. Долгая дорога на Проза.ру», он написан в первые дни этого года.

В этом рассказе статистика на 31 декабря 2025 г.: с материалами Proza.ru, это без малого 470 произведений, ознакомилось 60 000 уникальных читателей. Если же учитывать и тех, кто неоднократно заходил ко мне, то наберется более 150 000 человек. А содержательным итогом работы, или жизни в этом новом пространстве, становится автобиография. Я постараюсь далее остановиться подробно на этой конструкции, сейчас лишь отмечу, что в первых числах января 2022 г., то есть через полгода с начала освоения Прозы.ру, еще не зная, как будет развиваться мое понимание этой модели изложения (авто)биографии, я написал небольшой текст с простеньким названием «Нелинейный биографический анализ» (https://proza.ru/2022/01/10/248). Он начинается словами: «Тематика н.б.а. — самая новая в моем историко-социологическом исследовании, размышления на эту тему начались в 2017 году, а первые опыты — в середине 2018 года. Однако все это не возникло случайно, на пустом месте. В любом случае, к проблематике н.б.а. я мог подойти из двух исследовательских ниш, которые не один год интересуют меня. Первая, изучение нелинейных процессов в физике и математике, заинтересовавших меня

еще в годы обучения на математико-механическом факультете ЛГУ, а в последние годы — ознакомление с исследованиями по теории нелинейных социальных процессов. Вторая ниша — постмодернизм в культуре, в частности в литературе».

Борис, сейчас твои 470 текстов собраны в тематические сборники. Расскажи о них.

Заполнение моей Прозы.ру, естественно, началось с текстов, образовавших сборник № 1 «Foster City. Наблюдения, ощущения и размышления» (https://proza.ru/2026/03/02/1972). В этом смысле утверждение о том, что социография и автоэтнография родились во мне в начальный период американской жизни, названный мною ямой, справедливо.

Сборник № 2 «Кабинет биографического анализа им. Б.Г. Кузнецова» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=2#2), говоря словами А. Алексеева, обличает во мне социолога. Здесь — подходы к методологии написания биографий и разбор собственного опыта работы над ними. Борис Григорьевич Кузнецов (1903–1985) — один из крупнейших советских историков науки, автор биографий Эйнштейна и выдающихся ученых эпохи Возрождения, мой двоюродный дядя. Логика и литературный стиль его книг оказали большое влияние на мои историко-социологические поиски. Моя онлайновая книга «Все это вместила одна жизнь. Б.Г. Кузнецов — историк, философ и социолог науки» (https://socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_9_1.pdf) составляет содержание отдельного Сборника (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=11#11).

Неудивительно, что моя Проза.ру в значительной степени — собрание различных жизнеописаний, в первую очередь биографий социологов. Назову три сборника, объединенных заголовком «История российской социологии», два из которых — «Портреты и сюжеты» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=16#16) и «Навсегда первые» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=18#18) — биографические. Именными являются сборники: «Джордж Гэллап и моя гэллапиада» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=12#12), «Их отличает креативность и смелость» (о классиках американской рекламы — https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=5#5), «Нескончаемые беседы с А. Алексеевым» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=7#7), «Незавершенная книга о Борисе Фирсове» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=10#10) и «Портреты российских социологов на Радио Свобода[6]» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=9#9).

Однако развитие методологии и груз памяти о встречавшихся мне людях требовали выхода за пределы профессионального (социологического) пространства. Так, многое в плане освоения опыта биографического анализа дала мне работа над рассказами о художнике Аскольде Кузьминском, композиторе Олеге Каравайчуке, крупнейшем специалисте по советскому поэтическому андеграунду Константине Кузьминском, уникальном враче-психиатре и писателе-сказочнике Андрее Гнездилове. Не могу продолжать столь же подробно, но скажу, что среди моих героев есть математики и представители театрального мира, художники и люди других творческих профессий. В их окружении я формировался в разные годы жизни. Коллекция этих биографических рассказов образует один из «старейших» сборников «Встречи по жизни. Микробиографии» (https://proza.ru/avtor/

[6] Минюстом РФ внесено в реестр СМИ – иностранных агентов. — *Прим. ред.*

bdbd80&book=6#6). Необходимость такого сборника стала ощущаться через несколько месяцев после начала освоения Прозы.ру. Микробиография — не только небольшой биографический текст, но и особый жанр. Это могут быть несколько сюжетов из жизни человека, которые раскрывают отдельные, значимые элементы прожитого или сделанного им. Здесь присутствует хронология, или она отсутствует. Безусловно, тут полно недосказанности, она — пространство для читательских размышлений.

До того как сложился особо дорогой мне сборник «У каждого из нас на свете есть места...» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=15#15), я и не думал, что началом важнейших траекторий моей жизни являются большой дореволюционный дом и тихая (теперь) Кавалергардская улица моего детства, юности и ранней молодости. С этим домом связана память о родителях, сюда приходили наши с сестрой школьные друзья. Летом 1959 г. я встретил здесь молодого московского физика, который за время одной трамвайной поездки во многом определил мои научные интересы. И только через шесть десятилетий я отыскал его — теперь профессора физики — в Австралии. Этажом выше нас жила девушка, которая дала мне задачник для подготовки к экзамену на математико-механический факультет ЛГУ. В нашем доме, как оказалось, жил декан этого факультета, и только в конце 2023 г. я познакомился с его дочерью, которую заприметил во дворе в 1950-х, а позже видел на матмехе. Она стала астрономом, и ее именем названа одна из малых планет. В соседней парадной жил приятель по двору, который, обучаясь на физическом факультете ЛГУ (он — доктор наук, профессор), увлекся лекциями И.С. Кона по социологии и познакомил меня с ним. Так была проложена моя дорога в социологию... По поручению студенческой группы сюда с букетом розовых пионов забежала девушка, чтобы поздравить меня с 20-летием. Через три года она стала моей женой. И многое другое берет начало в этом уголке города и на близлежащих улицах.

По содержанию и духу к этому сборнику примыкает коллекция рассказов «О себе и чуть более» (https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=8#8) — опять же незабываемые встречи и всегда присутствующие в моей памяти люди.

Лариса, я уже упоминал о глубоком влиянии на меня творчества Б.Г. Кузнецова, в частности, о его книге «Путешествие через эпохи» [9] мы с тобой говорили, вспоминая графа Калиостро. В новелле «Прощание с арабесками» Кузнецов сформулировал один из своих принципов анализа прошлого: «...современная ретроспекция, современная машина времени требует жанра арабесок, жанра логически и хронологически неупорядоченных наездов в прошлое. Они не упорядочены логически и хронологически, но отнюдь не хаотичны, они упорядочены психологически, сама внешняя разорванность изложения обладает определенным эффектом; она расшатывает старую систему ассоциаций, сближений и противопоставлений, чтобы дать место новой системе». Книга опубликована в 1975 г. и подарена мне 16 июля того же года у него дома, и, конечно, я начал читать ее тогда же и там же. И вот только теперь, полвека спустя, я замечаю, что мои сюжеты на Прозе.ру — это нечто, выполненное в духе арабесок, в них лишь намечена хронологическая, то есть линейная, и логическая упорядоченность. И не видно причин для линеаризации биографического текста. Ведь траектория жизни большинства людей не бывает гладкой, я свою называю ухабистой.

Согласна с тобой, Борис, твою жизнь, безусловно, можно признать ухабистой. В профессиональном плане она далека от гладкости. Ты начал с математики, исходно это далековато от социологии, но все же математиков в нашем цехе немало. Однако кандидатскую ты защитил по психологии; пусть немного, но психологи среди наших социологов есть, но не с базовым математическим образованием. В 1985 г. ты стал доктором философских наук по прикладной социологии. В целом — весьма своеобразный «винегрет».
Вскоре тебе пришлось, знаю твой по-настоящему сложный комплекс причин, уехать в Америку и, можно сказать, начать новый путь в профессию — получить степень бакалавра, специализируясь по Business Administration. И потом, на рубеже веков, ты принял совсем уж поворотное решение: стал независимым исследователем и ушел в историю социологии.
Думаю, каждый со мною согласится — ухабистым путем ты прошел. Верно ли я обозначила вехи твоей профессиональный дороги?

Спасибо, Лариса, принимаю твое описание и дополню одним принципиальным комментарием. Мне все же удалось выбраться из упомянутой ямы в силу двух обстоятельств. Во-первых, ни я, ни вся наша жизнь не разрешали расслабляться, и, во-вторых, мои коллеги-друзья, увидев мое возвращение в социологию, активно помогали мне. Хочу назвать хотя бы несколько имен: А.Н. Алексеев, Г.Е. Зборовский, М.Е. Илле, И.С. Кон, А.А. Ослон, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсов, Ф.Э. Шереги и В.А. Ядов. Без их помощи я не решился бы начать изучение истории нашей социологии и никогда не опубликовал бы два десятка книг и несколько сотен статей. И знаешь, Лариса, всякий раз, когда я стремился подвести итог сделанного или двинуться в новую исследовательскую область, ты соглашалась взять у меня интервью. Это дорогого стоит.

Борис, своими последними словами ты подвел меня к следующему вопросу. Некий промежуточный итог пятилетки Прозы.ру мы подвели. Видишь ли ты направления новых поисков?

Я согласен, Лариса, своего рода обзор освоения Прозы.ру сделан. В числовом выражении это — полтысячи текстов, позволивших мне заглянуть в себя и во время-пространство, которое меня формировало. И здесь я сталкиваюсь с апорией Ахиллеса и черепахи: вижу неисчерпаемость таких текстов. Обнаружилось то, что десятилетиями не вспоминалось, но сегодня представляется важным для понимания себя. Хронологически упорядоченное изложение собственного прошлого явно обедняет рассказ, стремление к линейному описанию автоматически вынуждает пропускать многие важные события, ибо они не ложатся на линейку. Получается — либо надо сжимать до точки то, что в реальности было или является продолжительным и ветвящимся процессом, либо уходить от линейности, разрывать ее. Арабески на Прозе.ру — и есть вариант нелинейного биографического анализа. Каждый сюжет, каждое воспоминание о том или ином человеке имеет свое внутреннее время, и естественнее его сохранить, чем линеаризовать изложение, стремясь к гладкости биографического текста.

К подобным выводам я подходил, еще не имея эмпирического опыта, в 2017–2018 гг., но нашел подтверждение им лишь весной 2025 г., когда встретил на YouTube серию видео Юрия Роста «Рэгтайм, или Разорванное время».

Их героями являются люди, которых автор знал и любил: Михаил Горбачев и Андрей Сахаров, Булат Окуджава и Отар Иоселиани, Марина Неелова и Иннокентий Смоктуновский, Галина Уланова и Мартирос Сарьян, Петр Фоменко и Сергей Юрский, Александр Яковлев и Егор Яковлев. Но есть рассказы про бабу Улю и бабу Дарью, о московском чистильщике-айсоре, о четырех деревенских сестрах, которые в годы войны впрягались в плуг и потому остались незамужними и бездетными.

Сам Рост так определяет созданное им: «Рэгтайм — разорванное в клочья время, мозаика... много людей, объединенных любовью к ним, и временем, которое мы прожили вместе». Действительно, это воспоминания, охватывающие всю жизнь автора, но их связывает не хронологическая упорядоченность, но его беспафосно доброе, сдержанно ироничное отношение к героям и ситуациям и к самому себе.

Другими словами, в фотографиях и текстах Роста возникает его автопортрет и даже много больше — его биография «в стиле рэгтайм». Очевидно, что все происходило или происходит в определенное время, но не время — главное. На первом плане — сюжеты, в совокупности открывающие нам «нелинейную», то есть не упорядоченную во времени, биографию Юрия Роста.

Работа на Прозе.ру удивительно обострила мою память. Еще один фактор, способствующий моим историческим и автоэтнографическим поискам, — это постоянно пополняющийся информацией Интернет. Я регулярно блуждаю по нему, и он отзывается на мои запросы.

Когда в начале века я приступал к интервьюированию наших коллег, меня сдерживало отсутствие у некоторых из них электронной почты. За прошедшие годы появилось много новых каналов общения, и богатейшие возможности открывает освоение искусственного интеллекта.

Надеюсь, в содружестве с ИИ я смогу начать глубокое освоение информации, полученной при интервьюировании наших коллег, здесь можно надеяться на получение интересных историко-науковедческих выводов.

Я отчетливо понимаю, что составление и реализация планов будут во многом диктоваться характером развития отечественной социологии. Начало века в целом благоприятствовало изучению истории, в частности еще были живы те, кто стоял у истоков нашей науки новейшего этапа. К настоящему времени вершина поколенческой пирамиды российского социологического сообщества источилась, живы и работают лишь несколько представителей двух первых поколений социологов. Тем не менее история вершится постоянно, значит, историко-социологические исследования не должны прерываться.

Вот именно! Впереди много еще непознанных сюжетов изменчивой жизни. Спасибо тебе, Борис, и за твою огромную работу, и за то, что она делает нашу социологию более одухотворенной и «человекоцентричной»!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Козлова Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, зав. сектором социологии науки, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 120-87-52. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru SPIN: 1024-1237

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 163–178. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.9

Personality

BORIS Z. DOKTOROV[1], LARISSA A. KOZLOVA[2]

[1] Independent Researcher.
Foster City, California, USA.
[2] Institute of Sociology of FCTAS RAS.
Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

Experience in Autobiographical and Autoethnographic Research: An Interview with B. Doctorov

Abstract. After many years of studying the history of modern Soviet/Russian sociology and contributing to the development of public opinion survey methodology in the USA, in recent years B. Doctorov's scientific work has mostly been focused his research on new areas — autobiographical and autoethnographic analysis. In an interview he gave to L. Kozlova he reveals the reasons for, the nature and the process of him exploring the Proza.ru website, while reviewing the content of the materials he himself submitted to this website. These include about half a thousand memoirs and documentary stories that encompass B. Doctorov's life in Russia and the US, as well as his unique professional career. He describes his approach and the results obtained using the term "nonlinear autobiography".

Keywords: Boris Z. Doctorov; Proza.ru; autobiographical and autoethnographic research; nonlinear autobiographical analysis; lyrical sociology; Count Cagliostro; Boris G. Kuznetsov; arabesques; ragtime.

For citation: Doktorov, B.Z., Kozlova, L.A. Experience in Autobiographical and Autoethnographic Research: an Interview with B. Doctorov. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal.* 2026. Vol. 32. No. 2. P. 163–178. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.9

Information about the authors

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher. **Email:** bdoktorov@inbox.ru
Larissa A. Kozlova — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Head of the Sociology of Science Section, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 125-82-57. **Email:** LarissaKozlova@yandex.ru ORCID: 0000-0002-9011-660X ResearcherId: J-7206-2018

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бызов Л.Г.* Поиски, потери, возвращения. Мой путь социолога. М.: Новый хронограф, 2018. — 376 с. Дата обращения 11.04.2026. URL: https://book.wciom.ru/books/book-page/poiski-poteri-vozvrashchenija EDN: VMHGVV

   Byzov L.G. *Searching, Loss, Returning. My Journey as a Sociologist.* Moscow: Novy Khronograf publ., 2018. 376 p. Accessed 11.04.2026. URL: https://book.wciom.ru/books/book-page/poiski-poteri-vozvrashchenija (In Russ.)

2. *Докторов Б.* Заметки о моей американской жизни // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 47–51.

Doctorov B. Notes on my American Life. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanii*. 2009. No. 6. P. 47–51. (In Russ.)

3. *Докторов Б., Козлова Л.* Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев: рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии // Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9 т. Том 5: Историческое, биографическое и автобиографическое. М.: ЦСПиМ, 2016. С. 60–80. [электронный ресурс]. Дата обращения 05.06.2026. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/Publications/tom_5_full.pdf

   Doctorov B., Kozlova L. Will Count Cagliostro Want to Visit My Heroes: Reflections on How and why Biographies Are Written. *Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In 9 volumes. Vol. 5: Historical, Biographical, and Autobiographical*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ., 2016. P. 60–80. Accessed 05.06.2026. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/Publications/tom_5_full.pdf (In Russ.)

4. *Докторов Б.З.* Foster City — это и есть моя Америка. Социографические очерки / Б.З. Докторов. М., 2019. — 164 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2026. URL: http://sociologists.spb.ru/files/2019Foster_City03F.pdf

   Doctorov B.Z. *Foster City — this is my America. Sociographic essays*. Moscow, 2019. 164 p. Accessed 01.06.2026. URL: http://sociologists.spb.ru/files/2019Foster_City03F.pdf (In Russ.)

5. *Докторов Б.З.* Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом»// Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33. EDN: KYWUVR

   Doctorov B.Z. Valery Golofast. Fragments of the History of Russian Sociology as History with a "Human Face". *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanii*. 2008. No. 2. P. 25–33. (In Russ.)

6. *Докторов Б.З.* Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. №. 6. С. 8–13. EDN: KYUFEB

   Doctorov B.Z. Galina Starovoitova. Fragments of the History of Russian Sociology as History with a "Human Face". *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanii*. 2007. No. 6. P. 8–13. (In Russ.)

7. *Докторов Б.З.* Джордж Гэллап. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф-Информ», 2011. — 260 с.

   Doctorov B.Z. *George Gallup. Biography and Fate*. Moscow: Poligraf-Inform Publishing House, 2011. 260 p. (In Russ.)

8. *Козлова Л.А.* Личностное знание А.Н. Алексеева о социологии и обществе в авторефлексии автора // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 145–164. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.7 EDN: RDZIUT

   Kozlova L.A. A.N. Alekseev's Personal Knowledge of Sociology and Society as Described in the Author's Self-Reflection. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 145–164. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.7 (In Russ.)

9. *Кузнецов Б.Г.* Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками. М.: Молодая гвардия, 1975. — 192 с.

   Kuznetsov B.G. *Journeys Through Eras. Memoirs of Count Cagliostro and Recordings of His Conversations with Aristotle, Dante, Pushkin, Einstein, and Many Other Contemporaries*. Moscow: Molodaya Gvardiya publ., 1975. 192 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026; поступила после рецензирования и доработки: 07.05.2026; принята к публикации: 29.05.2026.

Received: 16.02.2026; revised after review: 07.05.2026; accepted for publication: 29.05.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.10
EDN: UFOKQB

***Ю.В. ПОПКОВ*[1,2]**

[1] Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук» (ИФПР СО РАН).
630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.
[2] Новосибирский государственный технический университет
630073, Новосибирск, просп. Карла Маркса, д. 20.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Материал посвящен обзору наиболее интересных идей по итогам дискуссии на IV заседании российско-сербского семинара «Идентичности и реальные практики в социокультурной и геополитической динамике Евразии». Обсуждался комплекс проблем, касающихся соотношения этносоциальных процессов и цивилизационного развития. Сделан вывод об их взаимообусловленности и выделены особенности ее проявления в разных локусах евразийского социокультурного пространства с акцентом на анализе исторического опыта развития России, Сербии и Польши. Его своеобразие отражено соответственно в метафорах многонародного государства-цивилизации, «бурлящего котла» Балкан и «фронтирной территории» Восточной Европы. Для преодоления существующего терминологического хаоса в рассматриваемой области предложено использовать различающиеся понятия: «этническое», «этносоциальное», «этнонациональное», «общенациональное». Специфика конкретной цивилизации трактуется как определяемая внутренним этнокультурным разнообразием и динамикой этносоциальных процессов. Констатированы противоречивость национальной и цивилизационной идентичности сербов и неоднозначность этнических, метаэтнических и цивилизационных императивов в идентичности Польши. Акцентирована доминирующая роль пассионарного меньшинства в переломные периоды этнонационального развития. Сформулированы проблемы, актуальные для дальнейшего научного осмысления в рамках тематики состоявшегося обсуждения.

Ключевые слова: Евразия; цивилизационное развитие; этносоциальные процессы; национальная политика; идентичность; Россия; Сербия; Польша.

Для цитирования: *Попков Ю.В.* Этнонациональное и цивилизационное в евразийском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 179–186. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.10 EDN: UFOKQB

Российско-сербский научный семинар «Идентичности и реальные практики в социокультурной и геополитической динамике Евразии» инициирован кафедрой международных отношений и регионоведения (заведующая кафедрой д-р филос. наук **О.В. Зиневич**) Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) в рамках договора о сотрудничестве между данным университетом и Институтом европейских исследований в Белграде (Республика Сербия). Его соорганизатором, помимо отмеченных организаций, является также Институт философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН). Семинар является важным направлением взаимодействия исследователей Сибири и сербских коллег с привлечением ученых из других регионов Сибири, а также из Казахстана и Монголии. Состоявшиеся встречи принесли определенные результаты в виде конкретизации актуальной тематики обсуждений, вызывающей взаимный интерес, возможных совместных публикаций и проектов, а также других форм международного сотрудничества.

Семинар начал работу в ноябре 2024 г. К настоящему времени прошло уже четыре заседания. На первом обсуждалась тема «Нациестроительство: конструктивизм vs реализм» [2]. Второе заседание было посвящено теме идентичности во внутреннем политическом процессе и в геополитической системе [1]. На третьем заседании речь шла о проблемных вопросах теоретических представлений и реальных практик геноцида — этноцида — идентичности в разных локусах евразийского социокультурного пространства [3].

IV заседание российско-сербского семинара состоялось 24 декабря 2025 г. в режиме онлайн. В этот раз для обсуждения была определена тема «Этнонациональное и цивилизационное в евразийском социокультурном пространстве: соотношение, проблемы, перспективы». В самом начале работы было обращено внимание на тот факт, что 9 декабря 2025 г. на общем собрании Российской академии наук создано отделение социальных наук и международных отношений (путем объединения отделения общественных наук и отделения глобальных проблем и международных отношений). В данном решении усматривается необходимость не только укрепления взаимодействия между ранее относительно самостоятельными подразделениями РАН, но и интеграции соответствующих исследовательских проблемных зон. Речь, в частности, может идти о более тесной увязке вопросов внутреннего социального развития с содержанием внешней политики государства. В этом смысле работа семинара представляется весьма актуальной, в частности, в аспекте активизации российской публичной дипломатии и научных контактов в работе с Сербией как одной из немногих дружественных России стран на европейском направлении.

На заседании представлены три доклада, в которых обсуждались теоретико-методологические проблемы соотношения этнонационального и цивилизационного и особенности их проявления в различающихся локусах сообществ Евразии: России, Сербии и Польши.

Профессор **Ю.В. Попков** (ИФПР СО РАН; НГТУ, Новосибирск) выступил с докладом «Этносоциальные процессы в цивилизационной динамике: актуальные вопросы проблемного поля». Он сделал акцент на концептуальных вопросах заявленной темы с учетом отечественного опыта этнонационального развития и использования соответствующего научного терминологического аппарата, под-

черкнув, что сегодняшняя дискуссия — это продолжение разговора, начатого на первом заседании семинара, где обсуждались актуальные вопросы нациестроительства [2]. Прежде всего, была отмечена многозначность понятия «национальное»: в советской (российской) традиции в него вкладывалось этнокультурное содержание, на Западе — политический смысл. В постсоветский период навязана западная традиция, внедрен концепт «российская нация», в котором национальное рассматривается исключительно в политическом смысле. В результате в современном российском научном, политическом и общественном дискурсах имеем терминологический хаос, путаницу, которые присутствуют в том числе в доктринальных документах.

Так или иначе обозначенная для обсуждения проблема касается проявления этнического феномена на разных уровнях его существования. Специфика социологического подхода состоит в рассмотрении его сквозь призму социальных (в данном случае межэтнических) взаимодействий. Данный аспект Ю.В. Попковым фиксируется в понятии «этносоциальное», конкретно — «этносоциальные процессы». Для адекватного представления соотношения этносоциального и цивилизационного он предлагает выделить несколько уровней анализа с использованием соответствующих понятий: 1) на низовом уровне — как этническое, характеризующее развитие и взаимодействие конкретных этнических общностей (этносов/народов, включая малочисленные) и их отдельных локаций в виде этнических групп, диаспор и т. д.; 2) этнонациональное — при наличии политического оформления этнических общностей, например, в виде национальных республик, округов; 3) общенациональное — на уровне государства, всей России. В свою очередь, цивилизационное представляет собой определенное единство (или конгломерат) этнокультурного разнообразия и существует в двух основных формах: а) как цивилизация, объединяющая несколько государств; б) как государство-цивилизация. Именно определение России как государства-цивилизации официально признано в настоящее время в государственных документах.

Докладчик признает этносоциальное и цивилизационное развитие в качестве взаимосвязанных, взаимообусловленных процессов. Этнический состав, характер межэтнических отношений, тенденции развития этносоциальных процессов задают своеобразие отдельных цивилизаций. С учетом фокусировки внимания этого семинара можно констатировать, что опыт исторического развития и современное положение в рассматриваемом проблемном поле имеют специфику применительно к России, Сербии и Польше. Взаимообусловленность этносоциального и цивилизационного развития здесь проявляется содержательно неодинаково, с разной степенью противоречивости и проблематичности. Так, «постоянно бурлящий» Балканский регион, который представляет Сербия, и «фронтирная территория» Восточной Европы в лице Польши отличаются от многонародной России с точки зрения как истории этнокультурного развития, так и характера внутригосударственных и межгосударственных отношений и цивилизационных взаимодействий.

С сербской стороны на семинаре выступил доктор политологии, научный сотрудник Института европейских исследований (Белград, Сербия) **А. Филипович** с докладом на тему «Продолжающийся процесс формирования сербской национальной идеи и современной идентичности — от Габсбургской монархии до

концепции “сербского мира”». Он представил исторический экскурс в сложную, порой трагическую, историю Сербии и сербов на разных этапах развития с учетом своего научного профиля как специалиста по международным отношениям. Один из главных выводов, который он аргументировал, состоит в том, что вопрос о национальной и цивилизационной идентичности сербов до сих пор остается открытым. Будучи географически частью европейской цивилизации, Сербия принадлежит к южной группе славянского мира, выступает наследницей поствизантийской православной цивилизации и стоит за сохранение традиционных ценностей. В настоящее время Сербия является кандидатом на вступление в Евросоюз, сотрудничает с НАТО, но при этом не ввела санкции против России, сохраняя с ней хорошие отношения и испытывая добрые дружеские чувства к русским и представителям других ее народов.

Несмотря на многочисленные испытания, которые пришлось пережить сербам в процессе многовековой истории, включая реальный этноцид [3], они не потеряли своей идентичности и не утратили стремления к суверенизации и независимости, при том что, как отметил докладчик, у сербов никогда не было гражданской нации. По его мнению, национальный вопрос для них не решен, и сербские национальные интересы в должной мере не осознаны. Отвечая на возникший в ходе дискуссии вопрос о причинах такого положения, в том числе о неоднозначности цивилизационной идентичности сербов, А. Филипович отметил, что в обществе не существует единства по всем этим проблемам. Например, есть немало людей, которые ассоциируют Сербию исключительно с западной цивилизацией. В то же время он указал на недостаточное внимание как органов власти, так и исследователей к диагностике существующей неоднозначной ситуации по рассматриваемым вопросам. В связи с этим выразил удовлетворение и благодарность российским коллегам за обсуждение данных проблем на российско-сербском семинаре.

Профессор **Д.В. Карнаухов (**НГТУ, Новосибирск) представил доклад «Этнические, метаэтнические и цивилизационные императивы в идентичности Польши». Он настаивает на использовании именно понятия «императив», которое выражает тонкие настройки идентитарных практик. Другой важный тезис докладчика состоит в утверждении, что пассионарное меньшинство в большей степени, чем масса населения, определяет формирование общественного сознания/самосознания, его рамок и императивов. Именно это меньшинство, особенно в переломных исторических ситуациях, продуцирует прорывные идеи, благодаря которым «безликая масса» превращается в мощную базу восприятия себя на трех так или иначе связанных уровнях: этническом, метаэтническом и цивилизационном. Здесь важно вспомнить, что в Римской Республике *populus Romanus* (римский народ) трактовался не в этническом смысле и предполагал более широкую — можно сказать, цивилизационную — общность, объединенную определенной ответственной миссией, что в свое время хорошо демонстрировали греки (через влияние эллинизма), а особенно римляне (через латинский язык, науку, гуманитарные мегапроекты). В данный ряд можно поставить и Польшу. Ментальность поляков формировалась во многом из убеждения в их причастности к европейской цивилизации. Это для них важный маркер цивилизационного императива и соответствующей миссии с учетом ее пограничного географического и социокультурного статусов, представления о себе как о крепости, фронтире и проводнике латинской культуры

на Востоке, что нашло отражение в латинском понятии *antemurale* (дословно: «наружный крепостной вал»). Такую цивилизационную миссию Польша стремилась реализовывать на практике, о чем свидетельствуют конкретные исторические примеры. Для поляков органично ощущение мобилизационного потенциала и силы.

Одновременно Д.В. Карнаухов отметил, что Польша не является однородной в своем цивилизационном выражении, этническом составе и стратегии национальной политики. Известная идея «Польша — для поляков!» находила проявление в ориентации на колонизацию и ассимиляцию представителей других народов и борьбе с теми, кто этому мешает. Поэтому, например, польский антисемитизм является для них органичным. Другой стратегический ориентир состоит в метаэтническом императиве и выражен в распространенной в Польше латинской формуле "*gente Ruthenus, natione Polonus*" (дословно: «родом русский, по национальности поляк»), когда нация трактуется как метаэтническая конструкция, которая не предполагает ассимиляцию народов, что нашло отражение в восприятии Речи Посполитой как «общего дома» для ее этнокультурных сообществ. В настоящее время в Польше распространены и сосуществуют нередко противопоставляемые друг другу все три упомянутых выше императива, но приоритет отдается идентификации *natione Polonus*, то есть полиэтнической общности, в основе которой многовековая история сосуществования в рамках «общего дома».

В обсуждении докладов, помимо российских исследователей, приняли участие также коллеги из Сербии и Монголии: **О.В. Зиневич** (НГТУ), **А.А. Изгарская** (ИФПР СО РАН), **П. Лебедь** (НГТУ), **Д.В. Ушаков** (ИФПР СО РАН), **А.В. Харламов** (НГПУ), **О.В. Васильева** (ИГИиПМНС СО РАН), **С.Д. Цыплаков** (НГПУ), **Милица Илич** (ИЕИ, Белград, Сербия), **Урош Попадич** (ФПН БУ, Белград, Сербия), **Нанжидмаа Хишигдулам** (МНУО, Улан-Батор, Монголия).

В ходе обсуждения были подняты дискуссионные вопросы с неоднозначными ответами на них участников семинара. Например: являются ли цивилизации более устойчивыми образованиями, чем государства с учетом постоянного изменения границ последних? Какая доминанта в истории преобладает: цивилизационная или политическая? Надо ли ориентироваться на сохранение наций в современных условиях? Кто вносит больший вклад в общественные изменения в переходные эпохи, включая формирование идентичности: пассионарные элиты или основная масса населения? Можно ли релокантов отнести к пассионарной группе преобразований (с учетом их возможной разрушительной или созидательной роли)? Насколько высока степень активности и самостоятельности России, Сербии и Польши в проведении внешней политики? Кто относится к основным внутренним группам влияния в определении политических приоритетов развития? Каковы основные субъекты в формировании разных видов идентичности, в частности, какова роль школы и учителей в этом процессе? Что можно отнести к основным маркерам этнической идентичности? И др.

Участники семинара пришли к выводу о важной роли цивилизационной ориентации в этносоциальной динамике и национальном строительстве, подчеркнули научную и практическую значимость обсуждения интеграционных и дезинтеграционных процессов на евразийском пространстве и отметили актуализацию данной проблематики в контексте характерного для современности геополитического и межцивилизационного противостояния.

Среди общих конкретных проблем обсуждаемой темы, которые, по мнению участников семинара, являются важными и перспективными для последующей научной разработки, можно выделить следующие.

1. Актуальным является анализ сложной системы взаимодействия этносоциального и цивилизационного развития (через посредство государственного управления) не только в идентитарном проблемном ключе, но и как объективной и субъективной рефлексии реальных практик в приложении к конкретным исследовательским кейсам — в данном случае с учетом опыта России, Сербии и Польши.

2. В более глубоком научном осмыслении нуждается объявленная в России на государственном уровне ценностная мобилизация общества. Пока признание важного значения этнокультурного достояния и установка на сохранение традиционных российских ценностей имеют преимущественно ритуальный характер в существующем политическом и научном дискурсе.

3. Насколько правомерно нациестроительство сводить к конструированию национальной идентичности (достаточно распространенная точка зрения)? По убеждению участников семинара, для осмысления и государственного регулирования требуется учитывать более широкое проблемное поле, включая реальные практики социального и политического общежития.

4. Цивилизация, как и этнос, — это конструкт, как утверждают влиятельные исследователи, или объективная реальность с элементами конструктивизма?

5. Россия — это государство-цивилизация или базисная основа евразийской цивилизации?

6. Правомерно ли в научном контексте этнос и этнический феномен (в разнообразных его проявлениях) заменять на этничность, которая чаще всего сводится к идентичности?

Разработка этих тем является важной не только для приращения научных знаний, но и для поиска и реализации более сложных механизмов государственного управления, направленных на интеграцию и консолидацию многонационального сообщества.

Организаторами семинара стали кафедра международных отношений и регионоведения (МОиР) Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), Институт европейских исследований (ИЕИ) в Белграде (Республика Сербия), Институт философии и права СО РАН (Новосибирск). Семинар осуществляется в рамках договора о сотрудничестве между НГТУ и ИЕИ. Модераторами семинара выступили д-р филос. наук, заведующая кафедрой МОиР **О.В. Зиневич** и д-р ист. наук, профессор кафедры МОиР **Д.В. Карнаухов**.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН); профессор, Новосибирский государственный технический университет. **Телефон:** +7 (383) 330-09-75. **Электронная почта:** yuripopkov54@mail.ru SPIN-код: 4936-0940

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 179–186. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.10

Review

***YURI V. POPKOV*[1]**

[1] Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPLR SB RAS).
8, Nikolaeva Str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.
[2] Novosibirsk State Technical University.
20, Karl Marx Ave., 630073, Novosibirsk, Russian Federation.

The Ethnonational and the Civilizational in the Eurasian Socio-Cultural Space

Abstract. This article presents an overview of the most interesting ideas emerging from the discussions at the 4th session of the Russian-Serbian seminar "Identities and Real Practices in the Sociocultural and Geopolitical Dynamics of Eurasia". Participants discussed a range of issues pertaining to the relationship between ethnosocial processes and civilizational development. They concluded that they are interdependent and highlighted the specifics of its manifestation in different loci of the Eurasian sociocultural space, focusing on analyzing the historical development experiences of Russia, Serbia and Poland. The uniqueness of this experience is reflected in the metaphors of a multinational state-civilization, the "seething cauldron" of the Balkans, and the "frontier territory" of Eastern Europe, respectively. To overcome the existing terminological chaos in this area, it is proposed to use distinct concepts: "ethnic", "ethnosocial", "ethnonational" and "national". The specificity of a particular civilization is interpreted as determined by its internal ethnocultural diversity and the dynamics of ethnosocial processes. The contradictory nature of the national and civilizational identity of Serbs and the ambiguity of ethnic, meta-ethnic, and civilizational imperatives in Polish identity are recognized. The dominant role of passionate minorities during critical periods of ethnonational development is emphasized. Issues that warrant further scientific comprehension as part of the discussion are formulated.

Keywords: Eurasia; civilizational development; ethnosocial processes; national policy; identity; Russia; Serbia; Poland.

For citation: Popkov, Yu.V. The Ethnonational and the Civilizational in the Eurasian Socio-Cultural Space. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 179–186. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.10

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Popkov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPLR SB RAS); Professor, Novosibirsk State Technical University. **Phone:** +7 (383) 330-09-75. **Email**: yuripopkov54@mail.ru ORCID: 0000-0002-1036-9253 ResearcherID: GRO-0764-2022

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Изгарская А.А., Попков Ю.В.* II Российско-сербский семинар «Идентичности и реальные практики в социокультурной и геополитической динамике Евразии» // Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. 01.03.2025 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.04.2026. URL: https://philosophy.nsc.ru/node/1397

Izgarskaya A.A., Popkov Yu.V. II Russian-Serbian seminar "Identities and real practices in the socio-cultural and geopolitical dynamics of Eurasia". *Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 01.03.2025. Accessed 15.04.2026. URL: https://philosophy.nsc.ru/node/1397 (In Russ.)

2. *Попков Ю.В.* Нациестроительство: конструктивизм vs реализм (по итогам Российско-сербского научного семинара) // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 149–151. DOI; 10.7868/S3034601025010158 EDN: TDBFOP

   Popkov Yu.V. Nation-building: Constructivism vs. Realism (Based on the Results of the Russian Serbian Scientific Seminar). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2025. No. 1. P. 149–151. DOI: 10.7868/S3034601025010158 (In Russ.)

3. *Попков Ю.В., Карнаухов Д.В.* Геноцид — этноцид — идентичность: проблемные вопросы российско-сербского научного семинара // Социологические исследования. 2025. № 8. С. 153–155. DOI: 10.7868/S3034601025080159 EDN: HJPUGS

   Popkov Yu.V., Karnaukhov D.V. Genocide — Ethnocide — Identity: Problematic Issues of the Russian-Serbian Academic Seminar. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2025. No. 8. P. 153–155. DOI: 10.7868/S3034601025080159 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 14.05.2026; поступила после рецензирования и доработки: 18.05.2026; принята к публикации: 21.05.2026.

Received: 14.05.2026; revised after review: 18.05.2026; accepted for publication: 21.05.2026.

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.11
EDN: URMZFK

Е.Е. ТАРАНДО[1], М.В. РУБЦОВА[1], С.В. РАССКАЗОВ[1], Г.А. МЕНЬШИКОВА[1]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.

СЕКЦИЯ КАФЕДРЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ СПбГУ НА X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРУМЕ ТРУДА (8–10 АПРЕЛЯ 2026 г.)

Аннотация. В статье представлен обзор работы научной секции «Социальное пространство труда и управления трудом: образование, занятость, человеческий капитал» в рамках X Санкт-Петербургского международного форума труда (8–10 апреля 2026 г.). Секция организована усилиями кафедры социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета. В рамках Секции были представлены три тематических научных доклада. Первый посвящен социологическим концепциям применению нейроменеджмента для повышения производительности труда. Во втором докладе представлены результаты пилотажного социологического исследования социальных особенностей включения ИИ в управленческие процессы в организациях. В третьем докладе путем вторичного анализа материалов пилотажного исследования неоплачиваемой сверхурочной занятости изучался вопрос стратегий реагирования работников в ответ на стратегии, выстраиваемые работодателями. В статье подводятся итоги научной дискуссии по представленным на Секции тематическим докладам и другим проблемам развития трудовых отношений.

Ключевые слова: X Санкт-Петербургский международный форум труда; кафедра социального управления и планирования СПбГУ; нейроменеджмент в управлении трудом; искусственный интеллект в управленческих практиках; постоянная неоплачиваемая сверхурочная занятость.

Для цитирования: *Тарандо Е.Е., Рубцова М.В., Рассказов С.В., Меньшикова Г.А.* Секция кафедры социального управления и планирования СПбГУ на X Санкт-Петербургском международном форуме труда (8–10 апреля 2026 г.) // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 187–197. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.11 EDN: URMZFK

8–10 апреля 2026 г. состоялся ставший уже традиционным X Санкт-Петербургский международный форум труда (далее – Форум). В этом году Форум собрал представителей государственных структур, реального сектора экономики, академических кругов с целью обсуждения проблем трудовой сферы, занятости, вопросов управления трудовыми и производственными процессами, дискуссионных моментов развития организации труда в настоящем и будущем.

Форум был организован при содействии Министерства труда и социальной защиты РФ, Федеральной службы по труду и занятости, Правительства Санкт-Петербурга, Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, Санкт-Петербургским государственным университетом. Мероприятия Форума проходили на площадках Экспофорума, Таврического дворца, Санкт-Петербургского государственного университета. Было зарегистрировано около 9000 участников, что сделало Форум 2026 г. самым посещаемым за все время его проведения.

По традиции в рамках Форума были организованы тематические треки, охватывающие широкий круг вопросов, связанных с трудом и занятостью. В этом году таких треков насчитывалось семнадцать. В рамках каждого трека были организованы профильные мероприятия — научные секции, круглые столы, дискуссионные площадки, стратегические сессии, панельные дискуссии. Количество таких мероприятий превысило 150.

Социологическая проблематика трудовых отношений обсуждалась в рамках научной секции «Социальное пространство труда и управления трудом: образование, занятость, человеческий капитал». Секция проходила 9 апреля 2026 г. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета в рамках реализации трека «Человеческий капитал». Работа секции, организованная кафедрой социального управления и планирования факультета, длилась почти три часа, прозвучали три доклада. В научной дискуссии участвовали 26 человек, представлявших Москву, Санкт-Петербург, Саранск, Минск.

Первый докладчик — профессор кафедры социального управления и планирования факультета социологии СПбГУ, доктор социологических наук **М.В. Рубцова** с темой «Нейроменеджмент как инструмент повышения производительности труда: от мифов к реальности (социологический анализ управленческих стратегий)». Докладчик отметила, что в условиях VUCA-среды организации нуждаются в новых подходах, способных обеспечить адаптивность и рост производительности [1]. Одним из перспективных направлений становится нейроменеджмент — междисциплинарная область, интегрирующая знания нейронауки, психологии и менеджмента для оптимизации управленческих процессов [3]. Актуальность данной темы для социологии управления обусловлена тем, что внедрение нейронаучных подходов затрагивает социальные механизмы регуляции трудового поведения: корпоративную культуру, коммуникации, стили лидерства и их восприятие разными поколенческими группами [6]. Вместе с тем область нейроменеджмента находится на стадии становления: эмпирическая база фрагментарна, а распространение нейромифов создает риски принятия неэффективных решений.

Исследование М.В. Рубцовой было выполнено и представлено как систематический обзор литературы с элементами контент-анализа. Поиск источников проводился в базах данных Scopus, Web of Science, РИНЦ и Google Scholar за 2018–2026 гг. с использованием ключевых слов: *нейроменеджмент, neuromanagement, нейролидерство, neuroleadership, производительность труда, labor productivity, эффективность организации, organizational performance, нейромифы, neuromyths*. Дополнительно применялся метод снежного кома для выявления значимых источников по спискам литературы. Всего было отобрано и проанализировано 32 публикации, непосредственно затрагивающие проблему влияния нейроменеджмента на результативность трудовой деятельности, а также критические работы по нейромифам и социологическим аспектам внедрения нейроподходов.

В исследуемых источниках нейроменеджмент определяется как применение знаний о работе мозга к управлению человеческими ресурсами с целью раскрытия потенциала сотрудников и повышения организационной эффективности. Ключевое отличие от классического менеджмента — опора на понимание нейрофизиологических механизмов мотивации, принятия решений, стресса и социального взаимодействия [2; 3]. Базовыми понятиями выступают *нейропластичность* как способность мозга изменяться под влиянием опыта, и *эмоциональный интеллект* как умение распознавать эмоции и управлять ими. На основе обзора 3943 документов Д. Арради и З. Махмуди (2026) предлагают интегративную модель, согласно которой нейролидерство влияет на производительность труда через четыре группы механизмов: мотивационные, реляционные (качество взаимодействия), коллективные (доверие, психологическая безопасность) и механизмы устойчивости (управление стрессом) [6].

Современная практика нейроменеджмента использует несколько инструментов. Исследования показывают, что стиль лидерства с высоким эмоциональным интеллектом руководителей положительно влияет на вовлеченность и результативность коллектива. Эмоциональное развитие способствует улучшению коммуникации, снижению конфликтности и формированию доверия в командах [13; 15]. Практики *майндфулнесс* (осознанности) рассматриваются как метод профилактики выгорания. Регулярное применение техник майндфулнесс улучшает концентрацию внимания, что способствует росту производительности труда [11; 19]. Учет нейропластичности в обучении персонала позволяет разрабатывать программы микрообучения, опирающиеся на механизмы дофаминового подкрепления. Такой подход ускоряет адаптацию новых сотрудников и развитие когнитивной гибкости у опытных работников [9]. Технологии биохакинга и нейрофидбека (ЭЭГ-мониторинг, носимые устройства[1]) открывают возможности для предиктивного отслеживания стресса и оптимизации рабочих графиков. Однако их применение требует соблюдения этических норм и защиты «нейроправ» сотрудников [14; 16; 17].

Серьезным препятствием для внедрения нейроменеджмента является распространение нейромифов — ложных интерпретаций нейронаучных данных [7; 12]. Например, что мы используем только 10% возможностей мозга, жесткое деление людей на «правополушарных» и «левополушарных», и особенно опасный нейромиф — что взрослый мозг уже не способен меняться. Благодаря высокому развитию отечественной нейрофизиологии, нейромифы не очень популярны в России, в то время как зарубежные специалисты приводят реальные примеры, когда из-за подобных заблуждений HR-специалисты принимали неверные решения, например, отказывались обучать более возрастных сотрудников или тратили бюджет на тренинги по «раскрытию потенциала», которые на деле не дают результата [12].

При этом разные поколения воспринимают нейроинструменты по-разному. То, что нормально для молодых сотрудников, может вызвать отторжение у остальных, поэтому внедрять нейроменеджмент в компаниях нужно не шаблонно,

[1] Это электронные устройства, которые работник может закрепить на своем теле для сбора физиологических данных.

а с учетом возрастных особенностей [18]. Социологи также предупреждают о так называемой биофобии — страхе, что в результате развития нейроменеджмента все социальные процессы будут сведены к биологическим. Это часто ограничивает использование нейронаучных методов в исследованиях организационного поведения [4].

Критики справедливо отмечают, что большинство работ опираются на косвенные показатели вроде снижения стресса или роста удовлетворенности трудом, а прямые измерения производительности (например, реальный объем выпущенной продукции или выполненных проектов) встречаются крайне редко [6]. Поэтому, на наш взгляд, нужны более качественные социологические исследования: разработка четких метрик для оценки эффективности нейроменеджмента на уровне компаний, долгосрочные наблюдения и обязательный учет культурных и поколенческих различий.

Докладчик подчеркнула, что нейроменеджмент представляет собой перспективное междисциплинарное направление. Он действительно может предложить определенные инструменты для повышения производительности труда: рост вовлеченности через майндфулнесс, улучшение качества коммуникаций благодаря развитию эмоционального интеллекта и снижение профессионального выгорания. Но пока эмпирическая база, напрямую подтверждающая рост производительности труда, остается ограниченной.

В рамках обсуждения доклада был задан вопрос, насколько популярны сейчас достижения нейроменеджмента в управленческих практиках российских компаний. Докладчик ответила, что пока руководители ориентируются в основном на свое интуитивное понимание принципов нейроменеджмента, возникающее опытным путем. Большое значение имеет уровень эмоционального интеллекта руководителя, особенно его способности анализировать психологическое состояние — свое и подчиненных, адекватно понимать причины и следствия тех или иных состояний. То есть, в настоящее время в России можно говорить лишь о личном опыте руководства коллективами на основе принципов нейроменеджмента.

Второй доклад, директора по научным и образовательным программам Фонда поддержки образования, науки и культуры «Университеты Петербурга» **Е.Н. Чуриной,** — «Социологический взгляд на влияние искусственного интеллекта при управленческом взаимодействии». По словам докладчика, для осуществления управленческого взаимодействия в процессах обмена информацией, координации и мотивации / принуждения к выполнению действий субъектами и объектами управления сегодня активно применяются цифровые технологии, в том числе ИИ, что содействует достижению целей организаций, сообществ и/или социальной системы в целом. В социологии управления данное взаимодействие изучается как основополагающее социальное явление в управленческой деятельности, а изучение его механизма — актуальная исследовательская задача.

Управленческое взаимодействие традиционно подразумевает социальное взаимодействие между управляющими и управляемыми, основанное на обмене информацией. Данная задача также включает изучение таких социальных параметров, как «доверие», «отношение», «согласие», «влияние» искусственного интеллекта на управленческое взаимодействие с персоналом. Новшеством является отсутствие социального взаимодействия при участии в обмене информацией ИИ:

параметр «влияние» дополняется исследованием того, как управляемый реагирует на цифровое технологическое управленческое воздействие. Например, согласен ли он выполнять поручения ИИ-ассистента своего руководителя. Получение обратной связи при управленческом взаимодействии вызвано необходимостью правильной корректировки субъектом управления реакции объекта управления, что обусловливает изучение социальных аспектов взаимодействия.

Докладчик проанализировала «влияние» ИИ на основании зарубежных обзоров использования цифровых технологий в управлении за 2024–2025 гг. [5; 8; 10] и представила результаты. Наибольшее проникновение ИИ наблюдается в рекрутинге (76%), тогда как аналитика удержания персонала пока отстает (37%). При этом главным барьером являются не цифровые технологии, а готовность сотрудников и менеджеров доверять им и эффективно использовать. Отмечается, что у руководителей фокус внимания смещается с операционного контроля на интерпретацию данных, генерируемых ИИ, и возникающие системы управления гибридными командами «человек + ИИ», с рисками, вытекающими из «алгоритмического управления» [10].

К 2025 г. 65% компаний уже используют ИИ в HR, а рынок HR-теха демонстрирует рост 24% ежегодно. Глубокий анализ внедрения искусственного интеллекта в HR-практики США, включая правовые и этические аспекты, приведен в: [5]. На основе отчета Deloitte 2025 “Global Human Capital Trends” [8] можно сделать выводы о влиянии ИИ на управление персоналом и организационные процессы на основе следующих данных. Во-первых, ИИ использован как стратегический партнер в управлении. Во-вторых, 52% руководителей считают ценность глубокого человеко-машинного сотрудничества критически важной. В-третьих, 54% работников обеспокоены исчезновением разницы между трудом человека и цифровыми технологиями. В-четвертых, 73% признают необходимость переосмысления роли менеджера в организации в связи с включением в управленческое взаимодействие ИИ.

Докладчик также познакомила участников Секции с результатами собственного социологического пилотажного исследования, посвященного выявлению отношения к внедрению ИИ в управленческие процессы в организациях. Исследование проводилось методом интернет-анкетирования (N = 590) в 2025 г., респонденты подбирались сетевым методом и методом снежного кома. Цель исследования — выявление отношения респондентов к ИИ, выступающему в производственных процессах в разных социальных ролях. Готовы выполнить поручения ИИ-ассистента руководителя 53% опрошенных. Когда ИИ выступает в качестве коллеги, то уровень доверия к нему повышается (65%), а использовать помощь ИИ в работе, когда он выступает в качестве ассистента-подчиненного, готовы 96% респондентов. Докладчик сделала вывод, что массовое внедрение алгоритмических систем ИИ в управленческие и HR-процессы при отсутствии комплексного понимания их «влияния» актуализирует социологические исследования готовности людей принимать ИИ в разных его социальных ролях. Важными факторами тут выступают доверие к нему и его влиянию не только на эффективность работы организации, но и на качество трудовой жизни участников и реализаторов производственных процессов.

В дискуссии обсуждался вопрос, как организация может внедрить ИИ в управленческие процессы, с чего начинать и как внедрять инструменты ИИ в социальное взаимодействие между руководителями и подчиненными. По мнению докладчика, необходимо отрефлексировать этапы внедрения ИИ в управление организацией. Их должно быть не менее трех. На начальном этапе должны быть автоматизированы рутинные задачи, которые поручаются ИИ. Второй этап будет представлен аугментацией для усиления за счет ИИ возможностей человека, в том числе когнитивных и аналитических. И на третьем этапе достигается коллаборация с ИИ, который становится «коллегой». Докладчик отметила, что согласно ее исследованию, отрицательное отношение к ИИ связано не только с технофобией работников, но и с возможным четвертым этапом внедрения ИИ в производственные процессы. Когда инструменты ИИ заменяют человека, он исключается из системы занятости в организации, сталкиваясь с широким спектром социальных проблем, связанных с востребованностью в системе общественного производства. Это беспокоит опрошенных докладчиком респондентов.

Третий доклад, профессора кафедры социального управления и планирования факультета социологии СПбГУ **Е.Е. Тарандо,** — «Неформальная сверхурочная занятость в российских компаниях: стратегии российских работников (на примере ИТ-сектора)». Докладчик отметила, что указанная проблема является чрезвычайно распространенной, хотя данные о ее масштабах разнятся. Так, Федерация независимых профсоюзов говорит, что 81% российских работников сталкиваются с необходимостью сверхурочной занятости, и только 11% из них получают за нее трудовое вознаграждение согласно российскому законодательству[2]. По результатам опроса 5000 человек, проведенного Superjob в 2021 г., 57% опрошенных приходится работать сверхурочно, при этом переработки составляют в среднем 29% от нормы рабочего времени, эти переработки работодатели избегают оплачивать[3]. Несмотря на то что оценки масштабов распространения неформальной неоплачиваемой сверхурочной занятости разнятся, каждая из этих оценок показывает, что подобные переработки стали привычным явлением трудовой жизни.

В основе доклада лежит вторичный анализ результатов пилотажного исследования, проведенного в двух ИТ-компаниях (Москва и Санкт-Петербург) методом полуструктурированного интервью (N = 52). Изначально исследование было посвящено выявлению стратегий построения схем неоплачиваемой сверхурочной занятости работодателями. Однако материалы интервью позволили проанализировать в общем виде также и стратегии работников, выстраиваемые в ответ на политику работодателей.

Можно говорить о двух группах стратегий — соглашательства и несоглашательства, причем такое разделение условно, так как каждая стратегия работника в целом является комплексной. Стратегии соглашательства в исследуемых компаниях озвучивались работниками, имеющими уязвимые позиции на рынке труда. Это молодые работники, не имеющие опыта работы, у которых данное рабочее место было первым. Они усиленно за него держались, соглашаясь почти на лю-

---

[2] В ФНПР назвали недостаточной двойную оплату за переработки более 120 часов. 2024. — URL: https://life.ru/p/1746151 (дата обращения: 01.05.2026).

[3] 6 из 10 россиян жалуются на переработки, больше всего — врачи и учителя. 2021. — URL: https://www.superjob.ru/research/articles/112781 (дата обращения: 01.05.2026).

бые условия работодателя. В их ситуации виделось по крайней мере два уязвимых момента. Во-первых, это отсутствие опыта работы. Такие сотрудники не просто подчиняются работодателю, навязывающему неформальную неоплачиваемую сверхурочную занятость, а сами готовы работать сверхурочно без оплаты, лишь бы приобрести опыт и знания в профессии. В этом случае речь идет о добровольной неоплачиваемой сверхурочной занятости. Во-вторых, в случае увольнения за ненадлежащее выполнение трудовых обязанностей на первом рабочем месте им будет крайне тяжело найти новую работу. Понимание этого также серьезно мотивирует максимально вкладываться в производственный процесс, в том числе в формате неоплачиваемой сверхурочной занятости. Все это позволяет выдвинуть гипотезу, что социальная уязвимость может служить серьезным основанием для формирования у работников мотивации к выполнению почти любых условий работодателей, в том числе в отношении бесплатной сверхурочной занятости. Следует сказать, что работники данной группы придерживаются такой стратегии лишь определенное время — до тех пор, пока не приобретут необходимый профессионализм и не наработают нужный опыт, измеряемый трудовым стажем, а затем переориентируются на стратегии несоглашательства.

Стратегии несоглашательства выражались у респондентов в поиске нового места работы в надежде, что новый начальник окажется более добросовестным, чем нынешний. При этом работники отмечали, что такие добросовестные работодатели не так уж редки в социальном пространстве ИТ-компаний. В случае эффективности такой стратегии наблюдалось временное соглашательство с трудовой политикой прежнего работодателя, которое нужно было, чтобы выиграть время на поиск нового места работы. Именно уход в другую компанию рассматривался работниками как наилучшая ответная стратегия на принуждение к постоянной неоплачиваемой сверхурочной занятости. Ни один работник не высказался за то, чтобы входить в конфликт с работодателем по поводу продолжительности рабочего дня, вести с ним переговоры, добиваться соблюдения своих трудовых прав. В связи с этим был сделан вывод: социальная субъектность работников исследуемых компаний деформирована в сторону адаптации к действиям работодателя, стремление повлиять на эти действия с тем, чтобы отстоять свои интересы, отсутствует.

Докладчик подытожила свое выступление: регулярная сверхурочная занятость, в которой нуждаются все работодатели, выстраивается в социальном пространстве трудовых отношений весьма проблематично. У работодателей гораздо больше социальных ресурсов ее не оплачивать, чем у работников — требовать справедливой оплаты. В такой ситуации привлечение недобросовестных работодателей к ответственности и принуждение их платить сверхурочные является проблемой. Доступные работникам процедуры, с помощью которых они могли бы подтвердить факт неоплаты, отсутствуют. Разработкой таких процедур должны заняться государственные органы, отвечающие за надзор в сфере труда, профсоюзов, законодательных и исполнительных органов власти. Также необходимы социологические исследования механизмов построения неформальной постоянной неоплачиваемой сверхурочной занятости и социальных конструктов, в рамках которых они функционируют. Результаты этих исследований станут основой для формулирования законодательных инициатив по решению проблемы постоянных переработок в российских компаниях.

В ходе обсуждения этого доклада дискутировался вопрос, насколько возможно работнику в условиях навязывания постоянной неоплачиваемой сверхурочной занятости договариваться с работодателем о соблюдении своих трудовых прав. Ответ на этот вопрос уже прозвучал: у работника гораздо меньше социальных ресурсов противостоять навязыванию такой занятости, чем у работодателей – уклоняться от ее оплаты. Среди тех социальных ресурсов, которых не хватает работникам, были указаны низкая правовая грамотность, недостаточность коммуникативных навыков, в том числе по ведению переговорных процессов, также отмечалась информационная асимметрия не в пользу работников в отношении их социальных возможностей в организации. Для противостояния работодателю нужны коллективные действия, опирающиеся на поддержку государства, но их организация и реализация очень затратны и рискованны при неопределенном результате. Поэтому работники избегают такой линии поведения, предпочитая просто сменить работу.

В рамках дискуссионной части Секции обсуждался вопрос, как противостоят навязыванию постоянной сверхурочной занятости китайские работники, вынужденные работать по системе 996 (с 9:00 до 21:00 шесть дней в неделю). Отмечалось, что они, так же как и российские работники, не конфликтуют с работодателями. Но в Китае данная проблема не решается путем смены работодателя по причине того, что практически все они заставляют перерабатывать. Поэтому работники прибегают к оппортунистическим поведенческим приемам: устраивают перерывы, в которые стараются поспать (у многих на работе есть раскладушки, матрасы и подушки), практикуют имитацию бурной деятельности при фактическом бездействии. Однако сегодня наметился тренд на переход от пассивного недовольства к действиям, которые носят скоординированный характер, осуществляются в цифровом пространстве и поддерживаются государством. Прежде всего, китайское государство в 2021 г. объявило систему 996 незаконной, что дало импульс для координации действий работников, которую государство легализовало и в какой-то мере инициировало. В сети стали появляться цифровые платформы, где выкладывается информация о недобросовестных компаниях, заставляющих постоянно и помногу перерабатывать, о случаях увольнений из-за отказа делать это, собираются доказательства нарушений трудового законодательства. Инициатива государства по запрету системы 996 запустила организованную борьбу с этой системой, и к настоящему времени ряд крупных китайских компаний уже сократили фактическое рабочее время до приемлемого для работников. И хотя сама система 996 все еще продолжает реализовываться в китайских компаниях, она начала трансформироваться в сторону законодательно установленных норм рабочего времени.

Подводя итоги, модератор Е.Е. Тарандо сделала вывод, что Секция кафедры социального управления и планирования факультета социологии СПбГУ продолжила традиции социологического исследования трудовой проблематики в Санкт-Петербургском университете. Социология труда как значимое направление научных исследований на соцфаке СПбГУ последние несколько десятилетий развивается в направлении изучения практических проблем, порождаемых реальными процессами в трудовой сфере и сфере управления трудом. В этом году Секция по-новому представила проблематику управления в области использова-

ния элементов нейроменеджмента, показала место инструментов ИИ в социальных отношениях в трудовом коллективе, определила контуры поведения работников в ситуации навязывания им постоянной неоплачиваемой сверхурочной занятости.

Вопросы, обсуждаемые в рамках Секции, вызвали интерес академического сообщества, студентов вузов, представителей структур государственного управления. По итогам работы Секции кафедры социального управления и планирования СПбГУ «Социальное пространство труда и управления трудом: образование, занятость, человеческий капитал» в рамках X Санкт-Петербургского международного форума труда были намечены направления дальнейших исследований в данных сферах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарандо Елена Евгеньевна — доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 274-97-06. **Электронная почта:** e.tarando@spbu.ru SPIN-код: 4441-6229

Рубцова Мария Владимировна — доктор социологических наук, профессор, кафедра социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 274-97-06. **Электронная почта:** m.rubtsova@spbu.ru SPIN-код: 1584-9898

Рассказов Сергей Вениаминович — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 274-97-06 **Электронная почта:** s.rasskazov@spbu.ru SPIN-код: 9072-5453

Меньшикова Галина Александровна — кандидат экономических наук, преподаватель, кафедра социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 274-97-06 **Электронная почта:** Menshikova.g.a@mail.ru SPIN-код: 2014-5149

Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 187–197. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.11

Review

ELENA E. TARANDO*[1]*, MARIIA V. RUBTSOVA*[1]*,
***SERGEY V. RASSKAZOV*[1]*, GALINA A. MENSHIKOVA*[1]**

[1] Saint Petersburg State University.
7-9, Universitetskaya emb., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.

Session of the Department of Social Management and Planning of Saint Petersburg State University at the 10th St Petersburg International Labor Forum (April 8–10, 2026)

Abstract. This article presents an overview of the work of the scientific session "The Social Space of Labor and of Labor Management: Education, Employment, and Human Capital" held at the 10th St Petersburg International Labor Forum (April 8–10, 2026). The session was organized by the Department of Social Management and Planning at St Petersburg State University. Three thematic scientific papers were presented as part of the session. The first paper analyzed the sociological concepts of neuromanagement in relation to the application of its tools to improve labor productivity. The second paper presented the results of a pilot sociological study of the social characteristics of integrating AI into management processes in organizations. The third paper was based on a secondary analysis of materials from a pilot sociological study of informal

permanent unpaid overtime employment, focusing on how employees develop strategies to respond to employers' imposition of overtime work. The article summarizes the scientific discussion on the presented thematic papers and other issues related to the development of labor relations.

Keywords: 10th St Petersburg International Labor Forum; Department of Social Management and Planning of St Petersburg State University; neuromanagement in labor management; artificial intelligence in management practices; permanent unpaid overtime.

For citation: Tarando, E.E., Rubtsova, M.V., Rasskazov, S.V., Menshikova, G.A. Section of the Department of Social Management and Planning of Saint Petersburg State University at the 10th St Petersburg International Labor Forum (April 8–10, 2026). *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 187–197. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.11

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena E. Tarando — Doctor in Economic Sciences, associated professor, Professor, Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 274-97-06. **Email:** e.tarando@spbu.ru ORCID: 0000-0002-2474-2602 ResearcherID: N-1757-2013
Mariia V. Rubtsova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Social Management and Planning, Saint-Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 274-97-06. **Email:** m.rubtsova@spbu.ru ORCID 0000:-0003-4003-4988 ResearcherID: B-7144-2015
Sergey V. Rasskazov — Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Associate professor, Department of Social Management and Planning, Saint-Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 274-97-06. **Email:** s.rasskazov@spbu.ru ORCID: 0009-0002-4494-1446 ResearcherID: AAL-4904-2021
Galina A. Menshikova — Candidate of Economic Sciences, Lecturer, Department of Social Management and Planning, Saint-Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 274-97-06. **Email:** Menshikova.g.a@mail.ru ORCID: 0000-0003-1381-3310 ResearcherID: G-3102-2015

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Гаджимурадова Л.А., Магомедов М.А., Гасанова С.З.* Синергия организационного поведения и цифровых методов принятия управленческих решений: стратегии адаптации предприятий в условиях VUCA-среды // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 10 (180). С. 199–206. DOI: 10.26726/rppe2025v10sooba EDN: BGVWCE

   Gadzhimuradova L.A., Magomedov M.A., Gasanova S.Z. Synergy of Organizational Behavior and Digital Methods of Managerial Decision-Making: Strategies for Enterprise Adaptation in a VUCA Environment. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2025. No. 10 (180). P. 199–206. DOI: 10.26726/rppe2025v10sooba (In Russ.)

2. *Джейкобс Ч.С.* Нейроменеджмент. Почему не работает мотивация методом кнута и пряника? / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2021. – 256 с.

   Jacobs C.S. *Neuromanagement. Why Doesn't Carrot–and–Stick Motivation Work?* Transl. from Eng. Moscow: Eksmo publ., 2021. 256 p. (In Russ.)

3. *Киреева А.А., Шиманаев С.П., Халимон Е.А.* Нейронаука: внедрение и развитие нейроменеджмента в Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 6. С. 26–35. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-6-26-35 EDN: VQPWHS

   Kireeva A.A., Shimanaev S.P., Khalimon E.A. Neuroscience Implementation and Neuromanagement Development in Russia. *Vestnik universiteta*. 2025. No. 6. P. 26–35. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-6-26-35 (In Russ.)

4. *Смирнова А.В.* Нейронаучные инструменты в современном социологическом познании // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 3 (42). С. 43–52. DOI: 10.18799/26584956/2021/3(42)/1080 EDN: QWLGZX

   Smirnova A.V. Neuroscientific Tools in Modern Sociological Knowledge. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 2021. No. 3 (42). P. 43–52. DOI: 10.18799/26584956/2021/3(42)/1080 (In Russ.)

5. *AI in HR: 2024 Research Report. SHRM (Society for Human Resource Management)*. 2024. Accessed 01.05.2026. URL: https://www.shrm.org/topics-tools/research/ai-in-hr-2024-research-report
6. Arradi D., Mahmoudi Z. Du neuromanagement à la performance: une revue systématique des mécanismes motivationnels, relationnels et psychosociaux du leadership. *International Journal of Accounting, Finance, Auditing, Management and Economics*. 2026. Vol. 7. No. 1. P. 481–504.
7. Dekker S., Lee N.C., Howard-Jones P., Jolles J. Neuromyths in Education: Prevalence and Predictors of Misconceptions among Teachers. *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 3. Article 429. DOI: 10.3389/fpsyg.2012.00429
8. *Deloitte. 2025. Global Human Capital Trends.* Accessed 01.05.2026. URL: https://www.deloitte.com/us/en/insights/topics/talent/human-capital-trends.html
9. Forget M., Le Pertel N. Enhancing Neuroplasticity and Promoting Brain Health at Work: The Role of Learning and Memory in Workplace Performance. *IntechOpen*. 2024. DOI: 10.5772/intechopen.1002894
10. Gartner. 2025. Future of Work Trends Toolkit. Gartner, Inc. Accessed 01.05.2026. URL: https://www.gartner.com/en/human-resources/trends/future-of-work-2025-toolkit
11. Jiménez B., Panach I., Parejo J., Durán Toro A., Juristo N., Ruiz-Cortés A. *An Empirical Study to Evaluate the Impact of Mindfulness on Helpdesk Employees*. 2022. DOI: 10.21203/rs.3.rs-2333246/v1
12. López M.C., Rodríguez Fuentes A., Watkins Fassler K., Batista D. Applied Neuroscience in Business Management: Challenges and Opportunities in Overcoming Neuromyths. *Journal of Neuroeducation*. 2026. Vol. 6. No. 2. Accessed 03.04.2026. URL: https://revistes.ub.edu/index.php/joned/article/view/51526
13. Mindeguia R., Aritzeta A., Garmendia A., Olarza A. From Intention to Perception: Emotional Processes as a Link Between Intended and Perceived Leadership Styles. *Frontiers in Psychology*. 2025. Vol. 16. Article 1526797. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1526797
14. Naranjo J.E., Mora C.A., Bustamante Villagómez D.F. et al. Wearable Sensors in Industrial Ergonomics: Enhancing Safety and Productivity in Industry 4.0. *Sensors*. 2025. Vol. 25. No. 5. P. 1526. DOI: 10.3390/s25051526
15. Narendran S., Jaiswal R., Rai R.S.P., Haralayya B., Yadav A.S., Mishra A.K. Exploring the Impact of Emotional Intelligence on Leadership Effectiveness: A Meta-Analysis in Management Studies. *Educational Administration: Theory and Practice*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 1668–1673. DOI: 10.2139/ssrn.5000233
16. Robertson L.J., Higgins N.L., Maier M.J., Carter A., Gardner J.G. Ethical Governance Strategies for the Responsible Innovation of Neurotechnologies: A Scoping Review. *Journal of Bioethical Inquiry*. 2025. Vol. 22. No. 4. P. 931–948. DOI: 10.1007/s11673-025-10440-9
17. Shelkke T., Jain D.R., Singh M. The Impact of Neurotechnology on Employee Motivation and Workplace Productivity. *GLIMS Journal of Management Review and Transformation*. 2025. Vol. 4. Iss. 2. P. 124–137. DOI: 10.1177/jmrt.251398084
18. Starostka-Patyk M., Tylkowska-Drożdż J., Zawada M., Kościelniak H., Nowakowska-Grunt J. Shaping Intelligent Management with Neuroscience: Multigenerational Perspectives for the Future. *Proceedings of the 28th European Conference on Artificial Intelligence (ECAI 2025) — InMan Workshop,* 2025. P. 70–82. DOI: 10.18276/978-83-8419-053-1-5
19. Wang Z., Wu P., Hou Y., Guo J., Lin C. The Effects of Mindfulness-Based Interventions on Alleviating Academic Burnout in Medical Students: A Systematic Review and Meta-Analysis. *BMC Public Health*. 2024. Vol. 24. No. 1. Article 1414. DOI: 10.1186/s12889-024-18938-4

Статья поступила в редакцию: 04.05.2026; поступила после рецензирования и доработки: 10.05.2026; принята к публикации: 12.05.2026.

Received: 04.05.2026; revised after review: 10.05.2026; accepted for publication: 12.05.2026.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 89247 от 24.03.2025

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: https://www.fnisc.ru. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова
Оригинал-макет: И.М. Ситдиков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, «Белый список» научных журналов – первый уровень,
перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, RSCI, ERIH PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Сетевой журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: https://www.journal-socjournal.ru
- на сайте издателя: https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228
- на сайте РЦНИ: https://journals.rcsi.science/1562-2495

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт издателя: https://www.fnisc.ru. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

2026. Том 32. № 2. Дата выхода в свет 30.06.2026.

Адрес редакции: 117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru
Телефон редакции: 8 499 120-82-57